
Untitled

Ты такой же, как я. 18+

Дэвид Висман

Аннотация:

Жизнь скрытого гея проходит в постоянном напряжении.

Не выдать себя, не дать обнаружить. Это так сложно, это так тяжело.

Ты проживаешь, как будто не свою жизнь,
ты ей не хозяин. И вся твоя маска начинает расползаться,
когда ты встречаешь ЕГО.

ПРОЛОГ:

Я просто парень, каких много.
Я свой мужик, я друг, я брат.
Я тот, кто рядом с вами ходит.
Но научился «я» скрывать.
Я вечный странник в своей жизни,
Мой путь не лёгок и не прост.
Моё второе «я» мне снится,
Во сне я бегаю свой кросс.
Но от себя бежать так трудно,
Ведь далеко не убежишь.
«Прости меня, моя подруга,
Ты просто рядом со мной спишь»
А снятся мне другие парни,
Во сне я с ними, не с тобой.
А утром я встаю на грани,
И маска вечная со мной.

*****ГЛАВА 1.

Возвращался с работы я уставший и злой. Эти вечные пробки на дороге раздражали неимоверно. Урчание в животе напоминало, что не ел я с самого утра и меня даже подташнивать начало. Если эта сука опять сунет мне под нос варёные яйца – разобью их ей о её блядскую голову.

На хрена я вообще, спрашивается, сошёлся с ней? Жил, не тужил. Так нет, решил, что если в доме будет баба, отведу всем глаза от моей голубизны. Сам себе ярмо на шею надел. Мало того, что трахаться с ней приходится, так ещё весь мозг уже выела со своими претензиями. А поначалу такой овцой прикинулась. Блядь. Выгнать её что ли? Точно, если сунет мне опять яйца, не важно – варёные, жареные, – вытурю.

Сразу вспомнился фильм про сваху в общаге. Не могу вспомнить, как называется.

Я сидел в пробке и вспоминал, как называется фильм, где сосватанная жена кормила бедного армянина или грузина яйцами. Утром яйца, в обед яйца, вечером яичница. Так и петухом недолго стать. Меня пробило на смех. А я ведь и есть петух, по зонавским понятиям. Мысли

переключились на парней. Сколько же я уже не трахался – то нормально? Эта сучка живёт у меня уже почти год. Это я что, год уже не трахал парня?! Всё, на хрен, соберу ей сегодня вещи – вперёд и с песней. Завтра залезу в интернет и найду кому присунуть. Сегодня уже сил просто нет. Если только соску какую найти. Помню, один на сайте предлагал отсосать в любое время дня и ночи. Членолуб, блин. Ну, нафиг, чего-то брезгливо. Страшный поди, как моя смерть. Перед глазами вдруг возник образ нашего практиканта Данечки.

Это его так бабы наши окрестили. Даня, Данечка, Даньчонок, от слова дань, дать, дает... Тьфу ты ёб... твою... Додумался. Совсем крышак едет. Так, срочно домой и под жопу эту суку.

Да ё-моё! Задницей она чувствует что ли, что я ей пенделя дать намылился? На столе свечи, фрукты, вино и жаркое, от запаха которого у меня слюна закапала, и живот свело так, что думал – не дойду до ванной, чтобы руки помыть.

Нажравшись, я становлюсь добрым и ленивым. А если меня ещё и за ушком почесать или голову, или спинку. О, всё – делай со мной, что хочешь.

– Солнышко, вот здесь почеси. Ага. Не, ниже. У-у-у-у, класс. А теперь чуть выше. Ага, чуть правее... левее, ниже, выше. Вот, вот. Ой, спасибо, лапа моя. Пупсичек мой, иди поцелую. Маняшечка ты моя. Машуточка сладкая. А минетик своему медвежонку сделаешь? Ты лучше всех, лапа моя! Как же я тебя люблю, солнышко.

* * *

Утром я, конечно, жалел, что поддался на провокацию. А вдруг она каждый день меня теперь так встречать будет? А с другой стороны – это даже хорошо. Дома любящая жена – хозяйшка. Детки бегают. А на стороне молодой и красивый самчик-пассивчик. Я даже, если что, и квартиру бы, наверное, снял, для такого дела. Перед глазами опять Данька. Нет, в пробках, даже с утра, для меня стоять вредно. Вот что же за мысли в голову лезут? Вот сдался тебе этот Данечка? Смазливый, чертяка, конечно. Одни глазки да губки чего стоят. А эти ямочки его блядские. И реснички длинные, которыми он начинает хлопать, как только накосячит с какими-нибудь отчётами. Похлопает так невинно и старая дура Лавренyteва всё ему прощает. Ещё и сама его косяки исправляет.

Нет, нет и нет! Этот вариант отпадает сразу. Не хватало запалиться на работе. Да и, может, мне только кажется, что мы с Данилом одного поля ягоды? Ну, и что, что я иногда, наблюдая за ним, ловлю его взгляды на ширинках мужиков? Может, у него комплекс на счёт хозяйства, и он сравнивает чужое и своё? Ну, мне-то похер, маленький у него елдак или большой. Меня его задница больше интересует. А она у него как раз что надо. Да что ты будешь делать! Скорее бы уже на работу приехать, а то эти мысли дурацкие задолбали.

***

Данька поёжился. Какой-то странный взгляд сегодня у руководителя службы безопасности. Данил и так-то старается с ним не сталкиваться. Ещё тот мудака. Слышал Данька, как тот как-то орал по телефону на кого-то из

своих сотрудников. Перед тем, как устроиться на Хладокомбинат в отдел маркетинга, он ходил на беседу к этому мудиле безопаснику. Взгляд у него такой, что язык слушаться перестаёт, а ноги трястись начинают... Радость, что удалось хоть куда-то приткнуться на время практики, была подпорчена этим самым взглядом и допросом с пристрастием. Его однокурсники всё ещё бегали в поисках тёплых местечек. Хладокомбинат был престижным предприятием. Кроме того что выпускал свою продукцию, он осуществлял закупки и поставки продуктов других производителей. Не говоря уже о том, что по всему городу была сеть магазинов и оптовых баз Хладокомбината. Так что, устроиться сюда на практику, да ещё и с последующим получением работы – манна небесная.

Отдел маркетинга и кабинет начальника службы безопасности были расположены напротив. И этот чёртов безопасник вечно у них чаи гонял. Девчонки в отделе прямо чуть ли не вприпрыжку перед ним бегать начинали.

«Дмитрий Александрович, вам кофейку или чаю? Ой, какой вы шоколад принесли! Наш самый любимый! Ой, а на вас этот костюм так сидит! А анекдотик новый не расскажите? Хи-хи, ха-ха». И так всегда, стоит этому уроду зайти на их территорию. Ну, на счёт «урода» Данька, конечно, погорячился. Мужик – этот долбаный безопасник – надо сказать, ничего. Здоровый, чернявый. Вот глаза только всё портят – уж больно колючие. Серые такие, глубоко посаженные, под чёрными густыми бровями, так и буравят, так и буравят. Гомофоб, наверное, конкретный. Узнает, что голубого на работу пропустил, размахет к чёртовой матери. Поэтому Данька старался при нём быть ниже травы, тише воды. Превращался в невидимку. А если не удавалось избежать контакта при совместных чаепитиях, заигрывал с девчонками, показывая, какой он якобы ловелас. И вообще, улыбался всем женщинам на всём «Холодильнике». За что они его теперь и называли не иначе как Данечка.

И вот сегодня этот их безопасник с самого утра косится на Даньку, глаз с него не спускает. Вчера, кстати, он ни разу к ним не заходил чаи гонять. Весь день где-то бегал. Зато сегодня наверстал. Ходит и ходит. Смотрит и смотрит. Вот чего, спрашивается, надо? Да ещё, как назло, у их маркетолога – Анечки родилась вчера племянница, и она притащила на работу два торта. Женщины пооблизывались, повздыхали и дружно отказались от лакомства в пользу мужчин и диеты. А это здоровое быдло оказался сладкоежкой, как и Данил, и бегаёт теперь к ним жрать торт и пить кофе через каждые два часа.

И вдруг до Даньки дошло: «Бляха муха! Да он же, наверное, как-то догадался! Проверяет теперь! Когда и где я спалился? В инете фотки моей нет, это точно. Значит, через гей-знакомства он меня проверить не мог. Да и зачем ему это надо? С какого хера он бы туда с проверкой полез? Да, в конце концов, у него нет никаких доказательств, если он и догадался. Да и как он мог догадаться? Никак! Я себя ничем не мог выдать».

Успокоившись, Данил посмотрел прямо в глаза Дмитрию Александровичу, сидевшему как раз с чашкой кофе напротив него. Лучше бы Данька этого не делал.

Этот козёл ему подмигнул.

Даня поперхнулся кофе и побелел как мел. «Пиздец! Он знает!» – от страха Данилу стало дурно, торт запросился обратно.

– Извините. – Он положил кусочек торта назад на блюдце и вышел. В туалете прислонился лбом к сверкавшему белизной кафелю. Холод плитки успокоил резкую головную боль. Руки всё ещё дрожали, а в голове металось: «Что делать? Что делать? Надо срочно закрутить с кем-нибудь из девочек».

***

«Ну, точно – такой же пидорюга, как и я. С чего бы ему так реагировать на моё подмигивание? У него с лица все краски жизни за секунду улетучились. А хорош, засранец. Я бы ему впиндюрил по самое не хочу. Бля, как же хочется потрахаться-то нормально и при этом не спалиться».

Хотя... есть одна мыслишка. Он ведь тоже спалиться боится. Может, мне к нему подкатить не как педику, а как гомофобу? Да и пошантажировать? А что, идея! Расколю его и скажу, что обязан доложить директору, что мы приняли гомика. А директор ох как их не любит. Тэ-э-экс, и чего я этим добьюсь? Пацан просто свалит. У него же всего лишь практика. Облом-с. Держи, Димок, свой хер подальше от сотрудников. Что-то долго он в туалете торчит. Обосрался со страху, что ли? Пойти посмотреть? Вот тебе, зачем это надо? Сиди на месте. Нет, блядь, ноги сами понесли к туалету».

ГЛАВА 2.

Зашёл в туалет не слышно – это я умею, подкрадываться как пиздец – незаметно. Блядь! Я не матерюсь! Ну вот что за поза пидорская? Ну, привык, по ходу, мальчик жопу по туалетам подставлять. Лбом в кафель упёрся, задницу отклянчил, подходи и присовывай. Еле сдержался, чтобы не помацать да не присунуть.

– Ты что стенку облизываешь? Торт не понравился, вкус туалетного кафеля лучше? Или представил кого? – Вот язык мой – враг. Что, спрашивается, я несу? Бедный Данчонок от неожиданности подпрыгнул и повернулся ко мне, как солдат по команде. Покраснел, побледнел и ещё раз покраснел.

– Я, я это... Голова разболелась, а он холодный.

– У-у-у. Не знал, что вместо анальгетиков можно кафель в туалете полизать, и все пройдёт.

Вспыхнул, молнию в меня метнул, зубками чуть ли не скрежешет.

– Я не облизывал. Прислонился просто лбом.

– А-а-а, ну, это, конечно, другое дело, раз не облизывал. – Я подошёл к умывальнику и стал мыть руки. На бедного практиканта жалко было смотреть. Ему явно хотелось дать драпу, но я встал так, что он оказался зажат в углу, и нужно было меня обойти, чтобы выйти из туалета. А он явно не решался протискиваться между огромным мной и кабинками.

– Дмитрий Александрович, я пойду?

– А чего ты меня спрашиваешь? Ты что, в кабинете у меня? Так я в туалете не принимаю.

Опять покраснел. Хотел, видать, огрызнуться, уже рот открыл, но вовремя прикусил свой язык.

– Пропустите меня, пожалуйста.

– Что, с куска торта разнесло? Места до хрена, проходи.

Бочком, бочком, протиснулся – и в два прыжка до двери.

Так, боишься меня, значит. Это хорошо. Бойся. Меня надо бояться. Люблю я это дело – на испуганные рожи смотреть. Помню, шофера один попался на пропускном. Хитрым себя возомнил. Под мусор в старые мешки из-под угла спрятал коробку масла. Думал, прокатит как мусор из котельной. Наивный. Только устроился, тупица. Когда его ко мне привели, он уже и так трясся весь. Девчата у нас в охране ещё те. Сам выбирал. Одна Буторина чего стоит. Она раньше в тюряге работала, да спалилась на чём-то. Передачки, по ходу, половинила. Я её сразу предупредил, что если косячить начнёт, всю жизнь без полочки работать на Хладик будет – до самой пенсии. А до пенсии ей как раз ещё пять лет, так что не сильно куда устроишься в таком возрасте. Так она теперь старается. Шманает похлеще, чем на зоне. Её весь Хладокомбинат ненавидит. Ну, кроме нас с директором. Шофёр этот, когда я молча, со своего кресла, развалившись в нём и куря большую толстую сигару, позаимствованную у директора, мерил его своим прищуром минут так двадцать, сначала трясся мелко, потом крупно, а потом в обморок хлопнулся.

Приехала «скорая», констатировала, что у него давление резко подскочило, а потом резко упало. Перенервничал, бедолага. После больничного шесть месяцев работал на чистом окладе. И как умудрялся содержать семью на две с половиной тысячи? Мы за хищения не увольняем. На хрена? Смысл? А вот наоборот, сделать так, чтобы фиг уволился и отработал эту несчастную коробку масла в тысячекратном размере – это выгодно.

После увиденной туалетной позы практикантика, ещё больше захотелось его напаять. Как же, блин, склонить-то его, в прямом и переносном смысле. Нагнуть так, чтобы он не догадался о моей ориентации, а думал, что я его чисто опустил. Вот если бы он что-нибудь украл.

***

Данил не мог сосредоточиться на работе. Ноги и руки до сих пор тряслись. И живот прихватило, не иначе как со страха. Лавреньтева – хорошая, добрая женщина и его непосредственный начальник – заметила его состояние.

– Данечка, ты что, тортом отравился?

– Не знаю, Зинаида Макаровна. Наверное.

Девчонки тут же побросали свои рабочие места и окружили бледного Даньку.

– Странно, Дмитрий Александрович больше твоего съел и ничего. Вон как цветёт и пахнет.

Анечка выглянула в коридор, заглядывая в противоположную открытую дверь. Безопасник, развалившись в кресле, курил прямо в кабинете. Увидев выглядывающую Анечку, он ей подмигнул.

– Ой, Дмитрий Александрович, с вами всё в порядке?

– А что со мной может быть не в порядке?

– Да вон Данька наш тортом траванулся, а вы же его вместе ели. Безопасник, пробурчав что-то себе под нос, встал из-за своего стола и направился к ним в кабинет.

– Кафель в туалете меньше лизать надо.

– Я не лизал! Я лбом просто прислонился. Он холодный, а у меня голова болит! – Данька даже с места своего соскочил.

От стыда щёки из бледных стали пунцовыми, а голос сорвался на какой-то писк. Девчонки захихикали.

– Данечка, иди, деточка, в медпункт. Наташа тебе что-нибудь даст.

– От слов начальницы Данька покраснел ещё больше.

– Да, деточка, сходи в медпункт и зайди заодно на фабрику мороженого. Я туда позвоню, скажу, чтобы тебе его приготовили. Хотите, девчата, мороженого? – Дмитрий Александрович улыбался женскому коллективу в тридцать два зуба.

На Хладокомбинате делали мороженое, но за пределы проходной выносить его было нельзя. А их офис как раз был за пределами. Да и на самой территории работяги, конечно, ели лакомство, но так, чтобы начальству и охране не попадаться на глаза. Но безопасник да и остальное высокое начальство под этот запрет не попадали, и мороженое в их кабинеты доставлялось коробками. Свежее, только с контейнера. Он часто баловал конторских девчонок, принося им разные сорта на пробу. Да и сам любил полакомиться. Они с директором и главным инженером закусывали мороженым коньяк. Чистое извращение, но им нравилось.

– А меня с ним на проходной не задержат?

Дмитрий посмотрел на Даньку как на дурака.

– Деточка, я предупрежу вахтёров.

– Я не деточка. Меня Данил Артамонович зовут, если вы забыли.

– Ну, до Артамоновича дорасти сначала. И кто твоему папаше имя только придумал? Ужас!

– Дмитрий Александрович, ну как вам не стыдно? – вступилась за красного Даньку Зинаида Макаровна.

Поймав на себе насмешливый взгляд безопасника, Данил предпочёл ретироваться от дальнейшего обсуждения его отчества. Он на слабых ногах поплёлся в медпункт к медичке Наталье, за таблеткой от страха.

* * *

Интересно бы посмотреть, как этот пассивный гомосексуалист ест эскимо на палочке. Я, как гомосексуалист активный, мигом представил Даньку, сосущего мороженое. Облизывающего его языком, обсасывающего губами. Так, блин, пора в Интернет. Где там педрила, предлагавший всем отсосать? Нет, с рабочего компа в интернет нельзя, а свой ноут я сегодня оставил дома. Чёрт, вечером обязательно залезу на форум. Сто лет туда не выходил. Надо Маньку из дома на вечер устранить. А ещё лучше на всю ночь. Или нет, на все выходные. О, идея. Так, сейчас всё устроим. Телефон, телефон, телефончик.

– Машут, солнце, не хочешь отдохнуть на выходных в нашем доме отдыха? Заезд в пятницу вечером, то есть сегодня. Можешь подруг с собой прихватить, там домики на шестерых. Только я с вами поехать не смогу, у

меня дела в городе. Ну, солнце, не дуйся. Отдохнёшь от меня, оторвёшься с девчонками. Давай, обзванивай подружек. Там, знаешь, как здорово! Ресторан есть, сауна, расположено всё на берегу реки. Не покупаешься уже, конечно, но красотища! Тренажёрка, всякие фито-бочки, массажи, оздоровительные процедуры. Много чего хорошего, разберётесь на месте. В субботу в ресторане дискотека. Народу дофига всегда. Давай, расслабься, пока я разрешаю. Ну, и славненько, заедешь ко мне на работу за путёвками.

Одно дело сделал. Ну вот, какого-нибудь педика я всё-таки трахну за выходные и за щеку суну.

ГЛАВА 3.

Манька приехала ко мне на работу во всей красе. Тёлка она, конечно – высший класс. Грудь выпрыгивает из тесного лифчика, при этом даже при ходьбе не колышется, настолько упругая и литая. Талия тонкая, бёдра крутые, ножки точёные. А задница, как яблочко наливное, у мужиков руки так и тянутся шлёпнуть. На её тыл-то я и повёлся. Фейсик у Маньки тоже что надо.

Губки «а-ля мне пять лет, и я дуюсь», глазки – «а что я такого сказала?» Носик – «фи, плевала я на вас с высокой колокольни». В общем, наивность, невинность и стервозность в одном лице. Отдав путёвки, я решил проводить её до машины, поздороваться с девчатами, которые ждали в ней. Подружки у Машки – девчонки хорошие. На меня смотрят с обожанием и щенячьим восторгом. Машенки завидуют со страшной силой, но вида стараются не подавать. А так как я ещё и не реагирую на их намёки: вздохи, ахи, подмигивания и выставление всех их женских прелестей – они считают, что я от Машки без ума. Что таких мужиков нынче не бывает – влюблённых и верных.

Выйдя в коридор офиса, приобнимая сожительницу за талию, я уговаривал её не дуться и повеселиться от души. Специально притормозил у открытых дверей противоположного кабинета.

Маркетологи с нескрываемым интересом разглядывали мою спутницу. Она же ревностно зыркала на них. Тут, как чёрт из табакерки выскочил из своего кабинета наш генерал. Он Машку каким-то нюхом чуял. Я не раз ловил его взгляды при совместных нередких мероприятиях и корпоративах на различных частях тела моей пассии. Ну, неровно он к ней дышал неровно, причём в прямом и переносном смысле. Вот и сейчас пыхтит как паровоз и, ни сколько не стесняясь меня, пялится на Манькины сиськи. А мне что, мне пофиг. Пусть пялится, мне не жалко.

Генерал у нас – царь и бог. Когда Союз развалился, он быстренько прибрал к рукам тогда убыточный Хладокомбинат. Люди сидели по несколько месяцев без зарплаты, им было не до мороженого. Магазины пустовали, мыло и водка по талонам. Мясо в очередь. Государство пополнять запасы Хладокомбината не спешило. Заводы и фабрики вдруг обзавелись акциями, и их директора быстренько прибирали государственные предприятия к рукам.

Вот и наш директор скупил у работяг их акции и ваучеры за бесценнок и стал полным хозяином единственного в городе хладокомбината. Правда, надо отдать ему должное, он заменил на фабрике устаревшие совдеповские линии на новую голландскую технологию. Полностью переоборудовал цеха по производству мороженого и сырков. Сами холодильные установки по хранению продуктов тоже потерпели полнейшую реконструкцию. Раньше в районе Хладокомбината и за его пределами был стойкий запах аммиака. А на самой территории иногда глаза от него резало и горло неприятно першило. Сейчас его не ощущалось совсем. За несколько лет, что шагала перестройка, наш генерал наладил целую сеть магазинов и оптовых баз. Когда Россия подседа на «американские окорочка», Хладокомбинат был монополистом поставки их в город.

Из-за границы шли фуры с продуктами напрямую. Сыр, масло из Голландии. Окорочка, куры, шоколад, конфеты, фрукты, консервы, колбасы, вино-водочная продукция – все поставлялось Хладокомбинатом. За городом оборудовали свой свинокомплекс. Обзавелись туристической горной базой. Стали акционерами банка. А за нашим мороженым ехали из Казахстана и Украины. Оно занимало первые места на всяких специальных выставках. Наш генерал якшался со многими столичными высшими политиками, а губернатор области и мэр нашего города были его собутыльниками и друзьями. Уважаемый, одним словом, человек. Он был жёстким руководителем, не терпимым к пьянству на предприятии, прогулам, безалаберности и хищениям. Но всегда отзывался на просьбу о помощи любого сотрудника, будь тот рабочим, техничкой или бухгалтером. Предоставлял детям своих рабочих путёвки в оздоровительные лагеря, устраивал детские праздники и экскурсии по фабрике мороженого. В общем, был нормальным мужиком, за что я его уважал.

На территории Хладокомбината была собственная сауна, в ней мы частенько собирались руководящим составом и иногда даже девочек нам привозили. Делалась это, конечно, уже поздно ночью, и знала об этом только охрана, которая молчала в тряпочку. Сергей Валерьевич был охоч до женского тела. Лет ему было чуть за пятьдесят, но выглядел он намного моложе. Тренажёры, лыжные прогулки, бассейн – это он любил. Ещё играл в футбол и нас подпрыгал. У нас даже соревнования проходили между руководящими составами футбольных команд разных предприятий. Ну, не одни мы, оказывается, такие в городе дебилы, гоняющие в футбол. В нашей команде самым сильным игрокам были главный механик, начальник гаража и начальник котельной. На воротах обычно стоял начальник компрессорной. Я и Валерьевич были в полузащите. В общем, заразил наш генерал всех футболом. Особенно молодёжь.

Те прямо хвостиком бегали за ним, напрашиваясь в команду. Он же брал их в запасные и болельщиками. Болеть, кстати, за нас ходили чуть ли не все мужики с Холодильника. От офисных работников до кочегаров. Вот такой наш генеральный. Сам шебутной и всех такими вокруг себя делал.

А теперь вот стоит и без зазрения совести пялится на титьки моей тёлки, при этом изображая, что выскочил поговорить со мной.

– Саныч, ты кредитников проверил? Из банка звонили, ждут твоё добро.

– Проверил. К концу рабочего дня отвезу документы. Сергей Валерьевич, мне к тебе в кабинет зайти?

– Не. Это я увидел твою прекрасную половину, вышел поздороваться.

А ты думал, к тебе, что ли, я выскочил? Хм, возомнил. Губу сверни.

– Эй, слюни к Машке в декольте не пускай, – одёрнул я зарвавшегося генерала. Он засмеялся.

– Эх, отобью когда-нибудь я твою жинку.

Маша на всё это мило улыбалась и хлопала ресничками. Она не первый раз слушала весь этот бред между нами. Кокетливо строила Валерьевичу глазки и стреляла взглядами в мою сторону, проверяя реакцию на ревность.

– Сергей Валерьевич, у вас жена дома и семеро по лавкам. Я за вас не пойду, – отшутилась моя Машутка.

– Ради такой красавицы всех брошу. Уедем с тобой на необитаемый остров, – басил ей в ответ генерал, нисколько не заботясь, что шутки его слышит весь офис.

– Ладно, иди уже. В следующий раз с девчонками поздороваюсь. Привет им передавай. Всё, давай поцелую, до воскресенья. Как приедете на место, позвони. – Я чмокнул Маньку и легонько подтолкнул к выходу.

Директор провожал её плотоядным взглядом и причмокивал губами.

– Ну, блин, Саныч, урвал же такую ягодку. Куда это ты её спроваживаешь?

– На базу нашу. Путёвки оформил на выходные, пусть оторвётся с девчонками.

– Одну отпускаешь? Не боишься?

– А чего бояться? Чай, не дура, понимает – шаг вправо, шаг влево, расстрел на месте. Мне же доложат все. С кем, что, как...

– Это точно. Нашим только дай повод. Сразу всё подметят и выложат. А сам что делать в выходные собрался? Колись давай. Одной ягодки мало, пойдёшь ещё собирать?

– Сергей Валерьевич, ну, что же так плохо-то обо мне? Буду домашними делами заниматься.

– Ты – домашними?! Ой, не смей мою лысину.

– Облысей сначала.

Так, перекидываясь с директором шуточками, мы зашли ко мне в кабинет. Он по-хозяйски плюхнулся в моё кресло. Оно ему нравилось. Давно у меня его всякими намёками выманивал, да я делал вид, что намёков не понимаю, а забрать в наглую он его не мог. Я его за свою наличность покупал. На вопрос: «Где купил?» – отвечал, что там уже нет.

Я пристроился на маленьком диванчике, стоящем в углу. Не успели мы закурить, как в дверь постучали. На моё: «Войдите» – зашёл практикант, держа перед собой коробку с мороженым. Увидев директора за моим столом и в моем кресле, он растерялся, не зная, к кому обращаться и что делать с мороженым. Я ему на помощь не спешил, наслаждаясь его глупым видом. Наконец, поздоровавшись с директором, он повернулся ко мне.

– Дмитрий Александрович, вот, я принёс. Ну, то, что вы просили.

– Молодец. Ставь на стол.

Он, поставив коробку на стол, развернулся уже к двери.

– Данил Артамонович, задержитесь на минуту. – От моего резкого оклика у него, наверное, нервный тик начался. Он как-то ручками стал подёргивать. Сожмёт кулачки, разожмёт. Сожмёт, разожмёт.

– Что-то ещё?

Я, молча подходя к столу, выудил из коробки четыре брикета, а на остальное кивнул.

– Забирай, ешьте с девочками.

Он, взяв коробку, проблеял: «До свидания, Сергей Валерьевич» – балдеющему над этой картиной генералу и медленно пошёл к двери. Ноги мальчика явно плохо слушались. Я даже не заметил, как рядом со мной оказался Валерьич. Его тихий голос, чуть ли не в самое ухо, заставил меня вздрогнуть.

– Саныч, ты чего пялишься на задницу парня?

– Я? С чего ты это взял? – Вот блин глазастый. Неужели я так явно пялюсь?

– Да у тебя слюни чуть на его булки не закапали. Ты у меня что, поголубел?

– Типун тебе на язык. С чего это вдруг? Ну, задница просто красивая, как у тёлки.

– Не пизди. Обыкновенная у него задница. Эх, такого бойца теряем.

– Это ты о чём?

– Не о чём, а о ком. О тебе я, о тебе.

– С чего это вы меня теряете? Валерьевич, не гони.

– В Москве чуть ли не все верхушки на голубизне помешались. Как сауна, так девочки с пидорами вперемешку. И ты туда же? Тоже попробовать захотел?

– А ты пробовал?

– Я что, свой хер на помойке нашёл, всяким пидорам присовывать?

– Ну, так и я свой там не терял.

– Ну-ну. Смотри мне. А пацан что, из этих голубеньких? Он кем у нас?

– В маркетинге. Не, нормальный он. Только шугливый больно. Ну, попялился я на его зад, не стёрся же он у него.

– Да ты, главное, свои луполки об его сральник не сломай.

– Всё, замяли. Ты меня что, не знаешь? Сколько лет уже на тебя пашу?

– Так вот я и говорю, что такого бойца терять не хочу.

– Не ссы, не потеряешь.

– Ладно, проехали. Давай сегодня вечером в сауну, а?

– С девочками?

– А куда же без них? Или тебе мальчиков подавай?

– Да ладно подкалывать. Подумаешь, на мужскую задницу разок попялился.

– А может этого обладателя задницы тоже позвать?

– На фига?

– Ну, сравнишь. Его тощую с аппетитными попками девчат. Может, тогда больше не потянет его пердильник разглядывать.

– И так не потянет. Валерьевич, кончай уже.

– Эх, вечером! – Генерал с хрустом потянулся и принялся за мороженое.

ГЛАВА 4.

Данил пришёл домой вымотанный не столько физически, сколько морально. День для него выдался тяжёлый. Все эти взгляды – подозрительные безопасника, насмешливый директора – выбивали из колеи. Ни родители, ни друзья – никто не знал о его ориентации. Постоянного партнёра у него не было. Да и вообще, не так их много-то и было. Страх

быть разоблачённым намного сильнее желания секса.

Несколько месяцев назад решился зарегистрироваться на одном сайте и поместить свою анкету. Предложения посыпались как из рога изобилия. Почти все они были от старожилов, которые не пропускали ни одного новенького. На сайте их анкеты висели годами. Ещё до того, как всё же осмелился зарегистрироваться, он анонимно посещал этот сайт. Газеты тоже просматривал, читал объявления, но не решался на контакт.

Одно объявление он читал ещё в классе девятом, и с тех пор оно выходило каждую неделю в течение всех этих лет.

«Симпатичный поварёнок, жаждет познакомиться с обладателем сочного баунти» – от его прочтения в первый раз Даньку чуть не стошнило, и отбило всю охоту знакомиться таким образом.

На сайте этот «симпатичный поварёнок» тоже обосновался. В своей анкете и в письмах всем и каждому зарегистрировавшемуся он в подробностях описывал, как он будет сосать, лизать и обрабатывать «сочное баунти». В основном все над ним стебались. Увидев анкету этого «поварёнка» в интернете, Данил долго не мог перебороть в себе отвращение к подобному варианту знакомства, но, к сожалению, в реале познакомиться с кем-то и начать, наконец, сексуальную жизнь не только в своих фантазиях, было для него ещё проблематичнее.

Из всех посыпавшихся на него предложений он выбирал кандидатов, живших за чертой города или в соседних городках их области. С одним парнем они стали встречаться регулярно. Данил чувствовал, что всё больше привязывается к нему. Списывались они каждый день, и ему было интересно общаться с этим человеком.

Данька сам ездил к нему в деревню. Влад был человек занятой по городам шастать. А Даньке было на руку – не хотелось палиться в городе. Владислав жил один. Он любил деревню и был отличным хозяином. Этаким местным фермером. Разводил поросят, кроликов, кур. Сделал коптильню. Соседям представлял Даньку как родственника, приезжающего помочь по хозяйству.

И Данил оправдывал это представление. Ночью пахал в постели Влада, а днём во дворе и хлеву. Чистил, поил, кормил, чинил – в общем – батрачил. Выходные пролетали махом. В воскресенье вечером, возвращаясь в электричке домой, он намертво прирастал к сидению, с трудом поднимая свою многострадальную задницу на выход. Всё тело болело от непривычной работы. У Влада была машина, но он подвозил Даньку только до станции, которая от деревни была довольно-таки далеко, поэтому встречать в пятницу Данила из города он тоже всегда подъезжал.

В очередную пятницу Данька прождал на станции до темноты, приехав на последней электричке. Влад должен был его встретить, они договорились об этом ещё утром. Его телефон не отвечал. Данил испугался, что с ним что-то случилось, и двинул в деревню своим ходом. К дому он подошёл уже в два часа ночи. Дверь была не заперта, и он вошёл.

Пьяный Влад трахал какую-то девку. Застывшего от этого зрелища Даньку послал на три советских и обозвал пидором.

На всю жизнь Данил запомнил эту ночную и прогулку до станции. Бессонную ночь на лавочке рядом с будкой, где продавали билеты. Кассирша, пришедшая утром на работу, с удивлением оглядела его с ног до головы.

С опухшими, красными от недосыпа, глазами, чумазый от того, что грязными руками пытался вытереть слёзы, с налипшими комьями грязи и навоза на туфлях – он представлял собой то ещё зрелище.

Он ждал, что Влад позвонит или напишет ему в аську. Оправдывается, попросит прощения, но тот больше не давал о себе знать, а Данька не позволил себе наступить на свою гордость. Ему было тошно, плохо. Он не мог ни есть, ни спать, ни учиться. Его так и тянуло позвонить или написать бывшему любовнику, но он терпел. После этого случая Данил ещё ни разу не заходил на сайт.

И вот сегодня открыл страницу «Личные проблемы посетителей гей-форума и способы их решения».

Люди делились своими проблемами, спрашивали совета, обсуждали разные житейские ситуации. Он решился и задал свой вопрос.

Дан:

«Посоветуйте, что мне делать? На работе один козёл, по-видимому, догадался, что я гей. Он гомофоб, это однозначно, и он занимает высокую должность. Я боюсь, у меня поджилки начинают трястись от его взгляда. Эта работа очень мне нужна, я не хочу её терять. Что делать?»

Макс:

«А с чего ты решил, что он знает?»

Дан:

«Чувствую. Взгляды бросает подозрительные и докапывается».

Арт:

«Ты манерный? По тебе видно, что ты гей?»

Дан:

«Нет, не видно. По крайней мере, ни родные, ни друзья – никто не догадывается».

Макс:

«Да он сам по ходу гей, если смог тебя вычислить».

Арт:

«Точно. Гомофобы – они вообще все томики».

Алекс:

«Не томики, а пидоры. Гомофобы – все латентные пидоры. Пидор не от слова гей, а от значения повседневности».

Дан:

«Нет, он начальник службы безопасности. Он человека насквозь видит.

У него взгляд акулы. Брр. Он не голубой, это точно»

Алекс:

«Ой- ёёй, знаем мы таких акул. Подставляют задницу только так».

Макс:

«Не, а если он в натуре просто вычислил Дана? Чем это может ему грозить?»

Алекс:

«Ну, чем может? Отсосом. Дан, отсоси ему, и дело в шляпе».

Дан:

«Алекс, если он меня вычислил, у меня, правда, будут проблемы. Мне не до шуток».

Арт:

«Эй, Алекс, кончай хабалить. Парень дельного совета просит. Дан, постарайся его не бояться. Смотри прямо в глаза и обрывай все намёки и шуточки. Ни в коем случае не поддавайся ни на какие провокации».

Макс:

«Арт прав. Не поддавайся, отрицай всё. У него нет доказательств. Ты пассив или актив?»

Дан:

«Универсал. А какое это имеет значение?»

Макс:

«Прямое. Не пялься на задницы и члены. Мы иногда не замечаем, как смотрим на мужиков. А со стороны это заметно, если человек наблюдательный. Если у него такая профессия, то он, естественно, всё подмечает. Где-то ты, парень, спалился».

Алекс:

«Ага, вы ему ещё мохнатку посоветуйте взломать. Природу не обманешь. Глаза сами за хером потянутся».

Арт:

«Ну, на такие крайние меры идти не обязательно, но с девушками заигрывай на работе для отвода глаз. А ещё лучше пригласи кого-нибудь из сотрудниц на свидание».

Дан:

«Я уже думал над этим, но как-то непорядочно получается по отношению к девушке».

Алекс:

«Ой, я тебя умоляю! Где ты видел порядочных мохнаток?»

Макс:

«Алекс, не будь сукой. У меня, между прочим, две сестры и куча друзей девчонок. Так что не фиг здесь на женщин бочку катить. Завали свою хабалку».

Дан, ты ей ничего конкретного не обещай, просто поухаживай. Мало, что ли, натуралов, компостирующих девчатам мозги?»

Дан:

«Но с ней же целоваться хотя бы надо, а я не могу».

Арт:

«А ты через «не могу». Закрой глазки – и вперёд, если не хочешь неприятностей».

Алекс:

«Не слушай их, Дан. Отсоси начальничку, и дело с концом. Только отсоси так, чтоб ему постоянно хотелось, и он тебя не сдаст».

Дан:

«Алекс, ты меня с хастлером не путаешь? Я даже ради работы не стану соской начальника. Даже если бы знал, что мне за это не прилетит по роже.

Макс, Арт, спасибо за поддержку и советы».

Макс:

«Да не за что. Удачи тебе».

Арт:

«Давай, действуй. Напиши потом, как у тебя дела, ладно?»

Дан:

«Хорошо. Спасибо ещё раз. Я обязательно напишу».

Данил выключил компьютер и в уме начал перебирать своих коллег девчат.

ГЛАВА 5.

Домой вернулся злой, как чёрт. Блядь, с этой грёбаной сауной только время потерял. Как всегда одна программа – выпивка, парилка, бильярд, теннис, бассейн и шлюхи.

В сауне, помимо нас с генералом, народу набралось до хрена и больше. Завгар, главный наш оптовик, глав инженер, начальник фабрики мороженого, доктор-мануальщик, обслуживающий всю нашу богадельню. Как-то правил он мне кости – на что я здоров, но знахарь наш – это, блин, Илья Муромец. Так в каральку согнул и узлом завязал, что я сам не знал, где у меня башка, где жопа, где руки, а где ноги.

В общем, весь обычный состав прикандылял. Ну и, конечно, поддавший Валерьич весь вечер подкалывал меня Данькиной задницей. Остальным палец в рот не клади – ржали как кони и доставали меня до белого каления, задолбался всё в шутку переводить.

Шлюх привезли каких-то облезлых, или они только для меня такие, хер их знает. Выстроились перед нами, штук пятнадцать – на выбор. Магазин, бля. Все как одна – в коротких юбчонках и в париках одинаковых. Куклы Барби резиновые. Ткнул в какую-то наугад. Коллективный траходром, если честно, меня никогда не возбуждал.

У оптовика нашего, например, из-под живота колбасы не видно, и

сосущая под жирами его сардельку шлюха вызывает рвотный рефлекс. Утащил свою Барби в одну из комнатёнок.

Ну, соснула, старалась, горемычная. Развернул, раком поставил, пристроился. Заартачилась – про анал, мол, разговору не было. Кто её спрашивать-то будет? Совсем шлюха нух приморозила. Впиндюрил по самое не хочу. Так она, дура, как резанная завизжала. Сопли, слюни – никакого кайфа. Парик съехал, тушь течёт.

– Ты, блядь, в очко, что ли, ни разу не долбилась, чего орёшь?

– Я вообще второй день, как работаю.

– А на хрен шла? Думала, тебя мужики ласкать, что ли, здесь будут? Выебут и спереди, и сзади, ещё и зараз. Работа у тебя такая, во все дыры принимать. Так что работай и не выё...

Мужики, как коты, сметаны нажравшись, довольные, осоловелые, анекдоты травят. Шлюх отправили восвояси.

Домой приехал на такси уже под утро. Глаза слипаются, до ноута так и не дошёл. Лёг спать злющий и неудовлетворённый.

Утром первым делом в Интернет. Залез на сайт, полистал страницы недавно зарегавшихся. Прошёлся по рейтингу. Все красавцы, как на подбор. Можно подумать, что там выставлены настоящие фейсы пользователей. Никогда не поверю, что найдётся в нашем небольшом гомофобном городе такой камикадзе. Хотя, чем чёрт не шутит, есть же на всю голову ударенные, которым плевать на окружающих и что на них пальцем показывать будут. Я, слава богу, головой об стенку не бился, так что рожи моей там нет. В online народу было мало. Хренососа не наблюдалось. Листая страницы, зашёл в «Личные проблемы и бла, бла»

У меня тоже проблема – хочу вставить уже кому-нибудь.

Тэк, а это что за хрень? Блядь, я чуть со стула не свалился, когда до меня дошло прочитанное!

Да это же Артамонович собственной персоной! И пишет, пидор, ведь обо мне, к бабке-гадалке ходить не надо! Вот уёбок, какого хрена он сор из избы наружу тащит?!

Так, стоп. Какой на хрен сор, из какой на хрен избы?

Это я, значит, козёл? Это я, значит, латентный пидор? И эти-то уродцы, советчики хреновы. А вот Алекс – хорош! Правильно советуешь, голуба моя. Отсосать, и дело с концом! И мой конец будет в деле, наконец.

А ты, Данечка, гордый значит? В хастлеры не хочешь? Ну-ну, посмотрим, куда ты свою грёбаную гордость засунешь. Смелый, ты мой. Посмотрю я в понедельник в твои «смелые» гляделки. Ну, всё! Теперь ты точно напросился! Теперь, малыш, я тебя по любому завалю, даже если мне для этого тебя к батарее привязать придётся. Отпидарасю, как два пальца... Уел ты меня, сучёньш, уел!

Ба, Алекс в online. Такс, отправить личное сообщение пользователю Алекс.

Барс: Привет, Алекс. Как дела?

Алекс: Привет, Барс. Как сажа бела. Мы знакомы?

Барс: Нет, но ведь никогда не поздно. Ну, так как?

Алекс: Запросто! Анкету смотрел?

Барс: А что там из написанного правда?

Алекс: Всё, что ты захочешь.

Барс: В машине отсосёшь?

Алекс: Ты больно шустрый! А пообщаться?

Барс: Мне нужен одноразовый секс, и больше ничего. Если тебя не устраивает – адью.

Алекс: Понял. Меня устраивает. Где и когда?

Барс: В одиннадцать вечера у магазина «Айсберг». Во что будешь одет?

Алекс: В белую майку и поверх кожаная куртка. Пойдёт для узнавания?

Барс: Вполне. До встречи.

По анкете выходило, что Алекс – стройный парниша двадцати восьми лет от роду. Симпатичный, без комплексов. Любит делать минет. Фотка отсутствовала. Да и ладно. Залез в гей-порно. Возбуждился так, что пришлось вспомнить молодость. Поспал, пожрал. Закинул пару таблеток «Антипалица» и двинул на работу за машиной. Зачем-то попёрся в кабинет. Просмотрел видеозаписи по Холодильнику. За пятницу – ничего интересного. Никто ничего не пытался стырить. Скукота. Взял папку с данными на Данила Артамоновича и выписал себе в органайзер его адрес и номер домашнего телефона.

До отсоса ещё чёрт знает сколько времени. Делать совершенно не хрен. Поехать глянуть, где обитает этот будущий хастлер.

Этот, бля, Артамонович жил в старом центре, в построенном ещё военнопленными немцами доме. Квартирки здесь, между прочим, шикарные. Бывшие партработнички обитали в таких. Наверное, его дедуля был какой-то шишкой на ровном месте. Не купили же его предки эту хату? Всё-таки дорого для простого обывателя. Я себе такую не позволю, у меня квартира в новостройках. Не пентхауз, конечно, но хорошая. Правда, строят их нынче как попало. А вот в старых элитных домах – и площадь ого-го, и высота, и толщина стен, и добротность. Евро ремонт в такой хате забабахать, и ей цены нет. Меня даже жаба задавила. Какое-то чмо – и в таких хоромах. Ну ладно, погорячился – не такое уж и чмо. Мальчик с институтом, одевается нормально, выглядит тоже ничего. Ну да, да. Не ничего, а заебись выглядит. И откуда у меня только этот грёбанный второй голос, который самому себе даже соврать не даёт?

О, блин, да это же Даня из подъезда сейчас выскочил! И куда это ты так полетел?

Сам не заметил, как заделался в детективы. Данька рванул на вокзал. Купил в пригородных кассах билет и сел в электричку. На дачу, что ли, поехал? Надо как-то узнать, есть ли у них дача.

Заехав домой, помылся, побрился и двинул на свиданку.

Парень стоял у магазина, как договорились. Я тормознул, не доезжая, и, оставив машину, подошёл к стоявшему недалеко киоску, разглядывая потенциальную соску. Не красавец, но ничего. Можно даже не только вафелькой угостить, но и присунуть. Сел в авто и, подъехав к нему, посигналил.

На улице только начинало темнеть, а мне бы не хотелось, чтобы он меня рассмотрел. Не поворачиваясь, бросил:

– Садись на заднее сиденье.

– Не боишься, а вдруг я маньяк? Пырну тебя сзади ножичком.
– А ты маньяк?
– Ага – сексуальный. Куда едем?
– В пригород. Знаю я здесь один лесочек.
– О, так ты, оказывается, сам маньяк. Прикопать меня в лесочке удумал?

– Ну, если минет хреново сделаешь, точно там оставлю.
Парень засмеялся.
– Сделаю так, что ты меня сам отпускать от себя не захочешь.

Мне сразу вспомнились советы, которые он давал на форуме Даньке. Вот бы тот им внял. Чёрт, от одной мысли, что Данька безропотно мне отсасывает, член задымился, и я на всей скорости рванул к заветному леску.

ГЛАВА 6

После «разговора» на сайте Данил немного успокоился. Наверное, действительно не так страшен черт, как его малюют. С чего он вообще решил, что безопасник к нему «неравнодушен»? Может, он на всех новеньких так смотрит. Прощупывает, так сказать. Уснул он со спокойной душой.

Всю ночь ему снился Влад. Проснулся от того, что тёрся пахом о матрас.

– Господи, что за наваждение! – Данька чуть не плакал от злости на себя. Не хотел он вспоминать этого засранца, не хотел видеть его в эротических снах. Эти сны – как старт для его изнывающего сердца. Так и хотелось схватить телефон, набрать проклятый номер и услышать чуть сипловатый голос. Или рвануть в деревню и уткнуться в пахнущее сеном, соляжкой и еще хрен знает чем плечо Владислава. А как только он представлял грубые, мозолистые, огромные ладони, лапающие его спину и задницу, желание почувствовать их наяву становилось нетерпимым.

Тогда он вызывал из памяти картинку, на которой этот урод трахает бабу, и крик: «Хули ты уставился? Пошел на хуй, пидор гнойный!» – этот метод вмиг успокаивал непрощенное либидо.

Желание зайти на сайт и списаться ещё с кем-то, даже для одноразовых встреч, он подавлял на корню, убеждая себя, что хватит зарываться мордой в дерьмо.

У него были до Влада встречи с несколькими парнями, ни к чему не обязывающий трах.

Но попробовав именно отношения с постоянным партнером, Даньке хотелось большего, чем трахнуться где то на съемной хате или в сауне. Ну, а если не врать самому себе, то этот грёбанный «фермер» запал ему в душу. Крепко запал.

Данька был парнем простым, семья рабоче-крестьянская. Мать всю жизнь пахала на заводе крановщицей, а отец на том же заводе газорезчиком. Зарплата у обоих хорошая, и они все средства вкладывали в единственного сына. Мечта родителей – чтобы сынуля выбился в люди. Не вкалывал работягой, как они. Бабушки-дедушки с обеих сторон деревенские жители. Правда, их уже не было в живых. Последняя бабушка умерла два года назад. Её дом был продан, а деньги разделены между Данькиной матерью и её братом. Дядька у Данила тоже работяга – шофёр-дальнобойщик. А со стороны отца вообще вся родня алкаши, батя с ними редко общался. Он не мог простить родной сестре, что она пьет наравне со своим мужиком.

Племяшей было жалко, но они уже все повзростали и тоже пошли по наклонной. Один Данькин двоюродный брат сидел за грабёж, другой стал законченным нариком. В общем, с родней по линии бати не повезло.

Даня помнил, как они жили в секционке с отцовской сестрой по соседству. Как двоюродные братьюва, не смотря на то, что родители Данила покупали им игрушки и вещи наравне со своим сыном, постоянно лупили его. Обзывали лошарой и додиком, разрывали его любимые книжки. Детская обида осталась до сих пор. А не так давно братик-нарик встретил его у подъезда.

Домой его Данькины родичи запускать перестали после того, как он вынес у них из квартиры дивидишник и норковую батину шапку. Трясущимися руками он хватал Данила за отворот куртки, и противно растягивая слова конючил: «Братан выручай, менты, падлы, загребли с герычем, если бабки не суну – посадят. Скажи дядьке, бабки нужны»

Отец деньги давать наотрез отказался, а выйдя к племяннику, еще и вмазал за украденные вещи. Тот уселся на корточки у подъезда и, размазывая тянущуюся кровяную слюну, грозился натравить на дядьку дружков. На его угрозы Данькин батя добавил племяшу еще пиздюлин и чуть ли не на пинках вытолкал его со двора их дома.

Дом был элитным, и перед соседями было ужасно стыдно за этот концерт. Квартира им досталась от материного родственника, партийного работника. Ему было восемьдесят девять лет, когда он умер. Сын у него жил в Питере и нос к нему не казал. Что-то между ними произошло, ещё когда парень был молодой. Что отец с сыном не поделили, ни партработник, ни его жена не рассказывали. Данилова мать ухаживала за престарелыми родственниками до конца их жизни. После смерти жены, за которой двоюродная племянница ходила, как за родной матерью, Петр Алексеевич отписал квартиру Данькиным родителям. Сделал на них дарственную, не боясь, что они выкинут его на улицу на старости лет. Последние свои годы он жил в трехкомнатной квартире вместе с их семьёй, переехавшей к нему из секционки. Ворчал на батю и учил его жизни, вспоминал Ленина и Сталина, сетовал на нынешнюю власть, долго перечислял все свои болячки, кряхтел, пыхтел и был доволен, что не одинок. Баловал Данила дорогими подарками, да и на ремонт квартиры деньги давал он. Пенсия-то хорошая, а тратить не на кого. Иногда плакал по-стариковски, усаживая Даньку к себе на колени – родных внуков-то не было. Последнее время часто называл Данила "Борей", так звали его сына. На похороны Борис не приехал, хоть Данькина мать и нашла его питерский адрес и отослала телеграмму.

Мать часто плакала из-за злых фраз соседок, бросавших ей в спину: «Сжили со свету старика из-за квартиры. Креста на вас нет, изуверы». Не будешь же каждому объяснять, как этот старик называл её доченькой и говорил, что умирает счастливым. Что родней у него нет никого. После смерти деда прошло десять лет, тех соседок уже не стало в живых, многие из них закончили свои дни в домах престарелых.

Дома Данил был один, родичи в кои-то веки взяли отпуск вместе и рванули отдыхать в Турцию.

Усевшись с кружкой чая на подоконник, он разглядывал гуляющих с детьми мамочек.

Погода была теплая, такое ощущение, что осень решила не вступать в свои права. Не смотря на середину октября – сухо, всё еще зелено и нет дождей.

"Влад, наверное, готовится к зиме. В деревне в любое время года работы невпроворот. Рабочие руки никогда не лишние".

Иногда Владислав нанимал мужиков, когда уж совсем запурхивался, но в основном, справлялся сам. Вставал ни свет, ни заря и ложился далеко за полночь, даже когда Данил к нему приезжал. Данька не сетовал, молчком старался помочь, чем может, и распорядок дня принимал с готовностью. А Влад, как двужильный, и на хозяйстве вкалывал и на Даньке не плошал.

"Нет, это наваждение, какое-то, чем больше времени проходит, тем чаще вспоминается эта сволочь".

От телефонного звонка Данил вздрогнул: совсем задумался и выпал из реальности. Не глядя на дисплей, он схватил трубку – и чуть тут же не выронил её, услышав того, о ком только что думал.

– Данчонок, привет! – Радостный голос, как ни в чем не бывало. – Ты где потерялся, засранец?

– Привет... – Данька от растерянности начал заикаться.

– Соскучился ужасно. Совсем запахался, сил только до постели добраться хватало, так что ты извини, что раньше не позвонил. Чем занимаешься, приехать не хочешь?

– Влад, вообще – то ты последний раз меня послал и из дома своего выгнал, так какого хрена тебе сейчас надо?

– Я тебя выгнал? Да ты гонишь! Когда это?

– Да ты, блядь, совсем охренел! У тебя совесть вообще есть? Херли ты мне звонишь, иди трахай своих клуш деревенских! – Даньку затрясло от возмущения, он с психом нажал "отбой" и бросил телефон на диван.

Побежал по комнате из угла в угол, стараясь успокоиться. Телефон зазвонил снова. Данил досчитал до десяти, вдохнул, выдохнул, буркнул сам себе: «Так, спокойно. Главное, не нервничай, не показывай свою слабость этому гандону» – и взял трубку.

– Влад, зачем ты мне звонишь? – Твердо, спокойно и по слогам.

– Дань, я, правда, не помню, чтобы я тебя выгонял. Я тебя последний раз, когда ждал, у меня горе случилось, и я нажрался, как свинья. Ничего не помню, честно.

Данил напрягся.

– Какое горе?

– Да представляешь, утром встал, а у меня все кролики передохли. Вообще все. Блядь, я же в них столько сил вложил, как за детьми ходил, а тут такое... Ну, я и нажрался.

– А отчего они передохли-то?

– Да хрен их знает. До этого сдохли несколько кролов и несколько больных каких-то, вялых было, животы вздуты, ну я их отсадил. А тут все, прикинь?

Я ведь раньше кроликов не держал никогда, вот решил попробовать. Попробовал. Знаешь, как жалко было. И молодняк, и здоровые. Я, блядь, ревел даже от злости.

– Ага, и от горя на бабу полез, послав при этом меня на хуй и обозвав "гнилым пидором".

– Иди ты! Дань, я не помню, правда! Я считал, что ты не приехал тогда, разозлился и не стал тебе звонить. Мне так обидно было, что у меня такое, а ты не приехал.

– Я приехал. Ты меня не встретил, и я пошёл пешком. Когда пришёл, застал стол после попойки и тебя вдрызг пьяного на какой-то тёлке. Всю

ночь протусовался на станции, а как до неё добирался впотьмах, даже вспоминать не хочу.

- Господи, вот я урод. Это Танька, ветеринарша, приходила кролов смотреть. Ну, мы с ней и напились... Она одна, без мужика живет, давно на меня метит, ну, видать, не удержался. Прости меня, а?

- Ну, так и живи с Танькой, нафиг тебе пидор-то нужен?

- Да не нужна она мне. Я по бабам редко очень, когда сами прыгают, и то по пьяни. Я же не пью фактически, некогда мне алконавтничать, а тут крышу сорвало. Дань, ну прости, а? Приезжай, соскучился, не могу. Выходные устроим, я только самое необходимое делать буду, честно. А тебе даже делать ничего не дам. Поросёночка запеку, вино домашнее попьем.

- Не надо поросёночка. Шашлыки лучше приготовить. И встретить меня, - сдался Данька.

До вокзала он был готов бежать вперёд автобуса, если бы мог.

В электричке кое-как высидел, считая остановки.

Влад стрёб его в медвежью охапку, так что слышно было, как кости трещат. Потом, опомнившись, зычно заорал:

- Братишка! Сто лет не виделись! Как я по тебе соскучился, чертяка городской! - вдарив при этом лапищей Даньке по плечу.

Отыграв на вышедшую из электрички публику, он запихал Данила в свой внедорожник и газанул в сторону деревни.

Данька, увидев Влада, простил ему всё. А когда тот, отъехав от станции на приличное расстояние, свернул в лесок, начал целовать Данила и мять его за задницу, бока и ляжки, в висках застучало, в ушах заложило, а руки сами полезли в штаны крольчатнику.

ГЛАВА 7.

В воскресенье, до самого вечера, у меня было отличное настроение. Секс в машине сделал своё дело, я получил то, что хотел. Но стоило моей сожительнице вернуться из дома отдыха, как что-то во мне переключилось. Раздражало буквально всё - от её вида, до рекламы в телевизоре. Беспричинное абсолютно раздражение - я это прекрасно понимал. Маша возилась на кухне, и даже не было её обычной надоедающей болтовни. Она как будто старалась не попадаться мне на глаза. Раньше я был только рад, когда она мне не надоедала, а сегодня бесился. Её поведение было странным, и эта странность и вызывала во мне такую реакцию.

Я что-то упустил, потерял контроль, только еще сам не мог понять в чём.

- Маш, ты чего там притихла? Как отдохнули?

- Нормально. - Равнодушный, без каких либо эмоций голос заставил отодрать задницу от дивана и пройти на кухню.

- Ты чего такая недовольная? Что-то случилось?

- С чего ты взял? Всё хорошо. - Она даже не повернулась в мою сторону.

Я подошёл и обнял её, разворачивая лицом к себе.

- Дим, не мешай. Видишь, готовлю. У меня сторит всё из-за тебя.

- Выключи на время. С чего это ты с порога вдруг готовкой занялась?

- Ну, ты же фиг что стотовишь. Зачем вообще встречать меня, лучше на диване, не отрываясь от телика, все выходные проваляться.

- Тебя там что, комар укусил? Так вроде сезон закончился, и их нет. А, забыл, осенью мухи злющие, с тобой, по ходу, одна из них ядом поделилась.

- Да пошел ты к чёрту со своими подковырками, понял?! Думаешь, я дура, не понимаю, зачем ты меня на все выходные в этот ваш сраный дом отдыха отослал?

- Так, я не понял, что за концерт ты мне здесь устраиваешь? Это за то, что я тебя отдохнуть отправил, меня же и по мордям?

- Знаешь Дим, ты самоуверенный, эгоистичный урод. Я иногда тебя просто ненавижу. Почему ты считаешь, что ты умнее окружающих себя людей? По твоему я полная дура и не понимаю, что тебе было просто удобно меня сплавить? Думаешь, я не знаю про ваши сауны? Вы думаете, что люди вокруг слепы, и никто не обсуждает ваши посиделки с девочками по вызову? Да весь Холодильник об этом знает.

- Ты что мелешь? Кто сказал тебе всю эту хрень? Кто нас обсуждает?

- Не важно. Да и мне, наверное, уже всё равно. Надоело твоё равнодушие, твоё притворство, что всё у нас хорошо. Я всё ждала, что ты меня полюбишь, но ты, по-моему, вообще не можешь кого-либо любить. Ты матери-то своей звонишь, раз в пятилетку, не говоря уже, что когда звонит она, то тебя морщит при разговоре.

- Хватит хрень пороть! Я свою мать люблю, поняла? Просто не могу выслушивать по часу её сплетни о соседях, соседских собачках и кошечках.

- Вот видишь, про замечание о матери ты среагировал, а то, что я сказала, что ты не любишь меня, тебе пофиг. Значит это, правда. - Она сняла с конфорки сковороду с чем-то жарившемся и швырнула её в раковину.

Я, честно сказать, прифигел.

- Это что, бунт на корабле? Ты, бля, совсем с катушек съехала?

- Съехала. И с катушек, и от тебя.

Машка отпихнула меня с дороги и направилась в спальню, при этом прихватив из стола кучу пакетов.

- Э, ты куда это собралась?

- А ты не понял? Я уйду. Сколько можно тратить своё время на бездушного козла?

Я почему-то совсем не ожидал такого поворота. Ещё несколько дней назад я сам хотел выдворить её из своего дома, но совершенно был не готов, чтобы меня вот так взяли и бросили.

Маша запихивала свои вещи в пакеты, а я пытался справиться с нарастающим приступом бешенства. Но безуспешно.

Вещи полетели по всей комнате, что-то разбилось, а я оказался на Машке, опрокинутой на кровать. Резкая боль на щеке привела меня в себя, и я с ужасом увидел свои руки на Машкиной шее.

Она вцепилась одной рукой в моё запястье, пытаюсь отодрать от своего горла, а другой – полосовала мне лицо ногтями.

Тяжело дыша, я поднялся с неё, меня трясло. Её трясло еще больше. Хриплые всхлипы рвали душу. В висках стучало, голова болела нестерпимо.

Маша, уткнувшись в подушку, редела навзрыд, а я не знал что делать.

Я первый раз в жизни поднял руку на женщину.

В голове только одна мысль: «Урод, ублюдок, весь в своего отца. Что ты наделал мразь?»

Я, молча встав, взял ключи от машины и кабинета, надел куртку и вышел. А что я мог ей сказать? Что я сожалею? Прости меня? Сколько раз я слышал эти слова. Сколько раз мать принимала их и прощала отца. Я не хотел, чтобы Маша простила меня. Такое нельзя прощать. Будет лучше, если я вернусь, а её уже не будет в квартире, я просто не смогу смотреть ей в глаза.

Приехав на работу, заперся у себя в кабинете, игнорируя удивленный взгляд Буториной.

То, что работники хладокомбината знают о девочках по вызову, я не забыл, и кто из охраны такой языкастый, выясню позже. Сейчас же хотелось побыть одному и банально нажраться.

Коньяк не брал. Пустая бутылка стояла на столе и ни в одном глазу. Злость на себя, на Машку и даже на директора с его девочками, хоть и прекрасно понимал, что это здесь не причем. Машку ведь я отправил не из-за них.

Ненавижу свою гребаную ориентацию. Она мешает мне жить, давит на меня, делает несдержанным и злым. Я «мужик» до мозга костей, в прямом смысле этого слова. Мужик! Настоящий, напористый, знающий, чего хочу от жизни, умеющий взять то, что принадлежит мне.

Но я педик! Гребаный педик, вынужденный вести двойную жизнь. А это выматывает, это бесит. Я так устал от этого. Пора признаться самому себе, что я скотина во всех отношениях. И в первую очередь, в отношении окружающих меня людей. А по-другому я просто не могу, не умею. И менять ничего не хочу. Не хочу.

Данил, етить твою, Артомонович, нёсся от меня со всех ног с коробкой мороженого в руках. Я уже было ухватил его за рукав, но тут на меня налетела Машка и начала бить по голове, не то палкой, не то скалкой. Данька вырвался и дал дёру, а я пытался закрыть голову от тумачков, но было ощущение, что бьют меня не по ней, а в самих мозгах. Отпрыгнув от Маньки, ощутило приложился задним местом обо что-то твердое. От этого и проснулся. Сидел на полу возле диванчика, хлопал спросонья глазами, силясь понять, где я нахожусь и кто всё-таки долбится в моей башке. Долбились не в башке, а в дверь.

- Дмитрий Александрович, время двадцать минут восьмого, народ сейчас на работу подтянется. - Голос Буториной окончательно привел меня в себя. Тут же вспомнил, где нахожусь и почему. Стало невозможно мерзко. Да ещё голова раскалывалась, и левая щека ужасно ныла, не говоря о затекших конечностях.

Как я вообще умудрился скрючиться на этом диванчике.

- Спасибо. Всё, встал. Сдашь смену, зайди ко мне, разговор есть. - Выпроводив Буторину, поднялся с пола и размял одеревеневшие части тела.

Умывальника в кабинете нет, придется топать в туалет. Зубной пасты с щеткой тоже нет, надо будет купить. Прихватив полотенце и заодно чайник, пошёл приводить себя в порядок. В запасе всего минут пятнадцать. В нашей конторе всё ни как у людей. Обычно офисы с девяти работают, у нас же с восьми. Надо шевелить булками, если не хочу помятой рожей на людях сверкать.

- Блядь, пиздец! - Взглянув в зеркало, я охренел. Вся левая щека была опухшей, и, начиная от глаза до самой скулы, тянулись хорошие такие, смачные следы от когтей.

Я сторяча вчера совсем запарил, что Машка разодрала мне щёку, и царапины не обработал. Да какие к черту царапины! Ногти, наверное, вонзились вглубь на всю их немалую длину, оставив нехилые борозды.

Ну, всё, подколок не избежать. Генерал всю смену будет докапывать, какая рысь меня обработала. Вот чёрт! Ну, Машка, вот кошка драная.

Да и хер с ними, пробьёмся.

Быстро умывшись, закинул в пасть жвачку и пошел ставить чайник в кабинет. Брюки смялись не сильно, а пиджак я снял ещё вчера. Да и вообще, отпрошусь, наверное, домой. Дел вроде важных никаких. Вот только выясню, какая пидовка нас с сауной сдала.

Я как раз пил кофе, когда потянулся народ. Дверь в кабинет я оставил открытой. Морду всё равно не спрячешь, да и прятаться я не привык. Контора потихоньку заполнялась. Проходившие мимо сотрудники здоровались, мельком заглянув ко мне. Рожу мою поцарапанную никто пока не разглядел. Практикант, отвернув башку от моей двери, юркнул в кабинет напротив. Я сразу вспомнил сон и чуть не поперхнулся горячим кофе. Вот надо такому присниться! Дурдом в башке, а не мозги.

- Дмитрий Александрович, вы чай пить будете? Ой! - В дверях одна из девчонок-маркетологов большими такими глазками смотрит на мои боевые шрамы.

- Спасибо, Людочка, я уже попил.

- Вы, если что, заходите. К Лене мама приехала из деревни, на весь офис пирогов напекла. За день не съесть. Мы-то на диете, так что надрываться вам с Данькой придётся.

- Ну, от пирожка отказаться не могу. - В животе сразу заурчало, да так громко, что Людочка засмеялась.

- Ну, так что, придете? Или вам сюда принести?

Я глянул на часы: до прихода Буториной ещё примерно минут двадцать.

Пойти засветить свою морду у девчат. Да в конце концов, эти царапины всё равно быстро не пройдут, и мою рожу неделю точно обсуждать всем офисом будут. Чем быстрее смондрячу легенду, тем лучше.

С улыбкой Джоконды или, скорее, анаконды направился к соседям.

Встретили меня дружным «Ах».

- Дмитрий Александрович, вы что, на тигра ходили? - захихикала Леночка.

Этой палец в рот не клади, никакой субординации и такта.

Я с тяжелым вздохом и кротким взглядом опустил на стул и ухватил пирожок.

- Вы сначала молодца-то накормите, девицы красные, напоите, обогрейте, а потом уж и расспросы ведите.

- Ага, ещё спать уложите и сами потом с такими же полосами ходить будете, - ухмылочка на Ленкином личике акулья.

- Это вас Маша так приласкала? - У Людмилы в голосе сочувствие, не то, что у некоторых язв.

- Угу. С любовницей застукала. Пирожки - то, какие вкусные! - с набитым ртом и обжигаясь, горячим чаем закивал я.

- А любовница-то хоть живая? - Ехидный голосок Язвочки.

- Ага. Ногу только вывихнула, когда в окно прыгала.

- Ой, ну, что вы чешете! У вас же третий этаж!

- Вот дурак! Ну, вот зачем я вам похвастался, что он у меня третий, а? Даже соврать теперь, не соврешь.

- Девочки, не приставайте к Дмитрию Александровичу. Может, ему неприятно об этом говорить. - Это за меня Зинаида Макаровна заступается. Она вообще заступаться любит, хоть за кого.

- Данил Артомонович, а вы пирожки есть не будете? Вы тоже на диете? Что, после торта вес лишний набрали, худеете? - Я повернулся к притихшему практиканту.

- Отчего, не откажусь от парочки пирожков. - Он встал со своего места и, поставив стул рядом с моим, подсел к столу, как раз с левой стороны.

Это он что, с наглой ухмылкой на смазливой морде рассматривает мою щёку? А сколько злорадства-то в глазах - офигеть! Ну, гадёныш, ну погоди! Да это он советы тех пидоров водворяет в жизнь - дошло до меня. Ну, ну. Посмотрим, насколько твоей храбрости и наглости хватит. Опаньки, а что это у нас на шейке? Никак засос?

- Вон, Данилу Артомоновичу больше на выходных повезло. - Я кивнул на его шею. - Это же какой вампир так присосался?

Девчонки все дружно кинулись отгибать воротник его рубашки, за который он вцепился обеими руками.

Интерес к моей персоне сразу пропал. Дожевав пирожок, я по-тихому смылся.

Буторина ждала меня уже в коридоре.

В кабинете я избрал свою любимую тактику - сел в кресло и закурил. Охранница мялась перед столом, явно нервничая.

- Ну, что, Тамара Батьковна, на пенсию тебе, видать, пора.

- Мне рано ещё, Дмитрий Александрович. Что случилось? Не томите душу, в чем я провинилась?

- Ты старший охранник, ты отвечаешь за своих людей в первую очередь. Ты должна была вдолбить им в их тупые бошки, что не хрен распускать язык. Что всё, что происходит на территории и прилегающих к ней объектов Хладокомбината, хранится за зубами, а не превращается в сплетни.

Буторина побелела, и её повело. Знает, значит, о чём речь.

- Дмитрий Александрович, если вы о сауне, то это не мои люди проболтались. Это техничка, что её убирает. Она жаловалась своим коллегам, что её тошнит уже подбирать, ну, эти... Ну, сами знаете что.

- И я только сейчас об этом узнаю?

- Простите, Дмитрий Александрович. Я и подумать не могла, что это до вас дойдет. Вернее, что об этом все узнают.

- Пошла вон. И готовься к увольнению.

- Я-то здесь причем? У уборщиц начальница Марья Ивановна, она должна была провести с ними беседу. Да и вы ведь инструктаж проводите, когда людей принимаете. Это первый раз такой случай.

Я же не виновата, что у неё язык длинный оказался.

- Ты виновата в том, что знала, о чём она треплется, и не доложила.

- Но не увольнять же меня за это! Ну, как-нибудь по-другому накажите. Куда я пойду перед пенсией? Вы же знаете, у меня кредит, сын еще учится. Будьте человеком, Дмитрий Александрович. Клянусь, что впредь обо всём вам докладывать буду, всё, что услышу или увижу. Пожалуйста.

- Ладно, посмотрим. Иди.

Ну, с Марьей Ивановной и её кадрами пусть генерал разбирается. Мне её лишний раз видеть не хочется. Я при её взгляде чувствую себя, как шмоток сала перед хохлом.

Пойду, покажу свою покоцаную морду. Узнав у секретаря, свободен ли Сергей Валерьевич, пошел получать порцию подъёбок.

****

Данька кое-как отвязался от девчонок, желающих поближе и досконально рассмотреть его засосы.

И что он не додумался водолазку под рубаху одеть. Этот чёртов дресс-код.

- Слушай, такое ощущение, что тебя не девушка, а пылесос целовал. Вся шея помимо засосов исцарапана. Она что, зубами по тебе елозила?

"Вот неймётся же этой Леночке, то Саньча доставала, теперь на меня переключилась. Блин, Влад со своей щетиной, побриться что ли не мог." - Данька лихорадочно соображал, что ответить глазастой и вьедливой сотруднице.

- Это я пытался синяки вывести, бодягу прикладывал, раздражение пошло. Это не царапины.

- Ты её что, натирал по всей шее, что ли? Как теркой по коже прошелся.

- Елена, хватит всех доставать. Работать иди.

Зинаида Макаровна - самая классная женщина на свете!

Данька тоже занял свое место и попытался погрузиться в работу. Но мысли, то и дело возвращались к Владу. Выходные действительно были отличными. Они даже на природу, в ближайший лесок выехали. Жарили там шашлыки, пили вино. Поискали грибов, правда не нашли ни хрена. Зато было здорово. Ещё ни разу у Даньки не было такого свидания. Настоящего, не просто траха, а именно для души. А сколько они говорили! Сколько он узнал о Владе! Все их прошлые встречи даже «рядом не стояли». Данька

вспоминал и улыбался. Он рассказал Владиславу о проблемах с безопасником, и тот надавал ему советов. И не важно, что советы эти один в один совпадали с теми, которые ему дали на форуме.

Главное, что Даньку при этом крепко прижимали к себе, чмокали в губы и нос, и все это сопровождалось наставлениями. И после такого напутствия, ему сам директор не страшен, не то, что какой-то начальник службы безопасности...

Данька сидел перед монитором и не замечал, что все девчонки с умилением созерцают его счастливую, улыбающуюся рожицу.

ГЛАВА 9

На удивление, генерал отнесся к моей расцарапанной морде спокойно. И даже шутить не стал по этому поводу, а с порога огорошил вопросом:

- Ну что, выяснил кто у нас такой осведомленный и трепливый?
- Не понял, а ты-то уже откуда знаешь?

Валерьяч тяжело вздохнул.

- Ты на хрена руки-то, придурок, распускаешь? Твоя вчера мне звонила, истерила. Пригрозила, что если я тебя не уволю, она моей всё про сауны сдаст. И, кстати, собиралась с утра идти в судмедэкспертизу, синяки снимать, а потом заяву на тебя писать. Ты, говорит, чуть не задушил её, на шее пятна остались.

- Блядь. Вот сучки кусок. А откуда у неё номер твой?

- Ну, каюсь, грешен. Сунул как-то втихаря от тебя визиточку, на случай, если вы разбежитесь.

- И часто она тебе вот так звонит?

- Не пори херню. Первый раз позвонила, и то, не для того чтобы в объятьях моих утешиться, а обматюкала и обвинила во всём меня. Я же руководитель, и сауны с девками, значит, я устраиваю. И вообще, тебя с пути истинного сбиваю. Сам блядва, под каждую юбку лезу и тебя за собой тяну. Я, если честно, первый раз от бабы такое выслушиваю. Она у тебя похеристка полная. Чихать на мою генеральность хотела, для неё я просто кабель. И знаешь, я её даже зауважал по началу, пока она шантажировать меня не начала.

- Ну, и что ты ей на шантаж сказал?

- Дал номер телефона своей благоверной. - Валерьяч пожал плечами, и потянулся к коробке с сигарами. - Будешь?

- Давай.

- Ну, так выяснил, кто про сауну растрепал?

- Выяснил. Ты мне вот что скажи, на хера вы презики где непопадя бросаете?

- Можно подумать, ты не бросаешь.

- Я нет. Я их сразу в туалетную бумагу - и в ведро.

- Чистоплюй хренов. Уборщица, значит, волну гонит.

- Валерьяч, я иногда себя шпаной чувствую приבלатненной, общаясь с тобой. Ты в молодости, наверное, оторви и выбрось был. Жаргончик не как у интеллигентного директора, а как у урки отсидевшего.

- О, не то слово. Из детской комнаты милиции не вылазил. Мать меня чуть в Суворовское не отправила, мозги вправлять. А ты прямо весь пай мальчик из себя. И разговариваю я так только со своими, так что гордись,

шкед.

– Интересно, Машка твоей позвонит?

– Ну, и позвонит. А то ты не знаешь, что Людмиле Борисовне на меня насрать давно. Мне иной раз кажется, что я при ней бабу трахну, а она спокойно носки внукам вязать рядом будет. – Он хохотнул. – Вчера сын звонил. Отправь, говорит, мать на какой-нибудь курорт, достала она уже нас. Она домой только ночевать приходит, а так всё у Володьки трется. Анька его – тютя, слово сказать ей против не может, вот она там свои порядки и наводит. У Кольки-то не разгуляешься, Настя быстро её на место поставит.

У Валерьяча было два сына и дочь. Сыновья уже своими отпрысками обзавелись, а дочка в Англии училась. Она у них была младшенькой, долгожданной. Людмила Борисовна генерала старше на пять лет, и Ольгу родила поздно. Врачи запрещали, но она очень дочь хотела, поэтому рискнула. Что-то там пошло не так, и их вместе с дочкой еле спасли. Девочка была очень слабенькой, постоянно болела. Людмила вся окунулась в воспитание и лечение дочери.

Генерал просто перестал для неё существовать. Даже на сыновей, в то время как раз только входящих в подростковый опасный возраст, она не обращала внимание. Носилась с Ольгой по больницам и профилакториям. Месяцами обитала с дочерью на всевозможных оздоровительных курортах и лечебницах. Всё воспитание сыновей легло на генерала. Оля у них расцвела и стала красавицей. В семнадцать лет влюбилась в какого-то мальчика и от неразделенной любви наглоталась таблеток. Желудок ей, конечно, промыли, а несостоявшуюся самоубийцу мать начала таскать по психологам. И, наверное, затаскала бы, если бы девчонка не взвыла и не уговорила отца отправить её подальше от матери. Стало модно отправлять детей учиться за границу.

Двое приятелей генерала как раз спроваживали своих отпрысков учиться в Англию, и Валерьяч пристроил Ольгу за компанию. Людмила Борисовна устроила грандиозный скандал и ни в какую не отпускала любимое чадо от своей юбки. Но генерал остался тверд, и сыновья встали на его сторону. А девчонка выдала матери, что если та её не отпустит, она сбежит из дома и выйдет замуж за первого попавшегося бомжа. Отношения Сергея Валерьевича и Людмилы Борисовны и так давно уже были соседскими, а после отъезда дочери даже такими перестали быть. Людмила привыкла воспитывать и носиться с дочерью, поэтому всё своё внимание перекинула на внуков. Сначала снохи и сыновья были рады этому, но со временем поняли, что попали. Внуков бабушка баловала без меры, и они становились неуправляемыми. Мало того, что она не брала их к себе, так она торчала целыми днями у детей и портила им не только отпрысков, но и их семейные отношения.

Мы поболтали ещё немного с Валерьячем, потом он засобирался на деловую встречу, а я отпросился у него домой. Он отпустил меня без проблем, пожелав удачи в войне с Машкой. Посоветовал всё же уговорить её не подавать заявку в ментовку. Отвертеться я, конечно, от этой хрени отверчусь – подвязки хорошие, но, блин, сплетен потом не оберёшься.

Перед тем, как ехать домой, заглянул еще раз на чаёк к девчатам. Данил Артомонович даже головы не повернул в мою сторону. Подрочить его, что ли? У меня прямо зуд начался, так захотелось его подоставать.

– Данил Артомонович, да оторвитесь вы от компа-то. Идите со мной чайку попейте. Зинаида Макаровна не будет ругаться, правда, Зинаида

Макаровна? – Лаврентьева только головой покачала, чувствуя от меня какой-то подвох в сторону любимого сотрудника.

Данька с тяжелым вздохом, как будто я его оторвал от самого интересного занятия в жизни, поднялся, налил себе кофе и уселся напротив меня. Девчонки, делая вид, что заняты работой, тут же наострили уши.

– Ну, рассказывайте, какая вампирша вас так засосала? Страстная, видать, штучка.

– Вас это, Дмитрий Александрович, никаким образом не касается. По-моему, в обязанности службы безопасности не входит копаться в личной жизни сотрудников.

– Ну, не скажите, Данил Артомонович. А вдруг эта вампирюга в следующий раз вас совсем загрызет. Я должен оберегать наши ценные кадры.

Парень покраснел и стрельнул на меня злым взглядом, я даже услышал, скрип от его стиснутых зубов. Девчонки же захихикали. Но этот стервец быстренько взял себя в руки и с ехидной ухмылочкой кивнул на мою щёку.

– Как, Дмитрий Александрович, я могу доверить вам свою безопасность, если вы даже себя обезопасить не в состоянии.

Эти предательницы захихикали громче. А мальчик-то всё больше зубки показывает, совсем страх потерял, стервец. Что самое интересное, меня это не раздражало, а наоборот, мне нравилось. Я начинал себя ощущать котом, играющим с мышкой.

– Ну, у меня всё просто, у меня семейные разборки. От жены себя не обезопасишь. Я и хочу вас уберечь от такой вот вампирицы. Сейчас засосы, а потом шрамы во всю морду. Пардон, морда это у меня, а у вас мордашка.

– Не надо за меня беспокоиться, мне это не грозит.

– Вот как? – Я приподнял якобы в удивлении бровь. – Вы не собираетесь жениться? Что, никогда-никогда?

Девчонки даже для приличия уже клавишами не стучали, а обратились все в слух.

– Почему, собираюсь. Ну, когда-нибудь. Спасибо за кофе. – Он кивнул девчонкам.

– Данил Артомонович, сделайте одолжение, сходите за мороженым. Я бы сам, но с такой красотой не хочется народ на фабрике пугать. А послать вроде больше некого. Не девчонок же. Девчат, вы же хотите мороженое? Попросите Данила Артомоновича.

– Ой, Дмитрий Александрович, ну, вечно вы нас искушаете. Мы же на диете. – Анечка страдальчески вздохнула и посмотрела на подруг.

– Ладно, Дань, сходи, пожалуйста. По одному съедим, и всё.

Позвонив при Даниле на фабрику и предупредив, что к ним придёт молодой человек по имени Данил Артомонович, который был у них в прошлый раз, я поехал домой.

***

Данька прибывал в восторженном состоянии всю смену, и даже выпады этого козла безопасника не испортили ему настроение. Но стоило подойти к дому, как оно тут же улетучилось. Тревога и неприятное чувство закопошились в душе. На скамейке у их подъезда сидели оба двоюродных братца. Старший – Витька, был весь в наколках, и сквозь зубы заплёвывал асфальт возле лавочки. Тоха же, как всегда висел в наркотическом угаре и сидел с закрытыми глазами.

Витька, увидев Данила, соскочил со скамейки и стрёб его в охапку.

- О, брательник! Ну, наконец-то. А то мы заждались уже. Звонили, звонили... Дядька на работе поди?

Данил вывернулся из медвежьей хватки.

- Ты освободился уже, что ли?

- А ты чего, не рад мне?

Данька пожал плечами. С чего ему было радоваться?

- Ну, чё, беги за пузырьём, встречу отмечать будем. Дядька-то скоро придёт?

- Они с мамкой отдыхать уехали.

- Так ты у нас мальчик без присмотра? - Ткнув Даньку в плечо кулаком, оскалился щербатой улыбкой. Схватил за шкурку Антона и сдернул с лавки.

- Блядь, хватит зависать. Ушлёпок. Обкололся в хлам. Дань, давай ключи, я его домой заташу, а ты пока за водярой сбегай.

Данил растерялся. Ему не хотелось впускать в квартиру брательников, и отказать вроде как неудобно.

- Вить, батя сказал, Антона не запускать больше. Он у нас шапку с дивидухой спёр.

- Вот, блядь, урод! Сука, у своих пиздить последнее дело! - Витёк отвесил брату смачный подзатыльник. Тот опять шмякнулся на лавку.

- Ну, ты мне-то доверяешь? Знаешь же, что я этому гандону руки если что поотрываю.

Данил нехотя всё же протянул брату ключи.

- Я быстро.

- Давай, вали. Пожрать там ещё купи чего. У тебя без мамки-то в холодильнике, наверное, мышь повесилась.

Проводив Данила взглядом, он сплюнул ему вслед.

- Пидор гнойный. На зону бы тебя, быстро бы у параша оказался. Выёбывается ещё, гандон. Херли ты мало спёр-то у этих куркулей? - повернулся он к брату. - Пошли уже. Надо приглядеть, чего там у них вынести можно. Это заебись, что предки укатали. Меньше народу, больше кислороду. Вставай. - Он сдернул Тоху с лавки и потащил в подъезд.

ГЛАВА 10

Открыв квартиру, я блядь чуть на задницу тут же не сел.

В ней как буд - то Мамай прошел. Мои шмотки были разбросаны по всей хате, вперемешку с разорванными фото. М-да, женская мстя страшна. Самой мстительницы дома не наблюдалось.

Плюнув на весь этот бардак, решил успокоить нервы и уже открыл ноут, что бы залезть на какой-нибудь порносайтик для сексуальных меньшинств, как в дверь позвонили.

На пороге стоял наш участковый Лёха. Я не удивился его приходу. Значит всё-таки написала Машка заяву.

Лёха пожал мне руку.

- Саныч, какого хрена? Не мог блядь вопрос, что ли решить?

- Проходи. Чего с порога то разоряешься?

Он присвистнул, увидев бардень, устроенный моей бывшей.

Поднял одну из разорванных фото. Машутка аккуратно отрезала ту

часть фотографии, где была она, и, по-видимому, забрала её с собой. И совсем неаккуратно, оторвала мне на карточке голову.

Леха засмеялся.

- Лихо она тебя обезглавила. А шрам, её работа?

- Её. Чего она там хоть накатала?

- Что душил ты её. Пятна на шее остались. В судмедэксперт поехала.

Саныч, я от тебя такого не ожидал. Что, довела так сильно?

Я махнул рукой, и, кивнув на стул Лехе, поставил чайник.

- У тебя телефон с собой?

- Да. Зачем тебе?

- Если я со своего звонить буду, Машка трубку не возьмет. Дай я звякну. Хозяйничай пока. Кофе в шкафу. А к чаю чего, глянь в холодильнике, вроде сыр с колбасой были.

Машка на звонок ответила сиплым голосом. У меня даже вся злость на неё пропала.

- Машут, солнце, выслушай. Не бросай трубку.

- Я на тебя заявление написала.

- Я знаю. Солнце, ну зачем, а? Ну чего ты, как баба стервозная. Ты же не такая у меня. Я знаю, что я урод последний. Прощения у тебя просить, язык не поворачивается. У меня крышу сорвало, когда я понял, что ты бросаешь меня. Как я без тебя, Маняш?

- Ты сам виноват. Нафиг тебе сауны эти сдались. Тебе одной меня мало, что ли? Позорник, всякую заразу собираешь - Машка всхлипывала в трубку.

- Машут, ну не мы такие - жизнь такая. Положение обязывает, от коллектива не отставать. Я сам этих проституток терпеть не могу, ты же знаешь, мне кроме тебя не нужен никто. Солнце, ты ко мне на зону то приедешь? Хоть разок? Мне же там и так не сладко будет, а вернее не выйду я уже оттуда. Ты же не маленькая, знаешь, что там бывшего мента ждет. Вообще мне, наверное, лучше сейчас сразу в петлю, чем там, после того, как опустят.

Машка, уже не сдерживаясь, рыдала в трубку.

- Дурак, типун тебе на язык. Заберу я заявление, люблю же тебя скотину.

- Фотки-то, зачем порвала? Такие красивые были.

- Дура, потому что. - завывания стали захлѐб.

- Солнце, ну не плачь. Прости меня, а? Поехали шубку тебе купим, которую ты в тот раз присмотрела.

- Шубку?- Машка отстранилась от трубки и высморкалась. И уже хриплым голосом и со вздохом:

- Ладно, поехали. Но я тебя, до конца не простила, так и знай.

- Да я даже не надеюсь. Заявление то, заberi, а то и вправду, посадят ещё.

- Завтра заберу. Оно всё равно, без справки из судмедэкспертизы в ход не пойдет. Мне так в милиции сказали.

- Точно заберешь? Учти, я если что, к тебе с того света являться буду.

- Димочка, ну не надо о страшном. Сказала же, заберу. Я бы и так забрала. Не собиралась я тебя сажать, поугаать просто хотела, да злая была. Я даже синяки снимать не пошла, так что справки не будет.

- Ну, давай, приводи себя в порядок и в магазин поедem. Я за тобой через пару часов заеду.

- Хорошо. Дим, только учти, я к тебе не вернусь. Сейчас, по

крайней мере. Надо же, как-то тебя наказывать.

- Да понял я, понял. Я теперь тебя, по новой, завоевать должен.

Машка хихикнула.

- Смотря еще, как завоёвывать будешь. Всё, пошла собираться.

- Всё слышал? Завтра заяву заберёт - повернулся я к жующему Лёхе.

- Ну, ты и жук. Развёл девку. Чего ты ей плел, про тюрягу? Кто бы тебя посадил? Ну, условно бы на крайняк дали.

- А оно мне надо? Мне эти разборки судебные, сам знаешь, на хер не нужны.

- А кому они вообще нужны? Да ещё и кухонным бойцом, на суде позориться. Ладно, пошел я. Надеюсь, твоя красавица, не наврала и заяву заберёт.

Помимо шубки, купил Машане еще и браслетик золотой. Совестно стало, как только увидел её зарёванное лицо. Никакой макияж не смог скрыть её опухших красных глаз. Ворот свитера закрывал горло и пятен от пальцев я не видел, но зная свою тяжелую руку и хватку, был уверен, что они есть. Голос у моей бывшей был сиплый, как после хорошей ангины.

Я взял её руку и поцеловал. Поцеловал от души. Ведь она меня действительно любила, и не виновата в том, что я урод. Красивая, не глупая девчонка, а вот угораздило же влюбиться в педика. Мне её было жаль, от всего сердца.

*****

Данил опоздал на работу. Вчера брательников, выпроводить не смог. Пить он с Витькой не стал, как тот его не подначивал.

Антон зависал, и от водки отказался. Опьянел старшой с одного пузыря.

Весь вечер учил Даньку жизни. От его развязанной речи воротило. У Данькиного бати был знакомый, который отсидел за убийство двенадцать лет. Он работал с ним в одном цехе, и как-то раз, они приходили бригадой к ним домой, справлять день рождения отца. Ни одной наколки, ни одного мата. Умный, интересный мужик. Если бы он сам не сказал, что сидел, никто бы даже не догадался.

Витька же, сыпал блатными и матерными словечками направо и налево. Впаривал Даньке о каких то - зонавских законах: о «блатных» и «мужиках», о «семьях» и «крысах», о «шестерках» и «опущенцах».

Данька совсем запутался кто и что. Ему это было не нужно и не интересно. Его тошнило от рассказов, как наказывали за крысятничество и ломали слабаков. И чем больше пьянел Витька, тем мерзостнее были его байки. Он без конца повторял одно и то же: Даньку опустили бы в первый же день. Что таким, как Данька, место у параша. В лучшем случае, он бы был чьей-то шестеркой, а скорее всего - педрилой.

И лишь благодаря тому, что Антону нужна была доза, сунув им денег, Данилу утром удалось выпроводить братцев.

Настроение было отвратительное. Он чувствовал, что братья явятся вновь. Как от них отвяжаться, не имел представления. Вроде как родня, и гнать неудобно. Да и отцовской твёрдости у Даньки не было. Даньке было жаль их, они ведь не виноваты, что стали такими. Всё зависит от родителей, от воспитания. Мысли Данила далеки были от работы. Он начал

копаться в себе. Может правда всё зависит от воспитания? А если бы его родители любили бы его меньше, или были такими же, как тетка с дядькой – пьяницами, он бы всё равно стал гомиком?

Вывел его из задумчивости голос безопасника.

– Данил Артомонович, будьте добры, зайдите ко мне в кабинет.

Неужели он и опоздания контролирует?

Зинаида Макаровна сделала ему конечно замечание, но увидев его хмурое и уставшее лицо, ограничилась только им. Неужели ещё и безопасник имеет право на него наезжать?

Он нехотя поплелся к нему в кабинет.

Тот прикрыл двери за Данилом.

– У меня к вам просьба Данил. Сходите на фабрику, пожалуйста, принесите коробочку мороженого, в этот раз лично для меня. Сам я с такой рожей идти туда не хочу, а попросить больше некого.

Данила удивил его дружеский тон, но он отнес его к недавнему чаепитию. И даже был благодарен, что безопасник стал более человечней, что ли. Наверное, засосы убедили его, что Данька встречается с девушкой, и все подозрения отпали. Данил улыбнулся Дмитрию Александровичу и кивнул.

– Хорошо, я схожу.

*****

Меня даже совесть мучить начала, после его улыбки. На измученном, встревоженном лице, улыбка эта была, как солнечный лучик, среди пасмурного неба.

Мне даже захотелось отменить этот дурацкий план по соблазнению практиканта. Вернее, не соблазнению, а вынуждению.

А план состоял в том, чтобы объявить его вором и попугать. Я его не зря все эти дни посылал за мороженым. Сегодня я не предупредил начальницу цеха, что присылаю к ним паренька, но я был уверен, что мороженое она ему даст, подумав, что я его действительно послал, и просто забыл позвонить.

Буториной же наказал, чтобы она его с этим мороженым задержала, но шум не поднимала, а сразу провела ко мне. Она уже было открыла рот что-то спросить, но я её оборвал, сказав, что если она, молча, разыграет спектакль с задержанием, и не будет задавать вопросов, я, может, забуду о том, что она проштрафилась.

Когда грубо держа Даньку за локоть, она впихнула его ко мне в кабинет, он был красно – серым, если бывает такой цвет. В общем, щеки то вспыхивали от возмущения и стыда, то бледнели и приобретали серый оттенок.

– Вот, с мороженым попался. Говорит, что вы послали – Буторина подтолкнула практиканта к моему столу.

Я, развалившись в кресле, сделал удивленное лицо.

– Я? Если бы я его послал, я бы тебя предупредил.

– Вот я так и подумала. Значит оформлять?

Данил, наконец, приобрел дар речи:

– Дмитрий Александрович, вы же меня сами попросили принести мороженое. Я думал, вы предупредили вахтёров! – его возмущению не было предела.

- Буторина, свободна. Рапорт о задержании занесёшь позже.

Глаза Данила Артомоновича были на пол лица, до него явно не доходило происходящее.

Оставшись с ним один на один, я как всегда развалившись в кресле и закулив, пристально впери́л в него свои орлиные очи.

Он не выдержал давящего молчания:

- Вы меня подставили, да? Зачем?

Сообразительный. Губы поджал, явно стараясь взять себя в руки. Мороженое швырнул со злостью на стол. Ни фига, а мальчик-то характер мне показывает.

- Я, Данил Артомонович, хочу вывести тебя на чистую воду. Я, вас - педиков, насквозь вижу.

Ты же педрила, так? Или ты сознаешься мне в этом, или я на тебя оформляю хищение.

Парнишка побелел. В глазах непонимание, паника. А затем ненависть. Сколько сразу эмоций и чувств, за какую-то минуту.

- А не пошел бы ты, козел хренов? Засунь себе в задницу свой протокол.

Я онемел от восхищения его наглостью. А он развернулся и выскочил в коридор.

***** ГЛАВА 11.

Докурив, собрался уже было поискать Артамоновича, как в кабинет без стука ввалилась Макаровна.

- Дмитрий Александрович, вы куда нашего Данила отправили?

Вот метеор - значит, домой сорвался. - Надо прикрыть этого шустрика. В мои планы не входило его бегство с Хладокомбината.

- Зинаида Макаровна, вы уж извините, что не предупредил вас. У Данила Артомоновича с документами не всё в порядке. Я его отправил за одной справочкой. Срочно надо.

- А что такое? Что там не в порядке? Отдел кадров проверял, я тоже. Что не так? Какая еще справочка?

Вот же въедливая бабенция.

- Долго объяснять. Принесёт, покажет. Вы меня извините, но мне идти нужно. Завтра утром будет ваш Данил Артомонович на рабочем месте, как штык. Вот, кстати, мороженое с девчонками ешьте, а то растает совсем. - Я встал из-за стола и, не дав ей опомниться, сунул коробку с мороженым в руки, аккуратно выталкивая в коридор.

Где живет этот психованный сопляк, я помнил.

Уточнив номер квартиры, предупредил директорскую секретаршу, что я отлучусь по делам.

Даньку трясло: «Вот что за урод! Я ему что, жить мешаю? Какая ему разница, с кем я сплю? Я же не лезу к нему в штаны! Я вообще ничем не выдаю, что я гей! Работу свою выполняю, начальница довольна, что надо то еще!».

Было обидно до слёз. Он впервые столкнулся с гомофобией. Его впервые вычислили и ткнули мордой в грязь. Данил, добежав до остановки, поймал первую попавшуюся попутку. Ехать в таком состоянии маршруткой он

просто не мог.

Слёзы от обиды давили всё больше. В подъезд он забежал уже с тугим комком в горле и застилавшей глаза влагой.

У двери квартиры застыл с ключом в руке. С замком было что-то не так. Дверь была прикрыта, но язычки замка не входили в паз. Ничего не понимая, он толкнул дверь и вошел в коридор.

Представшая картина лишила дара речи. Всё было вверх дном. И среди этого погрома – его братья с набитыми огромными сумками и его ноутбуком в руках.

Старший, бросив сумки на пол, кинулся к нему. Данька так растерялся, что даже прикрыться не успел от точного удара в лоб.

– Блядь. Сука, он же на работе должен быть. Вот попадалово! – Витька склонился над лежащим на полу Данилом.

– Херли встал, веревку или шнур давай! Пояс или ремень на крайняк. Быстрее, блядь! – Он обернулся к застывшему и напуганному Антону.

– Зачем?

– Руки связать, придурок. Вот падла, ну, на хуя ж ты приперся-то, а? Нам же тебя теперь грохнуть придется. Сука, я же не макрушник. Падла, падла, падла! – Он с остервенением начал пинать пытающегося подняться Даньку.

Данил по инерции старался прикрыть лицо и грудь. Голова ничего не соображала. Он просто потерял представление, что происходит. Когда Витька, надавив ему коленкой на позвоночник, заломил руки за спину, связывая их, тело само начало биться и сопротивляться.

– Хули застыл, как истукан! Помоги руки ему связать, поддержи! – рыкнул Витька, на опять застывшего брата.

– Теперь пакет давай неси.

– Какой пакет?

– Целлофановый, блядь!

– Зачем? – не понял обколотый и как всегда заторможенный Антон.

– Я что, по-твоему, каждый день душу кого-нибудь? Пакет на голову, и валим. Сам сдохнет.

*****

Профессиональный взгляд за долю секунды выловил, что замок квартиры практиканта взломан. Тело само среагировало, отправляя в нокаут, столкнувшихся со мной в двери двух парней. Перчатки на руках, баулы, набитые до отказа – всё это зрение цепляло отдельно, пока работали кулаки.

Данил бился на полу с пакетом на голове. В нос ударил запах мочи. Запах ужаса, исходившего от бьющегося в конвульсиях парня.

Остатки разорванного пакета плотно обмотали шею, и у меня самого началась паника, когда я понял, что, наверное, не успел. Глаза Данила закатились, капилляры белков полопались, лицо приобрело синюшно-багровый цвет.

Освободив, наконец, шею от остатков пакета, начал делать ему искусственное дыхание. Я вдвухвал в его легкие воздух и молил Бога, чтобы он очнулся. Так страшно мне не было никогда. Я бы всё отдал, чтобы повернуть время вспять. Я проклинал свой дурацкий, идиотский план. Проклинал себя. И всё вдвухвал и вдвухвал в его рот воздух, набирая его в свои легкие, как можно больше, и передавая ему.

Жал и жал на его грудь, заставляя работать сердце.

Наконец он закашлялся и задышал. А я притянул его к себе и

разревелись.

Из-за меня чуть не погиб человек. Парень, который мне безумно нравится.

***** ГЛАВА 12

Из состояния слезливого самобичевания меня вывел шорох за спиной. Один из неудавшихся убийц и грабителей решил очухаться. Пришлось встать и приложить его башкой об пол.

Прикладывал несколько раз, держа за уши так, что думал, оторву их к чертовой матери. Сучий выродок пытался дергаться и сучить то ручонками, то ножонками в тщетной попытке заехать мне в морду или, на крайняк, по почке.

Потом была милиция и скорая.

Отзвонился генералу и поставил его в известность, что на работу я уже не приеду. По какой причине – объяснять не стал, сказал, что завтра всё доложу.

Практикант сидел на заднице мокрый, в луже собственной мочи и ошарашено взирал на врачей, милицию и меня.

Фельдшер наскоро осмотрел его. Померил пульс, давление, заглянул в горло и зрачки, ощупал на предмет переломов, морщась при этом от стойкого запаха аммиака. Задал Даньке дежурные вопросы, ответы на которые я не слышал, так как он сипло шептал их ввиду пропавшего голоса. Врач удовлетворённо кивнул и вынес вердикт, что вроде всё обошлось, но, на всякий пожарный, в больницу ехать надо.

Я помог подняться всё ещё дезориентированному парню.

Его шатало, и ноги подкашивались, не собираясь стоять прямо.

– Сам выйдешь или носилки принести? – глянул озабочено на него врач.

– Я сам. Только переодеться бы, – шипел Данька, цепляясь за меня. Молодчиков, чуть не убивших его, менты уже увели в машину.

Два товарища в штатском шатались по квартире, «осматривая» место преступления. Попытались было взять у Данила показания, но фельдшер резко оборвал их, сказав, что это и потом можно сделать, а он все же на работе, и ждать, пока они здесь наговорятся, ему некогда.

– Переодевайтесь и выходите к машине, – кивнул он нам с практикантом.

Данька так и не спросил меня, как я у него оказался. Он вообще был как будто не здесь и не понимал, что происходит.

Я нашёл в шкафу его спортивки и толстовку с футболкой, начисто забыв про трусы. Он как-то отстранено и без тени смущения попросил найти ещё их. Пока я копался у него по шкафам и попутно отвечал на вопросы дежурного опера, Данька плескался в ванной.

Меня настораживало его спокойствие и безразличие.

Было мерзкое ощущение неправильности происходящего.

Я, конечно, не ждал, что он кинется мне на шею с благодарностью за спасенную жизнь, но его апатия просто пугала.

В квартире остались две женщины, соседки с нижнего этажа, пришедшие узнать, что случилось. Они пообещали дождаться моего возвращения. Операм я, конечно, уже доложил кратко, кто я и что здесь произошло, но женщины этого не слышали

и принимали меня за родственника или знакомого Данила.

Я решил, что после показаний в милиции вызову слесаря сменить замок, поняв из слов практиканта, что родители в отъезде, и он сейчас

живет один.

Усадив парня в машину скорой помощи, спросил у фельдшера, в какую больницу они его везут. И уже тише, чтобы не слышал пациент:

- Док, у него что шок? Чего он такой ненормально спокойный?

- А ты как думаешь? Он даже боли не чувствует, хотя могу сказать наверняка, что пара ребер у него сломано.

- А он не того, умом не тронется? Какие последствия могут быть после асфиксии?

- Да нормально всё с ним. Не полошись. Отойдёт. - Доктор докурил сигарету и захлопнул дверцу машины.

Я проводил отъезжающую скорую взглядом и поехал в отделение давать показания.

Подонки, чуть не убившие Даньку, оказались его родней.

Ничего удивительного в этом не было, учитывая, что такие преступления обычно и совершают знакомые или родственнички потерпевших.

Оба были под надзором.

Один ещё со справкой об освобождении ходил, а другой с подпиской о невыезде ввиду того, что находился под следствием. Загрямят теперь на полную катушку.

В коридоре отделения я видел парня с камерой, но не придал этому значения.

*****

Данила долго таскали по всяким кабинетам. Вернее, возили на каталке две пахнущие табаком санитарки.

Его заставляли ложиться то на бок, то на спину, при этом не дышать и не шевелиться. Загрузили в какую-то камеру, где он лежал без движения по приказу медсестры очень долго - целую вечность, как казалось ему. Все происходящее было нереальным, он как будто со стороны наблюдал за всеми этими процедурами. И только когда услышал страшное слово «пункция», вдруг понял, что находится в больнице. Почувствовал, что у него все болит. Что он не может даже говорить без боли. И вся картинка встала перед глазами, такая четкая, страшная.

Данил схватился за горло и начал задыхаться.

Паника накрыла с такой силой, что он даже не почувствовал, как ему вкололи укол.

Постепенно дыхание выровнялось, накатила слабость и сонливость. На койку в палате его выгружали уже полуспящим.

А стоило голове коснуться подушки, как Данька провалился в черноту тяжелого сна.

***** ГЛАВА 13.

Оставшиеся в квартире женщины вымыли полы и проветрили помещение. Перед уходом одна из них протянула мне телефон:

- Вот. В брюках был. Мы вещи его постирали.

- Спасибо огромное.

- А вы замок купили?

- Черт, нет, конечно. А слесаря уже знакомого вызвал.

- У меня есть замок, сейчас принесу. Мы поменять хотели, да как-то руки не доходят. Он как раз на вашу дверь подойдет. Потом купите такой

же и отдадите.

Есть же женщины в русских поселениях! Умные! Отзывчивые! Хорошие!

Петро, бывший сотрудник Хладокомбината, а ныне работник какого-то ЖКХ, никогда не отказывался от левача. Замок поменял быстро, не задавая лишних вопросов.

Ушёл он с Хладика именно из-за левача. У нас не покалымишь, голая зарплата. А на новой работе он бабки хорошие рубил.

В отличие от многих, водярой никогда не брал. Копил деньги на коттедж. Уважаю, молоток мужик.

Замок поставлен, в квартире прибрано, можно и восвояси податься. Но мне почему-то захотелось задержаться. Посмотреть, чем живет практикантик, чем дышит.

Интересовала меня исключительно его комната. Он на неё мне указал, когда вещи просил принести. Так что я прямиком направился обследовать территорию недодушенного Даньки.

Ничего интересного в ней не оказалось, кроме компа. Но он, зараза, был на пароле, так что я обломился.

Вспомнив про телефон, достал его и принялся копать в нём.

Здесь меня также ждал полный обломизм.

Ни одной смс, ни входящей, ни исходящей. Ни одного фото или видео. Только пропущенный вызов от какого-то Влада.

Сам не зная зачем, я нажал на соединение. Не отвечали долго, и я хотел уже сбросить, когда услышал:

- Данчонок, ну, наконец-то! Чего трубку, засранец, не берешь?

Приедешь в пятницу? Встречать тебя?

- Кто ты такой и куда должен приехать Данил?

- А это кто?

- Его отец. Так кто ты такой?

Ответа я не дождался. Гудки - весь ответ. Сдулся парень. Сдулся.

Как-то даже обидно стало за практикантика.

Что это был тот самый вампир, я уже понял. Был бы просто знакомый или друг, не бросил бы трубку.

Со злости я набрал снова этот номер. Думал, не ответят, но, к моему удивлению, трубку взяли.

- Какого хрена ты трубку бросаешь? Что у тебя с Данькой? Кто ты такой?

- Трахаю я его. Доволен? - Голос - ехидней некуда.

- Ну, ты и сука. Узнаю где живешь, приеду и башку оторву, педрила хренов.

- На своего педрилу посмотри. Твой сыночек ничем от меня не отличается. Вернее, отличается - это я его ебу, а не он меня. И пошел-ка ты на хуй вместе с ним.

И гудки...

Охренеть!

Блядь, бывают же суки. Сдал ведь Даньку. Сразу сдал, с ходу.

Подленько, конечно, вышло со звончком.

Не нужно было отцом представляться. Хер его знает, кто дергал меня за язык, нести всё это. Но что сделано, то сделано.

А Даньку я теперь хрен упущу.

Вечером позвонил в больницу. Практикантику впендюрили успокоительные, и он дрых.

*****

Не успел я припарковаться и вылезти из машины, как ко мне

подлетел завгар и хрястнул лапшей по плечу так, что я чуть снова в машину не сел.

- Ну, ты даешь! Герой, бля! Хорошо ты их отделал, морды в экран не влазили!

Я чуть собственными матами не подавился, которые хотел высказать на такое приветствие.

- Ты о чем?

- Как о чем? О твоём геройском поступке, спаситель студентов!

- Откуда такая информация? - "Что за нахрен? Нафиг мне вся эта бодяга?"

- Да весь хладик знает! О тебе же вчера в местных новостях говорили. И этих козлов показывали, которых ты отделал. Они показания прямо по телику давали. Герой! - Он еще раз хлопнул меня по плечу.

Я кивнул и, обалдевший, одеревеневший, пошел в офис, придумывая на ходу, как объяснить генералу, что я забыл у практиканта дома. Ничего не придумывалось.

В коридоре меня сразу облепили маркетологи, засыпая вопросами: «Как Данечка? В какой больнице? И что произошло?»

Пообещав им, что потом все расскажу, направился сразу к Валерьечу.

Его поза в кресле и сигара в зубах сильно мне кого-то напоминала. До смешного. Кто из нас кого копирует интересно, я его или он меня?

- Ну, рассказывай! Ты у нас теперь личность героическая, работников Хладокомбината даже дома спасаешь! - с ходу напустился на меня генерал.

- А чего рассказывать, все уже вон лучше меня всё знают. Телевизора насмотрелись.

- Я твою версию выслушать хочу. Не ту ли приглянувшуюся тебе задницу ты вчера спас? Какого хрена вы делали у него дома посреди рабочего дня?

***** ГЛАВА 14.

Я сделал рожу тяткой и выудил из коробки с сигарами одну себе. Прикурил от директорской и с наслаждением затянулся, плюхнувшись в кожаное кресло напротив генерала.

- Эх, Валерьич, ничего-то от тебя не скроешь. Поймал ты меня, запалил.

- Сыныч, ты ёб...твою растуды, совсем долбанулся?

- Да не кати ты бочку раньше времени. Сейчас всё объясню.

- Ну, давай, объясняй. А то что-то у меня в голове твоё пидарство не укладывается.

- Да какое пидорство? С мороженым я практикантика подставил. Можешь у Буториной вон спросить. Приколотся хотел, скучно было. А над кем ещё прикалываться, как не над новеньким. Прописка, так сказать.

- Какая, блядь, ещё прописка? Ты мне чего мозг драчишь?

- Да погоди ты. Помнишь, я его за мороженым посылал, он при тебе ещё коробку приносил?

- Ну?

- Я его несколько раз так посылал. А вчера охрану не предупредил, Буторина его ко мне и приволокла. Я в отказ пошёл, типа никого не посылал никуда. Довел Артомоновича до белого коленья. В итоге он на хер меня послал, и домой с психу рванул. А Лавренyteва в кипиш ударилась, вот я и поехал за ним. Оказывается, во время поехал. Там его братки

двоюродные приговорили уже. Ещё бы минуты три, и бздец котёнку.

– Уроды. Нарождает же пизда, прости Господи. А я уже грешным делом про вас всякую хрень подумал. Встрянешь ты когда-нибудь со своими дебильными шуточками. – Генерал постучал костяшками пальцев по столу, показывая мне, какой я дебил. Хорошо, хоть не по моему лбу.

– Да всё, отшутился. Хватило, по самое не хочу. Ведь, если бы он из-за меня домой не рванул, эти падлы бы просто хату вставили, и всё. А так... В общем, чуть в гроб пацана своими шутками не загнал.

Валерийч тяжело вздохнул.

– В больницу к нему поедешь? Вину заглаживать?

– Поеду. Хоть вроде как и загладил уже. У меня его телефон.

Соседка вещи его стирала, из кармана вытащила и мне отдала. Надо будет отвезти. Мало ли, может, родители звонить будут.

– Передай, что практику мы ему закроем. Пусть не суетится, отдыхает, выздоравливает. Лавреньтьева накатает всё, что нужно в институт.

Генерал снова тяжело вздохнул.

– Я так понял, что родичи у него в отъезде? А мы ведь с моей тоже пацанов часто одних вот так оставляли. Она с Ольгой на курорт, я по бабам. Сейчас как представляю, что такое могло и с ними произойти...

– Ну, тебя Бог миловал от таких вот родственничков. Ладно, пошёл я работать. А то два дня считай, прогулял. – Я решил смыться, пока у генерала ещё каких-нибудь вопросов и подозрений не возникло.

– Давай. Загляни к маркетологам, скажи Макаровне, пусть ко мне зайдёт, насчет практиканта поговорить.

*****

Данилу снилось, что его закапывают в землю.

Он кричал, что живой, но люди почему-то посчитали его ожившим мертвецом, и земля всё больше и больше давила на грудь. Стало нечем дышать. Темнота и паника заставляли рваться наружу из глубокой страшной ямы.

Земля вокруг обваливалась и сыпалась тяжелыми мокрыми комьями. Грудь пронзило болью – ему вбивали кол в сердце.

Страх и боль поглотили полностью, и только чей-то далекий голос пробивался через их толщу.

– Давай же, дыши, дыши. Давай, парень, успокойся, всё хорошо. Просыпайся, давай. Ну.

И он проснулся. Вынырнул из этого ужаса, как из липкой, зловонной жижи. Боль начала отступать, и дышать стало легче. Данил открыл глаза, непроизвольно хватаясь за чью-то руку.

Перед ним стояли мужчина и женщина в голубых медицинских костюмах. За руку женщины, которой она придерживала у его лица кислородную маску, он и хватался.

– Так, молодец. Теперь вдохни аккуратно, плавно, но глубоко. Вдохни, выдохни. Вдохни – выдохни. Ну, вот, умница. А сейчас сам. Я масочку уберу, и ты сам. Давай, мой хороший. – Женщина погладила его по голове и убрала маску.

Дышать было больно. Данил застонал и схватился за грудь. Мужчина тут же отвел его руку в сторону.

– У тебя, парень, два ребра сломано, так что поаккуратней. Дыши потихоньку, резко не дергайся, крылышками сильно не махай, особенно по грудной клетке не долби. Тем более, одно крыло у тебя в лангете. Хорошо хоть не им себя по грудиने приложил.

Данил поднял другую руку к глазам. Кисть была упакована в гипс. Он с удивлением и непониманием смотрел на неё.

А врач продолжал:

– Тебе дышать больно из-за ребер, а трудно – из-за паники. Успокаивайся, приходи в себя, и всё тогда будет нормально. Завтра сходишь к невропатологу и психологу в соседний корпус. А сегодня отдыхай. Сейчас завтрак принесут, покушаешь и можешь вставать. Ты у нас не лежачий, двигайся помаленьку. Быстрее на поправку пойдешь. И ещё, следовательно звонил, должен подъехать. Ты только, когда всё рассказывать ему будешь, сильно не волнуйся, возьми себя в руки. Ты же мужик.

– А что я рассказывать должен? И что с моей рукой и ребрами? – Голос осип, и говорить было тяжело.

– Так-с, парень. Ты меня не пугай, ладно? У тебя сотрясение есть, конечно, но оно лёгкое и память тебе отшибить не должно. Давай, приводи мозги в порядок. Вспоминай, что произошло. Рука в лангете, потому что ушиб сильный. Ты, по-видимому, ею от ударов прикрывался. Рёбра сломаны от тех же ударов. Сотрясение тоже. Я пошёл на обход, после него зайду, и ты мне расскажешь, что вспомнил.

Врач ушёл.

Медсестра разглядывала здоровую руку Данила на предмет вен.

– Ну, венки у тебя просто загляденье. Попозже капельницу тебе поставим. В туалет хочешь?

Данька кивнул. Он действительно хотел в туалет. Аккуратно сполз с койки и по стеночке двинулся к выходу.

– Эй, ты куда пошел-то? Туалет здесь и ванная тоже. Мы тебя пока в бокс положили. Палаты все заняты, не в коридор же тебя класть. Бокс у нас для тяжелых больных, после операций. Полежишь пока, а как только кого-нибудь выпишут из палаты, сразу переберёшься. А туалет с ванной там. – Она показала на дверь в другой стороне бокса.

– Ты дверь не закрывай, мало ли. Вдруг упадешь, – предостерегла она, направляющегося к туалету Данила.

Сразу за дверью был небольшой предбоксник с ванной и унитазом, огороженным ширмой. Данил умылся одной рукой, стараясь сильно не наклоняться, было больно. Закрыл кран и вспомнил, как он моется, смывая с себя запах мочи. Ноги затряслись, от слабости он присел на край ванны. Дышать снова стало трудно, в висках застучало. Его затошнило. Судорожно хватая ртом воздух, попытался вновь открыть кран.

– Ну, ты чего, а? На минуту оставить нельзя. – Подскочившая медсестра умыла ему лицо холодной водой. Стало сразу легче.

До койки он добрался самостоятельно. На тумбочке уже стояла тарелка с какой-то кашей и стаканом чая. От вида еды его вновь замутило. Данил лёг на кровать, боль от сломанных рёбер не давала лишний раз пошевелиться.

Медсестра неодобрительно на него посмотрела.

– Поешь хоть немного, пока горячее. Полдника у нас нет, а обед не скоро.

Данька, молча помотав головой, отказываясь от завтрака.

– Я тогда унесу. Чай-то хоть оставить?

– Да. Остынет, попью. Спасибо. – Горло саднило, как будто обожжено.

– Я сейчас тоже на завтрак схожу, и капельницы начну ставить. К тебе через часик примерно подойду, отдыхай пока. – Она вышла, закрыв за собой дверь.

Данил, провожая её взглядом, только сейчас заметил, что стена

бокса наполовину стеклянная, и двое каких-то мужиков плятятся через стекло на него. Сестричка их отогнала.

Оставшись один, Данил начал прокручивать в голове, всё, что он вспомнил. Безопасника, подставившего его, такси, незапертую дверь квартиры, братьев. А дальше он вспоминать не хотел. Становилось плохо.

Он попробовал перескочить через эти обрывочные воспоминания, перемотать вперёд. Следующий кадр – это Дмитрий Александрович, склонившийся над ним. Затем Дмитрий Александрович, подающий ему одежду. На этом кадре Данила бросило в жар и кровь прилила к лицу.

«А что делал безопасник у меня в квартире? Как он там оказался?» – этого Данил вспомнить не мог.

***** ГЛАВА 15.

В кабинете маркетологов меня сразу окружили девчонки.

В двух словах описал им произошедшее, пока пил чай.

Макаровна ушла к генералу, а язвочка оккупировала телефон и начала изводить медработников отделения, в которое положили Данила.

Лавренyteва, вернувшись от Валерьяча, тут же развернула активную деятельность по спасению голодного и больного практиканта.

Оказалось, что нужно ехать на одну из баз, а она по пути в больницу.

Так что всё та же язвочка Леночка была откомандирована до обеда с кучей наставлений – что нужно купить Данечке.

Пока я решал, воспользоваться ли мне командировочной и передать телефон с ключами через неё или нет, она уже смылась.

Только вышел в коридор и направился в свой кабинет, как на мне с рыданиями повисла непонятно откуда взявшаяся Машенция.

– Господи, я так испугалась! А если бы и тебя, как парня того! Вечно ты лезешь везде! Дурак несчастный! Чтобы я без тебя делала! Всё, никуда больше не отпущу! – Она гладила меня и целовала при всем честном народе, с любопытством лицезревшим эту картину.

Девчата все дружно зашмыгали носами, по-видимому, в поддержку.

А может, представили меня малость придушенным да жалко стало.

Кто их разберет, этих женщин.

Я быстренько открыл дверь в кабинет и впихнул в него зареванную растрепанную сожительницу.

Черт, а ведь она, наверное, и правда сильно за меня испугалась.

Чтобы Машка – да не накрашенная, да зареванная, да на людях!

Усадил на диванчик, сунул воды. Сел на корточки и уткнулся в её колени.

А она все всхлипывала и гладила.

Ни с того, ни с сего – совершенно идиотская мысль в мозгах, не понятно, из каких извращенных извилин:

«О, блин! А ведь их обоих душили! Ну, надо же, какое совпадение!»

И прибило меня на ха-ха. За что и получил тут же по морде.

Да ещё по расцарапанной щеке.

– Ой, прости, прости. Я думала у тебя истерика. В чувства привести хотела. – Машка расцеловала мою многострадальную физиономию.

Выслушав, что она мне всё простила, согласился начать всё сначала.

После её ухода я всё никак не мог собрать мысли в кучу.

Это я что, опять женатый, что ли?

Сомнения и злость на самого себя прервал заваливший ко мне генерал.

- Ну, слава Богу! Вот видишь, правду говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло! Хоть с Машкой помирился. Вон, какая довольная выбежала. Красивая, зараза, хоть и заплаканная.

- Ага, красоту, её ничем не испортишь. - Все мои думки улетучились. Машка - алиби. Твердое и непоколебимое.

*****

Данил лежал, тщетно пытаюсь заснуть.

Разговор с врачом и следователем выжал его, заставил пережить всё заново. Он пытался изгнать из головы перекошенное лицо брата, обрывки разговора, запах целлофана, черноту, чувство удушья. Но стоило закрыть глаза, и кадры прокручивались вновь и вновь.

Размытые, нечеткие, но такие осязаемые. Сердце начинало болезненно и быстро биться, в горле образовывался сухой, дерущий ком, к глазам подступали слёзы, и Данька изо всех сил сдерживался, чтобы не заорать или не разреветься.

Так унизительно, так больно, так подло.

Так тошно от того, что родные, те, которые должны защищать, которым нужно верить, бьют в спину и убивают.

Следователь долго и нудно задавал вопросы. Сколько раз ударил брат его рукой, сколько ногой?

Как вязали, чем вязали? Кто принес пакет, Антон или Виктор?

Кто, что при этом говорил?

Кто из братьев держал, кто затягивал этот пакет на голове?

Сплошные «кто», «что» и «как».

Данила бесили эти идиотские вопросы. Если бы этого следователя долбили ногами и убивали, он бы что, считал удары и выяснял, откуда был принесен пакет, которым его душат? Тупизм, идиотизм, который раздражал и заставлял злиться.

Но эта злость хоть немного отвлекала его от тянущего страха, чувства унижения и жалости к себе.

Очень хотелось увидеть родителей, Влада, дядьку. Даже проклятого безопасника, каким-то образом оказавшегося у него в квартире и спасшего ему жизнь.

Возле окна бокса постоянно кто-нибудь крутился и заглядывал внутрь. Такое внимание со стороны собратьев больных также раздражало. Данил старался накрутить это раздражение на себя, чтобы хоть как то отвлечься от чувства безысходности.

В бокс заглянула санитарка.

- Там к тебе девушка пришла. Ты выйти сможешь, или попросить врачей, чтобы сюда её пропустили?

- Ко мне?

- Ты вроде один в боксе лежишь.

- Я выйду, не беспокойтесь.

- Прямо по коридору до конца. Увидишь дверь, за ней лестница, девушка ждет на ней.

- Спасибо.

Данил встал, и, держась одной рукой за стенку, а другой в лангете придерживая осторожно ребра, побрёл к заветной двери, размышляя, кто бы к нему мог прийти.

Лена увидев Данечку, охнула не сдержавшись.

- Данька, господи, как они тебя! Бедный ты наш! Да ты еле ходишь! Зачем встал? Я бы упросила, чтобы меня пропустили.

- Привет Лен. Мне врач разрешил ходить понемногу. Черт, я же вчера

убежал, не отпросившись. Макаровна сердится, наверное. Или меня с практики турнули?

- Дурак ты. Мы все, знаешь, как переживаем за тебя. Аня по телику как услышала, что эти уроды с тобой сделали, сразу обзвонила всех. Мы еле утра дождались.

Дмитрий Александрович как только пришел, мы сразу ему допрос с пристрастием устроили. Меня наши специально к тебе отправили. Вот, покушать тебе принесла. Правда столовское, но зато мясное и горячее. В больнице-то, каши, наверное, одни. Здесь ещё всякие булки, фрукты, сок, минералка.

- Стоп, подожди, не тараторь. Лен, ты сейчас про что говорила? В смысле, Аня по телику услышала?

- Вчера в криминальных сводках по нашим местным новостям показали твоих братцев. Рассказали, что спас тебя наш Саныч. Весь Хладик уже знает.

- А он сказал, как у меня оказался?

- Ну, да. Ты же за справкой какой-то поехал, а оказывается, не надо было. Вот он и хотел тебя догнать. Хотя странно. А чего он домой-то к тебе рванул? Телефон же твой есть в личном деле, мог бы и позвонить. Но, слава Богу, что поехал. Как будто почувствовал что. Мистика! Точно Бог есть! Видишь, как вовремя Саныча к тебе направил. Дань, ты как вообще? Сильно плохо?

- Могло быть хуже. Передай Дмитрию Александровичу спасибо огромное, от всего сердца.

- Передам. Ладно, Дань, иди в палату. А то еле стоишь. Пакет с передачкой я санитарку попрошу тебе отнести.

Уже лёжа в палате, Данил вспоминал их разговор с безопасником. Его странную подставу. Он никак не мог понять, зачем тот поехал за ним и почему соврал про какую-то справку.

Очень хотелось позвонить Владу. Услышать его голос, его поддержку. Может, он бы смог вырваться ненадолго и приехать в больницу.

Все эти мысли, наконец, отвлекли Данила от думок о братьях и целлофановом пакете. Он сам не заметил, как уснул.

*****

С работы я уехал пораньше.

Вернувшаяся из «командировки» явочка не сдержала слёз, рассказывая, как выглядит практикант.

Я даже не ожидал, что нашу акулку можно так растрогать.

Глядя на расстроенных девчат и Зинаиду Макаровну, чего-то у самого засосало где-то в области грудины.

Перед больницей заехал на квартиру Данила.

Прихватил сменку белья, полотенце, чашку, ложку, кружку и зарядное на телефон.

По дороге купил зубную пасту, щетку и мыло.

Мать в последнее время часто по больницам лежала, весь необходимый больничный ассортимент я уже наизусть выучил. Закинул практиканту на телефон денжат.

Из жрачки покупать ничего не стал. Ленка, как я понял, уже отвезла ему паёк. Я ему лучше денег суну, если возьмёт, конечно. Сейчас в больницах везде буфеты, да киоски есть, покупай всё что хочешь.

В наглую проперся к дежурному врачу. Прихваченный коньяк и коробка конфет – самый надежный пропуск и гарант нормального отношения к больному.

Явочка оказалась права.

Опухшее, с чернотой под глазами и синевой вокруг рта – лицо Данила выглядело действительно удручающе. Багровая полоса на шее, лангет на одной руке и гематомы на другой вызвали желание ещё раз повидаться с его братцами.

Я тронул его за плечо, и он тут же распахнул глаза.

Красные, с полностью лопнувшими капиллярами.

И у меня само вырвалось:

– Прости.

ГЛАВА 16

Данил смотрел на меня и молчал.

А я не знал, что сказать, кроме этого "Прости". Не умею я прощения просить.

Тяжело объяснить, что на душе у меня кошки скребут.

Что тошно мне, от того, что наделал.

Выложил на тумбочку, стоявшую рядом, всё, что принёс. А телефон и ключи сунул ему в руку.

– Я сменил замок.

– Спасибо.

– Не за что. Родители-то, когда приезжают? У тебя, кроме них, есть кто в городе? Может, сообщить, что ты в больнице?

– Через пять дней приехать должны. У меня здесь дядька по матери, но он, наверное, в рейсе.

– Отец этих отморожков?

– Нет. Витька с Антоном по батиней линии. У них родители пьющие. Посадят теперь из-за меня. Следовательно сказал, что загремят оба.

Я, блин, чуть во всю глотку не гаркнул, хорошо, вовремя спохватился, что не у себя в кабинете.

– Не понял. Тебе их что, жалко? И с чего это из-за тебя? Они сами из-за себя загремят. А если бы я на пять минут опоздал? Что бы родители без тебя делали? Их тебе не жалко?

Лицо практиканта приобрело какой-то серо-буро-малиновый цвет, я даже испугался.

– Эй, ты чего? Плохо, что ли?

Данька покачал головой и как-то судорожно вздохнул, отчего у меня возникли подозрения, что он был готов слезу пустить.

– Ну, вот что, парень, кончай-ка себя жалеть. Я понимаю, что в

больнице тоже несладко, и досталось тебе основательно, но, главное – ты жив.

– Спасибо, вы мне жизнь спасли.

– Всегда, пожалуйста. Обращайся, если что.

Он улыбнулся. Слабенько так, еле заметно, даже не до ямочек, но от души, почему-то отлегло.

– Дмитрий Александрович, а что вы у меня в квартире делали? Как там оказались?

– Как, Как? Ногами. До подъезда, конечно, на машине приехал, а потом ножками.

– Я серьёзно. Зачем вы поехали за мной?

– Хотел по голове настучать за то, что шуток не понимаешь.

Данил от возмущения подскочил, отчего тут же взвыл.

– Ну, что ты прыгаешь-то, как сайгак! У тебя же там ребра переломаны!

Сейчас повредишь себе ещё чего, а я потом отдувайся за тебя перед Макаровой.

Он, отдышавшись, глянул на меня исподлобья вампирскими глазами.

– Каких шуток? Вы издеваетесь, что ли?

– Ну, пошутил я с мороженым. Но я же попросил у тебя прощения! И вообще, искупил!

– Вы, вы... Ненавижу! – Я не успел увернуться от летящей в меня связки ключей.

Ручка-то левая. Кидать было, видать, неудобно. Ключи попали мне в живот, и нисколько не больно. Зато психованный практикантик зашипел от вновь растревоженных ребер.

– Мазила. Ладно, давай серьёзно поговорим. Подвинь ноги, я сяду. – Я сдвинул его ноги в сторонку и уже было уселся на край кровати, как увидел, что в окно на нас пялятся два каких-то гаврика.

Пришлось выйти из бокса и объяснить любопытным товарищам, что подглядывать и подслушивать занятие бабское.

Когда же вернулся, практикант уже нервно измерял шагами палату.

– Что вам от меня нужно? Чего вы до меня докопались?

– Сядь, не мельтеши перед глазами. А лучше, раз ты ходишь, пойдем в коридор или на улицу выйдем. Там хоть поговорим спокойно. Да и курить уже охота.

Я подобрал ключи и телефон с койки и сунул ему.

- Убери куда-нибудь, и пошли.

Он, молча засунув всё это в карман штанов, направился к выходу. Медсестра на посту встревожено окинула нас взглядом.

- Вы куда это направились?

- Воздухом подышать. Не бойтесь, не заморожу. В коридор выйдем, я ему куртку свою из машины принесу, и только потом на улицу выведу.

- У него голова ещё кружится. Долго не стойте и от больницы никуда не отходите.

- Есть, командир. Верну вашего пациента в лучшем виде.

Данил молчал. Молча позволил накинуть на плечи принесенную мной куртку, молча дал взять себя под здоровую руку и вывести на улицу.

И только когда мы оказались на скамейке в больничном парке, повернул ко мне злое лицо.

- Ну? Чего вы добиваетесь? На какую мозоль я вам наступил?

Я закурил, стараясь пускать дым в сторону, чтобы практикантик лишний раз от него не кашлял.

- Данил, я разговаривал по телефону с Владом. И он подтвердил мои подозрения на твой счет.

Данька здоровой рукой вцепился в спинку скамейки, подавляя по видимому желание заехать мне гипсом в морду. Я поспешил его успокоить:

- Я ничего не имею против того, что ты гей. И даже наоборот.

- Что, "наоборот"? Зачем вы с ним разговаривали? О чём? Как? - Он был на грани истерики.

Его начало потряхивать, синева вокруг рта стала ещё сильнее.

Аккуратно отцепив его пальцы от лавочки, сжал своими.

Он ошарашено смотрел на мои действия.

- Дань, ты мне нравишься. А этот гандон сразу же сдал тебя с потрохами.

Данил высвободил свою руку из моей и, прижав её ко лбу, застонал, качая головой.

- Я ничего не понимаю. Вы издеваетесь надо мной, да? Это что, проверка очередная на ориентацию? Вы всех так проверяете?

- Что здесь непонятного-то? Мы с тобой одного поля ягоды, и ты мне

нравишься. А с мороженым я всё это затеял, чтобы удостовериться, что я не ошибаюсь. Не хотелось встрять, если бы ты натуралом оказался.

- Да пошел ты! Урод недоделанный! Ты, ты, ты меня чуть в гроб не загнал! Из-за тебя я работать нормально не мог! Ты же издевался надо мной постоянно! Гомофоб чёртот!

- Я читал на форуме, что ты там писал про меня и что тебе насоветовали. Я не гомофоб. Алекс был прав, я пидор.

Практикант соскочил со скамейки, охнул, схватился за бок, потом кинул мне куртку и рванул к больнице.

Мои три шага - и я вновь накинул на него куртку, разворачивая к себе.

- Дань, я знаю, что урод. И если бы не твои братцы, так бы им наверняка и остался. Но когда я увидел, как ты умираешь, с ума чуть не сошёл. Я ни разу ни за кого так не боялся. Не испытывал такого страха и раскаяния. Прости меня. Не сейчас. Я знаю, что на это нужно время, я подожду.

Данил, не глядя на меня, кивнул.

Я проводил его до палаты. Он больше так ни разу и не взглянул в мою сторону.

Сидя в машине, курил уже третью сигарету подряд. Домой не хотелось. Там Машка.

* * *

Данька пытался переварить всё, что услышал от безопасника, но головная боль не давала сосредоточиться. Ему было плохо. Плохо и душевно, и физически. Настолько, что он не выдержал и попросил медсестру дать ему снотворное.

Она разворчалась, что ему нужно лежать, а он по улицам шастает и выглядит теперь так, что смотреть страшно. Совсем вид умирающего. Снотворное не дала, а привела врача.

В итоге ему поставили капельницу, под которой он и уснул.

ГЛАВА 17

Спал Данька, как ни странно, всю ночь без сновидений и кошмаров.

Разбудила его медсестра на укол и завтрак. Он с аппетитом поел в общей столовой гречневую кашу, игнорируя любопытные взгляды больных.

Мужики, по-видимому, все друг с другом здесь перезнакомились, так как без конца здоровались по ручке с прибывающим народом. Женщин тоже вниманием не обходили. Так что Данька, наверное, был единственный в отделение «незнакомый» больной. Но видя его хмурую синюю морду, со знакомствами к нему никто не лез.

В боксе он достал принесённые ему Еленой яблоки и принялся их грызть, упорно не желая думать о вчерашнем разговоре с Дмитрием Александровичем.

Чувствовал он себя неплохо. Рёбра, конечно, болели, но зато голова была ясной. И в эту ясную голову то и дело прокрадывался голос Саньча. Данил гнал его изо всех сил, даже пару раз башкой потряс, отчего она тут же закружилась.

С тяжелым вздохом он улегся на койку и решил-таки впустить в мозги вчерашнюю исповедь безопасника.

Признание Дмитрия его шокировало и разозлило. Он не верил ему.

Почему-то не мог представить, что Саньч "того же поля ягода", как он сам выразился.

Правда, Влада также в гействе хрен заподозришь, тот ещё конспиратор.

Да и сам Данил до этого случая вроде успешно скрывал свою ориентацию.

«Неужели у геев действительно есть какой-то радар, что они своих вычисляют?» – думал Данька.

«Но почему тогда он у меня не работает? Почему Саньч меня вычислил, а я его нет? Странно всё это. Да и женат, вроде, безопасник».

Данил вспомнил, как на форуме некоторые признавались, что женаты и даже имеют детей. Как им в десять раз сложнее вести двойную, скрытую жизнь, чем свободным парням. На что эти свободные парни тут же на них наезжали: кто, мол, вам виноват, хотели на хрен сесть и рыбку съесть, вот и расхлёбывайте теперь.

Данил себя женатым даже не представлял. К женщинам его не тянуло совсем. И целоваться с девчонками ему было неприятно.

Наверное, так же неприятно, как натуралу целоваться с мужиком.

Он никак не мог принять за правду то, что наговорил ему Дмитрий Александрович. А ещё эта история с Владом. Что за разговор у них там был?

Данька достал телефон и просмотрел вызовы. По времени и вызовам получалось, что они действительно общались.

Владу позвонить очень хотелось, и он решился. На его звонок сначала не отвечали, а затем сбросили. Он набирал несколько раз – безрезультатно.

Разозлившись, он принялся строчить смску. Левой рукой делать это было неудобно, и он совсем распахивался, так что смс вышла такого содержания: «Возьми трубку. Не вежи себя, как гандон. Не возьмешь – выпишусь из больницы, приеду, устрою, такой кипишь, мало не покажется! Данил».

Не успел он выждать, когда Влад прочтёт его послание, как телефон в руке завибрировал.

От рыка крольчатника Данька чуть не оглох:

– Чего надо? Говори быстрее, некогда мне здесь с тобой ласы точить!

Данил еле сдержался, чтобы не матюкнуться в ответ.

– Влад, что тебе этот козёл наплёл, что ты на меня рычишь?

Смешок и ехидный голос любовника:

– Это ты своего папочку козлом обзываешь? Я, блядь, так и понял, что ни хуя это не батя твой, а один из твоих ебарей! Сразу вычислил, как он только рот свой раскрыл. Чё надо? Какого ты звонишь, шалашовка мелкая? Что «папик» в больницу отправил, когда узнал, что я тебя

поёбываю?

Данил не верил своим ушам. Что бы ни наговорил безопасник, какое право имеет этот урод с ним так разговаривать, даже не разобравшись! Да ещё после того, как сам трахался с тёлкой у него на глазах!

Хлестнувшая по сердцу и мозгу злость, отбила дар речи. Да и о чём говорить? Объяснять, оправдываться? К чему, перед кем?

– Ну, ты и козёл! Забудь, что я тебя просил позвонить. Вообще всё забудь.

Отключенный телефон упал на койку.

Злость перерастала в обиду и боль. Губы затряслись, как Данька ни сдерживался, чтобы не разреветься. Сдержаться не получилось.

Всё, что накопилось за эти дни, прорвалось наружу. Только вот слёз не было, были спазмы, похожие на рыдания, от которых он начал задыхаться, почему-то икая.

У окна как всегда торчали больные, они-то и крикнули медсестру.

Истерика прекратилась, только когда подействовал успокаивающий укол, и Данил заснул.

В ординаторской заотделением договаривался о консультации у психотерапевта для Данила. Его срыв посчитали последствием психологической травмы и асфиксии.

* * *

Домой после больницы я поехал не сразу. Катался по городу, благо пробки к вечеру рассосались. После третьего пропущенного Машкиного звонка вырубил телефон совсем. Домой приехал уже поздно. У Маньки опять глаза красные, а у меня нет настроения её утешать.

И что она нашла во мне? Бросила бы, и дело с концом.

И мне было бы легче, не было бы искушения прикрываться ею, как ширмой.

Разговор с Данилом выжал меня досуха.

Никогда не чувствовал себя таким обессиленным. В жизни было столько сложных ситуаций, столько «разводов» и «разборок».

Столько говна приходилось разгребать языком, но тяжелее этого разговора у меня не было.

Не ужиная, разделся и упал на кровать, уткнувшись носом в подушку. Машутка прилегла рядом, глядя меня по спине.

– Дим, что-то случилось? У тебя неприятности? Никогда не видела тебя таким.

– Всё нормально, я просто устал. Нервы, Машань, просто нервы. Посплю, и всё будет о'кей.

– Это из-за парня того? Из-за убийства?

– Ну, слава Богу, до убийства не дошло. Но, да, из-за этого тоже. Не каждый день приходится целлофановые мешки с голов сотрудников снимать, а потом откачивать почти труп.

– Бедненький. Отдыхай, конечно, я ещё телевизор посмотрю и тоже лягу. Хочешь, я тебе кофе с печеньем принесу?

– Нет, солнце. Поцелуй, и я спать.

Машка с чувством поцеловала меня и вышла из комнаты. Я долго не мог уснуть, всё думал о практиканте. Как он там? Простит ли меня. Получится ли у нас с ним что-нибудь? И что мне делать для того, чтобы получилось?

Я ведь ни разу никого не добивался. Все отношения дальше траха не

заходили. Даже с Машкой мы сошлись легко и быстро. Как-то само вышло.

Познакомились на каком-то фуршете, сейчас даже не помню, на каком, в эту же ночь переспали. А потом я и глазом моргнуть не успел, как Машаня перекочевала ко мне. Только подумал – что пусть, что так даже лучше.

А то уже до сороковника недалеко, а всё неженатый, и на вопросы: "Чего не женишься?" – надоело выкручиваться.

Утром оптимизма у меня не прибавилось. Наоборот, на работе всё раздражало. Сосредоточиться я не мог. Так и тянуло позвонить Данилу.

После обеда, я всё же не выдержал и набрал его номер, но телефон был отключен. К концу рабочего дня я попытался дозвониться снова, предполагая, что он, наверное, отдыхал и отключал трубку. Но сон час уже должен был давно закончиться, а мобильник практиканта так и не включился.

Задолбавшись успокаиваться куревом, позвонил на пост в отделение.

Новость, что у Данила был нервный срыв и его напичкали успокоительными, подорвала меня из кабинета.

Через пятнадцать минут я уже был у больницы. Только Данька спал, и меня к нему не пустили. Зато я имел удовольствие пообщаться с его лечащим врачом в качестве родственника.

После этого общения решил, что настоящие родственники Даньке сейчас не помешают. И поехал пробивать его дядьку. Данные нашел быстро. Адрес, телефон, работу. В рейсе он не был, и к вечеру я с ним связался.

ГЛАВА 18.

Данил проснулся от шума в коридоре. Кого-то явно не хотели пропускать к нему в бокс. Голос был мужским. Медсестра пыталась объяснить, что время посещений закончено, а дверь в отделение открыта, потому что несколько больных отпросились домой и должны вернуться к девяти вечера. Но мужик рвался войти и горланил, что он даже бахилы на ноги напялил. Зря, что ли? И что раз дверь всё равно открыта, то почему бы ему не увидаться до этих самых девяти вечера с Данилом. Тем более время только семь.

Данька сначала подумал, что это безопасник, но голос был другим. А потом дошло – дядька. От радости, что увидит родного человека, он, игнорируя боль, быстро поднялся и выглянул в окно.

– Ба! Елы-палы! Ну и рожа у тебя, племяш! – увидел его через стекло дядька.

Иван был мужиком крупным, с уже небольшой «мозолью» в районе живота, черными с проседью волосами, аккуратно подстриженной бородой, шикарными усами и весёлыми яркими серо-голубыми глазами. Цвет зависел от настроения, погоды и времени суток. Все это ему очень шло, даже «мозоль» не портила. Данька, иногда глядя на моложавого дядьку, ловил себя на мысли, что тот ему как мужик очень даже симпатичен.

И сейчас, увидев родственника, он вдруг представил Саныча с бородой и усами. И с удивлением понял, что они чем-то похожи, а значит, безопасник должен ему нравиться.

Оглядевшись в палате и не найдя куда присесть, Иван выудил из недр своих карманов шоколадку и подмигнул Данилу:

- Принес тебе, но, думаю, ты уже большой мальчик, обойдешься. Пойду у медсестры на стул обменяю.

Данька покраснел и обиженно посмотрел на родственника.

- Вечно ты издеваешься, дядь Вань. Мне уже давно не пять лет, а ты мне всё шоколадки суёшь.

Дядька засмеялся:

- Ну, ты ещё скажи, что ты их не берёшь! Чавкаешь за милу душу, хоть бы раз отказался.

Данил вспыхнул ещё больше.

- Ух, ты! Ты сейчас какого цвета? У тебя на морде все цвета радуги. - Смеясь, Иван пошёл цыганить стул.

Данил, как только он скрылся из виду, буркнул себе под нос: "Какого,какого..Голубого..."

Вернувшись, Иван уселся напротив кровати.

- Ну, рассказывай. Как ты до такой жизни докатился?

Данил растерялся. Иван был треплом и балагуром, и было непонятно, когда он шутит, а когда нет.

- До какой - «такой»?

- До такой, что родному дядьке ты не звонишь и не сообщаем, что тебя чуть не порешили, и что ты в больнице. Что за дела, Данил?

- Я думал, ты в рейсе.

- Индюк думал да в суп попал. Позвонить что, не судьба? Почему я узнаю, что мой единственный племян в больнице от совершенно левого чувака?

Данька пожал плечами. От кого узнал Иван про больницу, он уже догадался.

- Ну, если этот чувак - наш начальник службы безопасности, то он не левый. Это он меня спас. Если бы не он, ты бы сейчас к похоронам готовился, а не здесь сидел.

- Его Дмитрием зовут?

Данил кивнул.

- Рассказывай. Он мне объяснил, что к чему, но не подробно. Выкладывай всё по порядку.

И он выложил. Всё, кроме их стычки с Саньчем.

Рассказал о том, как унижительно и противно, что его вот так запинали, связали и натянули этот пакет, а он даже не сопротивлялся и не смог за себя постоять. Как больно от того, что это сделали не чужие люди, а родня. Как плохо, что рядом нет матери и бати. Как он рад приходу Ивана, и что он очень хочет домой.

Выговорился. И пусть боль от предательства Влада, от непоняток с безопасником никуда не делась, но дышать стало легче. Даже ребра, казалось, болели меньше.

- Ну, вот что. Мать с отцом скоро приедут, и думаю, что сеструху мою кондратий хватит, когда она всё узнает и морду твою увидит. Так что если не хочешь, чтобы мать рядом с тобой оказалась, бери себя в руки, зализывай раны и прекращай киснуть. Чтобы к приезду родителей был как огурчик. Завтра принесу тебе мазей от синяков, будешь приводить морду в порядок. И полосу эту на шее тоже мажь. Ребра и лангет – фигня, с кем не бывает. Мы с батей твоим по молодости ещё не так битые ходили. Он уже с Валентиной жил, а все равно куда-нибудь, да встрянем. Характеры такие шепутные. Пивка зашли попить в кабак, что не так кто сказал – всё, пиши-пропало. А уж если на Таньку кто-нибудь загляделся, тут вообще. Ты не в него, в мать пошёл. Она всю жизнь тихоня-тихоней, и ты такой же.

Слова покоробили и обидели, на душе остался горький осадок, но Данил понимал, что Иван прав.

Ещё немного посидев и вспомнив свою и батину молодость, дядька ушёл, пообещав прийти завтра.

Даня почувствовал, какой он голодный, и полез доедать остатки Ленкиной передачи. А ещё он выспался и не представлял, что будет делать ночью.

Включив телефон, хотел поболтать с кем-нибудь из одноклассников или с той же Леной. Тут же пришло смс о поступавших вызовах. Номер был незнакомым, и он решил узнать, кто звонил.

- Алло, вы мне звонили сегодня.

Не успел договорить, как послышался знакомый голос:

- Дань, как ты там? Дядька к тебе приходил?

Он задержал дыхание, не зная, бросить трубку или нет.

Подумав, что это уж будет совсем по-свински, если он отключится, – всё-таки безопасник жизнь ему спас да и дядьку вызвал – ответил:

- Да, приходил. Спасибо, что сообщили ему.

- А ты себя как чувствуешь? Я звонил сегодня на пост, мне сказали, что у тебя срыв был. Это из-за меня? Из-за нашего с тобой вчерашнего разговора?

- Нет. Не знаю. Из-за этого, наверное, тоже. Просто всё в кучу. Но вы не думайте, сейчас нормально всё.

- Ты простил меня? - Голос хриплый, с надеждой, слышавшейся в этом коротком вопросе.

Данил помолчал, а потом выдохнул:

- Да. Простил.

Облегченный вздох в ухо и следующий вопрос:

- Можно мне завтра прийти?

Данька сказал:

- Да. - И сразу же отключился, чтобы не передумать.

Зачем он согласился, он и сам еще понять не успел. Но почему-то этот разговор, этот вопрос Саныча теплом разлился в душе, а по телу прошла чуть заметная дрожь от возбуждения и ожидания чего-то нового.

****

Я сидел и улыбался улыбкой клоуна-идиота. Эта самая улыбка, как приклеилась к моей морде.

Маша зашла в комнату и, увидев мою довольную ряху, обняла, заглядывая через плечо в ноут.

- Анекдот смешной нашёл, что ли?

- Угу.

- Где? Дай прочитаю.

- Да закрыл уже. - И прежде, чем она начала искать анекдот по журналу недавних страниц, я быстро отключил и закрыл ноутбук.

- Маш, я завтра с работы попозже приеду, в больницу к парнишке тому съезжу. Узнать хоть, как там мой спасенный.

- Ой, мне на него глянуть охота. Возьми меня с собой.

- Привет тебе. Ничего умнее выдумать не могла? Он тебе что, зверюшка в зоопарке? Парню и так досталось, синий весь. Думаешь, ему будет приятно, что его, такого красивого, девушка разглядывает. Вот выпишется, выйдет на работу, я тебе его как-нибудь покажу.

У меня было отличное настроение, и я увлек Машаню на диван. Захотелось сексу - минетик.

Закрыв глаза, представил, что там внизу - Данька, но, стоило только зарыться рукой в Машкины волосы, наваждение ушло вместе с возбуждением. Машутка списала всё на нервы и стресс, а я согласился и пошёл в душ.

На следующий день перед обедом Данила перевели в общую палату. Настроения у него не было с утра. По направлению он в сопровождении санитарки успел побывать у психолога и невропатолога.

Первый заставил отвечать его на какой-то дурацкий тест с одинаковыми практически вопросами, построенными на разный лад, затем показывал идиотские картинки, при этом довольно угукая и что-то карябая на листе бумаги совершенно невозможным почерком.

Данил все ждал, когда «псих» начнет задавать ему вопросы, касающиеся непосредственно произошедшего и мучивших его кошмаров, даже попробовал было сам рассказать доктору свой «диагноз», но тот, казалось, совершенно его не слушал. Все так же угукая, строчил что-то и кивал головой. Когда же Данька раздраженный его невниманием, замолчал на полуслове, он оторвался от своей писанины и изрек:

-Ну, так что же вас все-таки беспокоит, молодой человек? Депрессия, сны, страх?

Данил ошарашено на него уставился: «Он что, издевается?»

- Ничего доктор. У меня все просто о'кей.

- Ну, вот и ладненько, вот и замечательно. Я вам тут таблеточки прописал, попьете в течение месяца, и все будет хорошо. Ну, а если не хорошо, обратитесь к специалисту по месту жительства. Да, за руль после приема таблеток не садитесь.

В следующий кабинет Даня зашел злой, как черт, и когда невропатолог принялся стучать по его коленям молоточком, а потом попросил вытянуть руки, он ему чуть в морду лангетом не заехал. Доктор тут же заметил свою оплошность и попросил больного закрыть глаза и здоровой рукой прикоснуться к кончику носа. От этой процедуры Даньку ощутимо повело в сторону, и врачу пришлось его ловить. Затем Данил скашивал во все возможные стороны глаза, следя за молоточком эскулапа, отчего его тут же затошнило, о чем он и поведал хмурому невропатологу.

Перспектива дышать рвотными массами в своем кабинете того, по-видимому, не прельщала, и он по-быстрому выпроводил пациента.

Остаток утра Данил потратил на физио-лечение.

После всех этих процедур перевод в палату окончательно испортил настроение. На его цветастом лице с налитыми кровью глазами, раздражение и злость отпугнули любопытных сопалатников, попытавшихся было познакомиться и завязать разговор.

Пришедший после обеда дядька с полным пакетом жрачки и тубиками мазей всех сортов немного отвлек от злости на «придурков» врачей.

Но когда племянник поделился с ним утренними злоключениями, он начал ржать и подкалывать Даньку, чем разозлил его еще больше. Страбастав пакет здоровой рукой, Данил демонстративно направился в палату, игнорируя ржущего родственника.

Методичное поедание продуктов немного успокоило. Когда от еды уже стало тяжело дышать, Данька, наконец, прекратил обжорство и осоловелым взглядом обвел палату. Все мужики как один смотрели на него, чуть ли не разинув рты. Один кивнул на основательно опустевший пакет в руках Даньки:

-Ты не лопнешь, деточка?

На что тот смачно отрыгнул и с ехидцей в голосе ответил:

- Не лопну, но воздух попортить могу. - И тут же поставив пакет в тумбочку, улегся дрыхнуть.

Переел он, конечно, зря, дышать было трудно, а с учетом сломанных

ребер, еще и больно. Так что уснуть не получалось.

Сопалатники, посмеявшись, по-видимому, над его жором, улеглись на тихий час, и их храп на все лады, тоже не способствовал сну.

Данил размышлял о своем раздражении. Вот чего он ни с того, ни с сего злится на соседей по палате? Они ничего ведь плохого ему не сделали. Да и дядька – ну, и что, что поржал. Он всегда ржет, над всем подряд. Раньше Даньку это не колыхало, даже если родственник потешался над ним.

«Во всем виноваты Влад и безопасник» – решил Данил. И тут же вспомнил, что второй раздражитель вечером явится.

«Вот на нем-то и отыграюсь» – И с этой мыслью он, наконец, заснул.

Отработав смену, которая, казалось, тянулась вечно, я, наконец, двинул в больницу к практиканту.

По дороге прикупил фруктов, сока и сладостей, к которым, как я понял, он был равнодушен.

Я не стал звать санитарку, а просто позвонил Данилу, сказав, чтобы он предупредил медсестру на посту, что выйдет на улицу.

Встретил я его в коридоре. Морда помятая, сонная. Вообще от бывшего очаровашки мало что проглядывало, в хмурой, насупленной и переливающейся всех цветов радуги физиономии.

– Привет. Чего такой хмурый?

Он зыркнул на меня глазками а-ля вампир и скривился, как от лимона:

– Чему радоваться то? Твоему приходу, что ли?

– О, прогресс!

– Какой?

– Ну как же, отгрызаешься и перешёл на «ты». Значит, выздоравливаешь.

– Я, вообще-то, и не болел.

Я, улыбаясь, накинул на него свою куртку и потащил к машине. Мне нравилось его ершистое настроение, все лучше, чем депресняк.

– Куда ты меня тащишь, отрывка общестственности?

От такого ругательства я даже притормозил. Еле сдерживая смех, с серьезной рожей поинтересовался:

– Будь добр, переведи на нормальный мат, а то я не понял, кем ты меня обозвал.

Данька совершенно невинно, с улыбочкой на потрескавшихся губах, перевел, загибая поочередно пальцы:

– Козел, урод, гандон, гомофоб недоделанный и ещё раз козел.

– Ну, спасибо на добром слове. Хорошо, хоть на три российских не послал. Ты есть хочешь, гордость общестственности?

«Гордость» задумался, положил руку на живот и зачем-то надавил.

– Думаю, уже влезет.

– Что влезет? – Не понял я.

– Жрачка влезет. Вроде пока спал, переварилось.

– Ну, раз влезет, поехали, пожем.

Уже сидя в машине, он, зевнув, поинтересовался:

– Чем кормить будешь?

– А ты что хочешь?

– Фуа-гру с трюфелями в белом вине, запеченное мясо лангуста с морским языком, э...

- Выйдешь из больницы, будет тебе и лангуст, и фуа-гра, и языки, и гребешки, а сейчас давай пожрем по-человечески, по-русски.

- Жмот.

- Я не жмот, я жрать хочу. Меня сегодня не кормили.

Практикант довольно оскалился:

- Что, обломили тебя девчата без меня? Пирожками с тортами не угощают?

- И не говори. Глядишь, так и похудею, пока ты в больнице ласты сушишь.

- И где мы жрать по-русски будем? Жинка твоя расстаралась?

- Ну, если ты любишь яйца вареные и жареные, то можно и к жинке.

- Вот почему ты мечешь всё, что девчата приносят! И в чем тогда плюс женатого гомика?

- Плюс заключается в том, чтобы не быть отрыжкой общественности.

Данька сразу притих и отвернулся к окну.

- Я не отрыжка общественности, понял? И никому не собираюсь доказывать это, женившись.

Я проклинал свой язык. Остановив машину у кафе «Славянская кухня», повернулся к нему:

- Дань, ты моложе меня, у тебя другие взгляды на жизнь. Ваше поколение проще относится к сексуальной ориентации. Агрессии тоже конечно еще хватает, но все же меньше, чем во время моей юности. А она у меня, как раз проходила во времена крутых и братков, и пидорство считалось не ориентацией, а опущением. Слово «ориентация» даже не рассматривалось, были просто пидоры, извращенцы, которых гнобили. Которым место только у параша. И даже по другую сторону баррикады, то есть в органах, считали так же. Так что ты от меня хочешь? Чтобы я резко перестроился, убрал все свои комплексы и поверил, что общество примет меня, таким, какой я есть? Что на работе у меня не будет проблем, и наш генерал так же будет со мной здороваться по ручке? Ты сам-то в это веришь? Сам сможешь открыться, что ты гей? Родителям, дядьке, девчонкам на работе, друзьям в институте? Сможешь?

Я смотрел на него отвернувшегося, глядящего в окно, и видел в отражении стекла, как с каждым моим словом, глаза его все больше блестели.

Наконец, он повернул голову ко мне и вздохнул:

- Нет. Не смогу. Прости, ты прав, конечно. Это твое дело, как тебе жить, но я считаю, что портить человеку жизнь только потому, что ты выбрал её в свои щиты, неправильно. Она тоже заслуживает счастья, и чтобы её любили. Ты мужик, ты сильный, мог бы обойтись и без такого щита. - С этими словами он вышел из машины и зашел в кафе.

. Глава 20

Данил занял столик почти у самого входа. Я предпочитаю в углу - подальше, поглубже. Он как будто специально решил показать всем свою побитую физиономию, загипсованную ласту и домашние тапочки с трико. Народу было мало, но пялились на него все без исключения.

Как только я уселся рядом с ним, к нам направилась девушка-официант.

Чтобы хоть как то разнообразить Машкины яичницы, я частенько сюда наведывался. Кухня здесь превосходная. Много здесь чего можно отведать по старинным рецептам

Девушка, стараясь не смотреть на Данила, приняла наш заказ.

Уже собравшись уходить, все же не сдержалась. С сочувствием глядя на Даньку, вздохнула:

- У меня мужа тоже в прошлом месяце какие- то уроды избili. Печатку сняли, забрали телефон и всю получку. Сломали челюсть, нос и несколько ребер. До сих пор ходит с шинами.

- Сочувствую. Уродов сейчас точно хватает, - откликнулся Данил. Девушка кивнула и удалилась.

Практикант сидел насупленный и опять чем-то недовольный.

- Ну, и чего ты снова набычился? Хочешь, поговорим о щитах и остальном? Я тебе кое-что объясню. Ты по своей молодости слишком идеализируешь.

- И что же я идеализирую?

- Ну, например, возьмем отношения гетеросексуальных пар, где мужикам уж точно щиты не нужны.

- И?

- Я так, Дань, понимаю, что ты воспитывался в полной семье, причем единственный в ней ребенок, которого мать с отцом обожают. А сколько в твоём, например, классе, было таких счастливых семей? Уверен, что каждый третий жил с одной мамой, а папа, в лучшем случае, платил алименты и брал ребенка на выходные.

Данил отвернулся, и я еле расслышал его ответ.

- Скорее, каждый третий жил в полной семье, а каждый первый и второй - с мамой.

- Вот видишь. А теперь взять этот процент полных семей. Как ты думаешь, сколько из них жен терпит и закрывает глаза или вовсе не знает о похождениях своих мужиков? Из этих полных семей каждый второй мужик когда-нибудь, да ходил налево. И как тогда назвать их счастливых жен? Как думаешь, счастливы они, что их мужики гуляют с другими бабами? А в чем тогда разница между гетерогуляками и мной?

Он усмехнулся, глядя на меня:

- Ишь, как лихо ты все перевернул! Ну, хорошо, в этом вы схожи. Но одного я понять все равно не могу, если тебя на женщин не тянет, ну, нахрена ты женишься? Тебя же не заставляет никто. Мало женам любовниц, надо их еще и любовниками наградить, да?

- Дань, а ты никогда не задумывался о детях? О семье, как у вас? Ну, сам посуди, с парнем встречаться можно, но жить с ним - это ведь нереально. Как ты объяснишь своим маме и папе, что живешь с мужиком?

Данька не успел мне ответить, подошла официантка с заказом. Мы молча принялись за еду.

Наконец, практикант поднял на меня взгляд.

- В общем, я понял, ты хочешь и рыбку съесть и на... сесть. Удобно, конечно, жена под боком, детей народил и парня завел. А если этому парню, в отличие от тебя, не нужна жена, а нужны постоянные и крепкие отношения с партнером своего пола, и он не захочет идти в любовники? Что тогда? Так и будешь всю жизнь по сайтам лазить и трахаться, с кем придется?

Что-то заскребло, кольнуло там, внутри. Я не знал, что ответить ему. Сказать, что ради него я брошу Машу, что если он хочет, то мы будем жить вместе. Но я не знал, смогу ли. Встречаться - да. Но вот жить. Даже если мы и расстанемся с Машей, вряд ли я смогу жить с парнем под одной крышей. Это же бочка с порохом. Рано или поздно нас вычислят. Соседи, его родители.

Посмотрев на сосредоточено жующего и вновь уткнувшегося в тарелку Данила, я честно ответил:

- Не знаю. Не пробовал по-другому. Ты мне нравишься, Дань. Чем-то ты меня зацепил. Такого ещё не было, понимаешь? Чтобы вот так, сильно. Я знаю, что глотку за тебя любому порву, а вот смогу ли все бросить и жить вдвоем, честно скажу - не знаю. Для тебя это очень важно? Без этого никак?

Данил уставился на меня заплывшими глазами:

- Ты совсем дурак? С чего ты взял, что я о себе говорил? И с чего ты решил, что я вообще собираюсь отвечать на твоё - «ты мне нравишься»?

У меня пропал дар речи. Этот сучара вынес мне уже весь мозг. Хренов обломщик. Его сам черт не разберет, чего он, в конце-то концов, хочет.

Я начинал потихоньку закипать.

- Дань, я понимаю, конечно, что я не ангел, и делов по отношению к тебе наворотил, но шанс-то ты мог бы мне дать.

- А как ты представляешь наши с тобой отношения? Ты же только что втирал мне, что конспирация превыше всего. Не напрямую, конечно, это говорил, но и так понятно. А мне еще практику у вас заканчивать, и после окончания универа, я, вообще-то, планировал работать на Хладике. Макаровна берет меня на постоянку. И что, будем там тереться бок о бок? Делать вид, что терпеть друг друга не можем? Или ты уволишься?

- Давай решать проблемы по мере их появления. Уволиться я, конечно, не уволюсь, не тот возраст работу менять. А вот тебе место могу помочь найти. Хотя в том, что мы вместе будем работать, я не вижу никаких проблем. Мало ли любовников и любовниц на предприятиях. Нужно учиться держать себя в руках. И то, что ты будешь у меня на глазах, мне даже нравится.

- Зато мне не нравится. И вообще, пожрал? Поехали в больницу, а то меня там потеряли уже.

До больницы ехали молча. Данька всю дорогу сидел, отвернувшись к окну.

Я его решил не тормозить. Наверное, ему нужно переварить, привыкнуть, подумать, прежде чем принять какое-то решение.

Да и не сразу Москва строилась. Ничего, прорвемся. Я его все равно допеку, никуда он от меня теперь не денется.

У больницы я отдал ему пакет с передачкой.

Он зажал его между ног, сунул в него нос, хмыкнул довольно и заулыбался.

- Спасибо. Целовать в благодарность не буду.

- Да я и не надеялся. Я приеду завтра?

- Опять кормить повезешь? Меня скоро родная мать не узнает, я в больничные двери так не пройду. Только и делаю, что жру целыми днями.

- Ничего, выйдешь из больницы - похудеешь. Секс лучше всяких тренажеров жиры сгоняет, - подмигнул я ему.

- Пошел ты.

- Смотря куда, а то я с удовольствием.

- Не туда, куда тебе хочется. Ладно, пока. - Он вылез из машины и пошел к больнице. Я хотел было догнать его, накинуть куртку и проводить, но Данил бросил через плечо:

- Провожать не надо. Не холодно, дойду.

- Ну, так я приеду завтра после работы?

- Как хочешь. - Так и не повернулся.

Он зашел в дверь больницы, которую услужливо открыла ему какая-то курившая на крыльце девчонка.

Я тоже закурил. Все же шанс у меня есть. Мне не сказали: «Не приезжай».

Глава 21

Странно, но встречи с практикантом положительно влияли на мою семейную жизнь.

После нашего последнего разговора о щитах и неправильности женитьбы я смотрел на свою Машку немного иначе, чем прежде.

Конечно, я и раньше прекрасно знал, что несправедливо использовать по-настоящему любящего меня человека в своих интересах.

Знал и, наверное, от этого только больше раздражался. Сейчас же у меня к Машке было чувство нежности и благодарности. Я даже понял, что привязался к ней и испытываю что-то сродни любви.

С Данькой мы не виделись уже больше недели. На следующий день

после нашего с ним разговора в кафе я, приехав в больницу, застал у него дядьку.

Иван мне понравился – простой, весёлый мужик.

Данил смотрел на меня с усмешкой, пока мы пожимали друг другу руки и знакомились уже не по телефону.

Поинтересовавшись у практиканта здоровьем, передав привет от девчат и передачку, я поехал домой не солоно хлебавши.

Прощаясь с Данилом и желая ему скорейшего выздоровления, прямо кожей чувствовал его ехидный, смеющийся взгляд: «Что, съел?»

А в обед следующего дня я ему позвонил и узнал, что вернулись родители и забрали его из больницы домой.

Звонил я каждый день, но разговор как-то не клеился. Дальше дежурных фраз у нас не шло. Он неохотно отвечал на мои вопросы, а сам не интересовался у меня ничем. На предложение встретиться ответил, что мать его одного из дома ни на шаг не отпускает. Даже на приёмы в поликлинику он ездит с отцом на машине.

Надежда на отношения начала гаснуть. Я прекрасно понимал, что всё, что он мне лепит про мать, – отговорки. Он взрослый самостоятельный парень и на маменькиного сынка похож не был.

Я злился. Раздражался по каждому поводу. И раздражение это выливалось на работе. Шеф укатил к дочери в Англию. Его зама я терпеть не мог.

Сноб и надутый индюк. Он с нами никогда не играл в футбол, не висел в сауне, не пил коньяк в кабинете. Общался только по делу, в официальной манере. Терпеть его не мог не только я, но и всё наше остальное начальство.

А уж простые работяги старались в отсутствие генерала вообще к нему не лезть.

Как-то, подвыпив в сауне, мужики задали вопрос Валерьичу, на кой ему сдался этот петух, хороших специалистов ведь хватает, почему замом он поставил именно его?

«Блатной. Родственник мэра, чтоб его. А мэр очень конкретно мне намекнул, что лучше зама я не найду» – выплюнул генерал.

Так что на работе я ходил злющий, даже обычное общение с девчатами из кабинета напротив не приносило радости. Тем более не было дня, чтобы они не начали свои охи про бедного Данечку.

Дома немного отпускало. Глядя на Машку, на её заботу обо мне, я чувствовал себя хоть кому-то нужным.

Последние события сильно изменили и меня и её. Она, оказывается, неплохо умела готовить и могла тихо сидеть рядом, прислонив голову к моему плечу и не комментируя, как раньше, то, что мы смотрели по телику.

С сексом тоже у нас было, как в первый месяц. Я словно с цепи сорвался, вымещая в постели неудовлетворённость и злость.

А стоило мне представить на Машкином месте практиканта, как накатывало почти сразу.

Мне не спалось, часы высвечивали третий час ночи.

Сожительница моя видела уже десятый сон.

А я лежал и накручивал себя, злясь на практиканта всё больше.

Представлял садистские картинки с его участием. С удовольствием бы воспользовался опытом его братцев – по связыванию.

Связал бы зарвавшегося неблагодарного щенка – и оттрахал бы по полной программе.

Из моих сексуальных фантазий меня выдернул вибрирующий на тумбочке телефон.

Я выматерился. Наверняка с Хладика охрана звонит. ЧП мне ещё не хватало.

Схватив трубку, выскочил с ней на кухню, чтобы не разбудить своим ором Машку.

Взглянул на дисплей – и глаз чуть не выпал. Звонил Данька.

У меня охрип от волнения голос, когда я нажал на приём и поднёс телефон к уху:

– Что случилось? Ты где?

– Ничего. Дома я. Просто не спится. Ты что не рад, что я позвонил?

Меня отпустило. Ноги с чего-то вдруг затряслись, и я опустил свой зад мимо стула.

– Блядь! Сука! – Грохот стоял знатный. Башкой я приложился об холодильник, но трубку из рук не выпустил и даже умудрился от уха её не убрать.

Данька засмеялся.

– Ты чего там буянишь?

– От счастья, что ты позвонил, грохнулся. – Я прислушался: Машка вроде не проснулась.

– О! Ну теперь я буду знать, как тебя с ног валить.

– Ты бы меня лучше не звонками, а своим присутствием свалил. Наверняка – наповал.

– Может быть, и сваю как-нибудь. Вот ребра заживут, лангет снимут, синяки сойдут до конца.

– Ты что, комплексовать начал? С чего бы это? В кафе светил своим фейсом без комплексов, а тут вдруг?

– Да не я. Маманька. Она меня правда не отпускает никуда. А мне с ней ругаться не хочется. Она, бедная, и так чуть не поседела, когда приехала. Дядька их встретил и всё рассказал более-менее так, чтобы не напугать. Зато соседки на другой день так всё расписали, что мать с давлением свалилась. Сейчас на больничном, блюдёт меня. Батя на работу вышел, так она меня сегодня в больницу на такси возила. Туда и обратно.

– Дань, а у тебя вообще права есть? У вас же машина вроде имеется, почему ты на ней не ездишь? Ну, не сейчас, конечно, а вообще?

– Кто бы мне её ещё доверил. Отец за неё трясётся, как за дитём. Он мне другую после окончания универа купить обещал. А свою не даёт.

– А водить то ты умеешь? Права есть?

– Тебе-то какая разница? Ну, нет. Купит батя машину – выучусь.

– Лангет снимешь, я тебя научу. На своей.

– В смысле? Доверишь мне тачку?

– Ну, я же рядом буду, так что подстраховать тебя всегда смогу. Покатаемся где-нибудь за городом. А на права потом экстерном сдашь – я договорюсь.

– С чего это ты такой добрый? Подкатываешь?

– Я к тебе уже давно подкатываю, ты просто не замечал.

– Ага, как же. Скажи ещё, что твои стёбы и наезды были заигрыванием.

– Скажу. Так оно и есть. И я тебе это говорил. Я на тебя сразу глаз положил, как только ты на практику пришёл.

Блин, я совсем забыл, что дома не один. Выехал от радости напрочь, что Машка могла слышать наш разговор. Пока Данька пыхтел возмущённо в трубку, я заглянул в спальню. Маша спала.

Прихватив спортивки, я тихонько вышел из комнаты.

– Дань, ну ты там чего, уснул? – Зажал трубку плечом, натягивая штаны.

Сунул босые ноги в туфли, накинул куртку и вышел в подъезд.

– Не уснул. Враньё твоё перевариваю.

– Эх, ты, дуралей. Не враньё это. Знаешь, как пацаны с понравившейся девчонкой заигрывают?

– За косы дёргают? – съехидничал Данька.

– Вот именно.

– А ты решил, что раз я не девчонка и кос у меня нет, за нервы меня подёргать? Неплохо у тебя получилось. Знато. Высший пилотаж.

– Дань, ну, придурок. Что с меня взять? С дураков взятки гладки.

Практикант молчал. Дышал и молчал.

– Ну, чего опять замолчал?

От его резко сменившегося голоса стало не по себе.

– Знаешь, почему я тебе позвонил? Тошно мне. Я дома находиться не могу. А как в коридор выйду, так трясти начинается. Ненавижу это место, где они меня...

– А ты не думай об этом, слышишь? Забудется всё. Вот увидишь. Нужно бороться со своими страхами, гнать их от себя. Они есть у всех, поверь.

– Да причём здесь страх? Я не страх чувствую, а унижение. Ненавижу себя, что такой слабак. Как баба, даже постоять за себя не смог. И с тобой ведь так же. Когда ты издевался надо мной, я как лох последний молчал вместо того, чтобы поставить тебя на место.

– Вот это ты зря. Неправда это. Я ведь и задираю тебя, потому что ты мне зубки показывал. Так что ты на себя зря наговариваешь. А что постоять за себя перед братьями не смог, так любой бы на твоём месте растерялся.

– Но ведь ты не растерялся. Вырубил их обоих, даже глазом моргнуть не успели.

– У меня профессия такая, и навыки есть. Навыки, опыт, обучение. А ты студент, так что нечего бочку на себя катить. Всё у тебя ещё впереди. Научись и за себя стоять, и в морду давать.

Данька вздохнул.

– Батя чуть мужа сестры не убил. Рванул к тётке, а они там опять бухают. Пофиг, на то, что их детки меня чуть не угробили и им срок теперь светит. Пофиг на всё. Они, по-моему, даже не в курсе, что Антоха и Витька в тюрьме.

– Ты их опять жалеешь? Даня, прекрати всех жалеть – и себя в том числе.

– Вот я и говорю, что я тряпка. Ни в бату, ни в дядьку! Родился трусливым педиком.

– Я завтра за тобой заеду. Поедем за город, сделаем шашлыки, развеемся. Хватит дома киснуть.

– Ты глухой, да? Говорю же, мать меня не отпускает из дома.

– Со мной отпустит. Спасителю сына, думаю, не откажет.

– Ну, ты и жлоб! Хотя, они с батей хотели тебя увидеть. Собирались даже идти к тебе на работу, чтобы отблагодарить. Я их кое-как отговорил.

– Вот завтра и познакомимся.

– И что ты им скажешь? Зачем меня забираешь? На друзей мы с тобой не тянем.

– Скажу, что едем на шашлыки. Только не вдвоём, а с девушками из

твоего отдела. Что они хотят тебя видеть, и мы решили сделать пикничок.

– О, а это идея! Может, и правда их позовёшь, а? Я бы с удовольствием с ними увиделся. А вдвоём потом как-нибудь посидим.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Хорошо, завтра сблатую девчат. На крайняк, послезавтра. Им ведь заранее всё надо говорить. С бухты барахты они, наверное, не согласятся. На природу в юбчонках ведь не поедешь, штаны с собой брать придётся. Так что давай на послезавтра.

– Замётано. А я родакам скажу, что они звонили и звали на шашлыки. Чтобы уж наверняка мамка отпустила. Все, давай, спокойной ночи. Завтра созвонимся.

Он отключился. А я зашёл домой, покурил и завалился рядом со спящей Машкой. На душе было полное умиротворение. Заснул я под эротические фантазии.

Глава 22

Данька маялся от безделья. Можно было позаниматься на будущее, но его охватила такая лень, что он только и делал, что валялся на диване, переключая каналы телика с одного на другой.

Мать за это его ругала. У них с отцом был собственный телевизор в их спальне, но она упорно торчала в зале вместе с Данькой, как будто на минуту его боялась оставить. Его это жутко раздражало, но когда он смотрел на осунувшееся материно лицо, ругаться с ней пропадала всякая охота. Поэтому он и щелкал пультом со скоростью автоматчика. Каналы мелькали перед глазами, как слайды.

В конце концов, мать не выдерживала и уходила к себе в спальню смотреть очередной сериал в одиночестве, что она очень не любила. Ей нужно было описать кому-нибудь всех героев, рассказать все предыдущие серии, и неважно, видел ли человек хоть одну из этих серий и интересно ли ему. При этом она еще умудрялась смотреть серию текущую и даже вникать в смысл происходящего на экране, разбавляя описание героев такими словечками, как: «Вот скотина! Вот стерва! Козел! Бедная девочка! Блин, да что ты веришь этому уроду, дура!»

Батя давно научился отключаться от ее монологов, а Данила эти сериальные сказки бесили.

Лень Даньку обуяла до такой степени, что он даже бриться перестал. Мягкая щетина начала превращаться в козлячью бородку, и увидевший это безобразие дядька долго над ним ржал.

Усы у него почему-то расти не хотели совсем, а бородка была жиденькой и светлее волос на голове. Мать ворчала, чтобы он не изгалялся над своей внешностью и сбрил это уродство, а Данька, глядя иногда в зеркало на желтизну под глазами и три пучка на подбородке, вспоминал безопасника, размышляя, понравится ему такой урод или он все же отвяжется.

На шашлыки со спасителем предки его отпустили, и он ждал «завтра» с неким воодушевлением. По девчонкам он соскучился, даже по Зинаиде Макаровне. Ну, и по Санычу тоже немного. Не то чтобы прямо очень хотел видеть, но хотел.

Верить и потакать всяким козлам он больше не собирался. Влад отбил такую охоту. При воспоминании о нем внутри всё сжималось от обиды, злости и разочарования.

Больше всего он злился на себя, ему никак не удавалось выкинуть из головы последнюю их встречу. Крепкие объятия и жесткие, сносящие крышу поцелуи. Целоваться Данька очень любил.

Иногда на месте фермера во сне оказывался безопасник, и ласки превращались в жесткий трах. Во сне Дмитрий Александрович был таким же козлом, как и в реале. Он с ехидной улыбочкой нагибал Даньку прямо в туалете Хладика или заваливал его на стол у себя в кабинете и драл. При этом Данька почему-то сосал мороженое на палочке. После таких снов Данька не только марал простыни, но еще и в ванной закрывался надолго.

И чем больше он думал об этих снах, тем больше злился на себя и Саныча. На себя за то, что вспоминает и хочет двух этих уродов, и сам не знает, кого больше, а на безопасника – за то, что тот вообще есть на белом свете.

* * *

Девчонки, предложение устроить пикник с шашлыками за второе рождение практиканта, приняли на "ура".

Не все, конечно, – незамужние. Девчата, у которых были дети и мужа, с тяжелым вздохом отказались. Зинаида Макаровна тоже.

Ленок развернула бурную деятельность, хоть я и объяснял ей, что мясо возьму готовое, выпивка тоже с меня.

В итоге её приготавлилок в день пикника у меня глаз дергаться начал.

Когда я запихивал в машину купленное вино и дрова, пиздец подкрался не заметно. Вернее, завгар подкрался и шарахнул меня по спине так, что я чуть в багажник головой не зарылся.

– Ну, ты и тихушник, Саныч! Зажал магарыч от студента!

Я повернулся к нему со зверской рожей, но Юрьичу на мою рожу было плевать. Он вообще у нас полный пофигист.

– Какой еще магарыч?

– Да девчата уже рассказали, что вы на шашлыки валите. Что практикантик тебе проставляется за спасение. Короче, девчат много, а вас всего двое, так что мы здесь покумекали и решили, что едем с вами.

– Блядь! Какого хера? Кто тебе эту х...ню сказал? Никто никому не проставляется, просто решили шашлыки замутить, ну, и Данила с собой взять. Все же он в их коллектив вписался.

– Ну, вот и ладненько. Выпивон и мясо уже в автобусе. Столик раскладной и стульчики мы тоже взяли, так что тащи все, что у тебя в багажнике в автобус.

– Нахуя?

– А ты что, бухать не собираешься? И девчата, что за рулем тоже обломиться должны? Вы же в одну твою машину не влезете. Значит, придется и девчонкам на своих ехать. А это в плане выпивки – полный облом. А так все в автобус загрузимся, а шофер потом нас развезет. В первый раз, что ли? Чего ты спрашиваешь?

- Да я не об этом. Нахуя вы-то поедете? И кто это - вы?

- Бля, Саныч! Ты что, всю малину возле себя собрать, не делаясь, решил? Не жирно вам со студентом будет? Ты чего это коллектив обламываешь?

- Да пацан просто тихий, он девчонок и меня только и знает.

- Ну, вот и познакомится со всеми. Пусть вливается, ему же, как я понимаю, еще работать с нами. Чего ты за него так переживаешь? Маленький он, что ли? Бля, Саныч, не съедим же мы его, в конце концов.

- Черт с вами. Только нам ещё за ним заезжать придется.

- Базара нет. Не вопрос, заедем.

Пришлось выгребать из багажника все содержимое и валить к автобусу. Юрьич с готовностью подхватил сборный мангал и шампура, помогая мне выгружаться. Вдвоем мы быстро все перенесли в салон автобуса, где от вида стоящего ящика со спиртным и бутылей с пивом мне стало хреново. Затебалась нешуточная пьянка.

В итоге из скромного пикника с девчонками получалось, хрен знает что.

А вернее очередная попойка с блядством. Зная своих сотоварищей, дело шашлыками вряд ли ограничится. Как пить дать, все это безобразие закончится в сауне. Как ко всему этому отнесется Данил, я даже думать боялся. Что он не обрадуется такому количеству начальственных харь, я не сомневался.

Вот только каким мне это боком вылезет...

Пить начали сразу, как только сели в автобус. Так что когда мы подъехали к дому практиканта, все уже пропустили по паре стаканчиков коньяка. Ленка только успевала всех подкалывать и заводить. Завгар уже травил не первый анекдот, мануальщик клеился к Людочке, остальные тоже время зря не теряли, подкатывая к девчатам. Пикник обещал быть веселым.

Практиканту о составе шашлычников я решил не говорить. Залезет в автобус, все сам увидит.

Открыла мне его мама. Красивая и ещё молодая женщина.

- Я вас таким и представляла! Татьяна, отчества не люблю. Так что просто Татьяна, - сходу огорошила она меня.

- Дима. И можно на "ты". - Мне понравилась её простота и её красота. Данил был похож на неё. Глазами, губами, овалом лица - копия мамы.

От благодарности Татьяны, которую она мне выражала со стоящими слезами в глазах, мне стало неудобно. Знала бы она, как я над её сынулей изгалялся и из-за кого ему пришлось все это пережить.

Практикант, вышедший следом за ней, обнял её за плечи и легонько подтолкнул к кухне.

- Мам, ну, хватит. Давай мне, чего вы там с батей наготовили, а то там девчонки ждут.

Увидев Данькин козлячий пух на бороде, меня разобрал смех.

- Дань, иди, побрейся по-быстрому, не смей девчат. Ленка тебя засмеёт, с этой твоей бородкой.

Он вспыхнул, как красный фонарик.

- Мы с отцом ему тоже об этом говорим. Как дурачок, с этими тремя волосинками, так он нас не слушает, - засмеялась Татьяна.

Данил зыркнул на неё и скрылся в ванной.

- С характером. Тихий, тихий, а потом как взбрыкнет. Проходите, Дмитрий, на кухню, я вас чаем напою, пока этот охламон бриться будет. - У нее тоже ямочки, когда улыбается.

Я даже засмотрелся. Красивая женщина. В юности, наверное, отбою от ухажеров не было.

- Спасибо, но там коллектив ждет. Я пойду, предупрежу, что Данька минут через десять выйдет. Мы его в автобусе подождем.

- В автобусе? Вы на автобусе едете?

- Ну, нас же много, в машину все маркетологи бы не влезли.

- Понятно. Дима, вы сумку сразу Данькину захватите, пожалуйста. У него еще ребра болят. Мы с отцом там собрали, по мелочи.

"По мелочи" - оказалась спортивная сумочка, килограмм так на двадцать.

- Татьян, вы чего туда напихали? Мы вообще-то все взяли уже.

- Не спорьте, Дима. Там ничего такого. Вас же много, все выпьете и съедите. Что сегодня не осилите, потом пригодится. Там мясо отец замариновал, он в этом ас. Две банки трехлитровых, так что осторожней, не разбейте. Он ведерки у нас пластмассовые не признает. По старинке, в стекле маринует. С магазинными шашлыками не сравнить, сами убедитесь. Ну, и винцо домашнее для девчат и водка корейская со змеями на жень-шене. И по мелочи: колбаска домашняя, я сама делаю. Помидорчики да огурчики. Фрукты. Разберетесь, в общем.

У меня от всех перечислений в животе заурчало. Татьяна засмеялась.

- Может, выпьете все-таки чаю?

- Нет, спасибо. Пойду. А вы поторопите Данила, пожалуйста.

В автобусе без меня не скучали. Антоныч - начальник компрессорной, прихватил с собой гитару - свою неизменную спутницу. Он специально купил её на работу к себе в кабинет, чтобы домашнюю не таскать. Играть и петь он умел и любил.

И сейчас развлекал компанию частушками, пока ещё не похабными.

- А Данька где? - удивленно взглянула на меня Леночка.

Сдаётся мне, что она равнодушна к практикантику.

- Сейчас спустится. Принимайте магарыч и шашлыки. - Я сунул сумку мануальщику, а сам остался на улице курить. Завгар выскочил из автобуса и пристроился рядом, тоже закулив.

Нужно было видеть Данькины глаза, когда, выйдя из подъезда, он увидел автобус и завгара. Юрьевич, заметив его панику, засмеялся.

- Не ссы, студент! Мы маленьких не обижаем. Прыгай в автобус, тебя только и ждем.

Студент смерил меня взглядом, обещающим все казни и пытки, какие есть. В ответ я пожал плечами и, кивнув на автобус, вздохнул:

- Не виноватый я, они сами пришли.

Девчонки Данила зачмокали и затискали, он только кряхтел и ойкал. Мужики глядели на это дело с ухмылочками.

- Ну, все, конкурент прибыл. Куда нам старым пердунам до молодых. Нас бы кто так потискал, - ворчал Борис Сергеевич, главный наш инженер, сорока пяти лет отроду, самый из нас старый, после Валерьевича. Оптовик Григорий Яковлевич только посмеивался, колыхая своим необъемным животом, а начальник фабрики мороженого Алексей - тридцатитрехлетний красавец с самодовольной рожей - перемигивался с завгаром.

- Да куда им, салагам, до нас. Так, потискать, как братика. Мы,

Сергеевич, вне конкуренции. Вон, Саня у нас чего только стоит. Мачо! А студенту до нас еще заматереть надо. Так что, мужики, не расстраивайтесь, вот приедем на озеро, посмотрим, кто кого тискать еще будет.

- Даже не надейтесь, Алексей Викторович! - возмутилась Леночка.

- Ох, Леноч, вредная ты, вот за это я тебя и люблю! - послал ей воздушный поцелуй Викторovich.

Я поймал взгляд Даньки. Он с прищуром оглядел сначала меня, затем все присутствующее начальство и выдал:

- Ну, через годика три и я мачо буду, не хуже Дмитрия Александровича, а вот он уже старым к этому времени станет.

- Ну, вот и пожалуйста, - вздохнул Борис Сергеевич, - если уж молодежь считает, что Димка старый пердун, так из меня, по их мнению, вообще песок сыплется.

- Старый конь борозды не портит, - подмигнула ему Анечка. - Вы, Борис Сергеевич, мужчина в самом соку. Жаль, женатый только.

- Опаньки! Сергеевич, я уже тебе завидую! Анечка, я не женатый! И я еще жеребец хоть куда! - метнулся к девушке шустрый завгар.

- Ага, все вы неженатые, когда налево идете. - Анечка сбросила со своего колена руку завгара.

- Не, честно, Ань. Ты разве не в курсе? Я в том месяце развелся, теперь свободен, как птица в полете.

- Да про ваши ежемесячные разводы весь холодильник уже в курсе.

Я слушал все эти шуточные перепалки вполуха. Смотрел на Даньку и думал о Маше. Я ничего ей не сказал, что задержусь, а телефон отключил. Не только я, все сидящие мужики в автобусе. Как нас только жены терпят. Юрьевич со своей разбегается после каждой такой пьянки. Она собирает детей и уходит жить к матери, а он, нагулявшись, идет потом её забирать, просит прощения и клянется, что это в последний раз. И она возвращается. Всегда.

Настроение у меня было фиговое. Я не хотел всю эту толпу. Я хотел всего одного человека - его. А он болтал с девчатами и не обращал на меня никакого внимания. Вообще.

И мне захотелось снова подкалывать его, доставать, злить, выводить из себя. Это, наверное, единственный способ, обратить на себя внимание.

***** ГЛАВА 23

Шашлыки получились на славу, как и сам пикник.

Вопреки моим ожиданиям Данил чувствовал себя в компании не зажато.

Смеялся вместе со всеми анекдотам, которые лились, как из рога изобилия - мужики наперебой травили их, кочевряжась перед девчатами.

А когда Антоныч заиграл на гитаре и запел, Данька не отрывал от него восхищённых глаз и подпевал вместе с девчонками. Пил наравне со всеми, не ломаясь и не отказываясь. Раскрасневшийся от алкоголя, он облокотился на Ленку, а она обвила его шею руками и то и дело скармливала ему кусочки мяса, он же не сводил глаз с начальника компрессорной.

Я, молча, хлестал водку и буравил практиканта взглядом. Внутри всё кипело. Обычно я тоже травлю анекдоты и вообще не скучаю в компании, но не сегодня.

Георгий Яковлевич попросил Антоныча спеть его любимый романс «Я встретил вас» – и Данька вдруг запел его вместе с гитаристом. Дуэт у них получился просто потрясающий.

Пока они пели, моё сердце как будто остановилось. Никогда ещё так красиво не звучал этот романс в исполнении Антоныча. Он сам, по-видимому, был в восторге. Как только отпустил струны, протянул руку Данилу.

– Держи пять парень. Голос у тебя охрененный. Молодёжь обычно эти песни не знает, часто поешь?

Данил пожал руку компрессорщику, улыбаясь

– У меня мама здорово поёт и дядька. Это у них семейное. Как какое застолье – так обязательно с песнями. Их отец был первым певцом и балалайщиком в деревне.

– Балалайка? Серьёзно?

Данька кивнул, всё так же улыбаясь и не сводя с Антоныча глаз.

– Ну, а ты умеешь играть? На балалайке или гитаре?

– Нет, я только петь могу, и то только поддатый. – Данил засмеялся.

– Ну, всё, парень, ты попал, теперь от наших гулянок не отвертись, – похлопал его по плечу Борис Сергеевич.

У меня уже чуть пар из ушей не валил. На языке вертелись сплошные матерные междометия.

Какого хера, спрашивается, он лупится так на Антоныча? Что, блядь, за гляделки такие. Я уже было собрался подхватить Даньку за шварник и уволочь для выяснения в кустики, под видом «пошли отольём», как услышал эти самые слова над своим ухом.

Юрьич буквально навис надо мной.

– Саныч, разговор есть, пошли отольём.

Я нехотя встал, запихал все свои эмоции подальше в задницу и пошёл за ним. Отошли мы довольно таки далеко от стоянки.

Пристроились к старой берёзе. Завгар повернул ко мне лицо и, заправив хозяйство в штаны, прокашлялся, словно речь собрался толкнуть.

– Димыч, ты палишься.

Блядь, я чуть на штанину себе не нассал, так руки дёрнулись.

– Ты о чём? В смысле – я палюсь? – Спокойно заправился и сделал морду кирпичом, словно не понял о чём речь.

– О пацане. Это ведь тот практикант, чьей задницей тебя Валерий подкалывал. И ты в натуре на него палишься, как на тёлку какую-то. Ты, блядь, запал на него, что ли? Я хренею, Димыч, у тебя же желваки от злости ходили, пока они с Антонычем пели. Мне по хрен, но если тебя ещё кто из наших спалит? Какого хрена, Саныч? Что с тобой?

Злость на Данила, на себя, на Юрьича накрыла, словно обрушившийся потолок. Перед глазами пелена, скрежет зубов так, что даже челюсть свело, кулак в ствол дерева, боль на ободранных костяшках, и голос завгара:

– Придурок! Ты что, блядь, творишь!

Смотрю на ободранную руку, кровь сочится медленно, тонкими струйками из-под застрявшей в ранках коры.

Юрьич выковыривает мусор из этих ранок, перематывает мою кисть

носовым платком.

– В автобусе у Володьки бинт должен быть и йод. Ну, ты и debil, Саныч! Блядь, что за хрень с тобой последнее время? Недоёб, что ли? Дался тебе этот практикант?

– Дай закурить, я свои на поляне оставил, – перебил я его.

Закурили. Я прислонился к дереву, ноги не держали, хотелось сесть.

– Тебе показалось, Юрьич. Всё со мной нормально. У меня на парней не стоит. Я не пидор да и он тоже.

– Ну-ну. А кулак в дерево для тренировки впечатал. Я тебе ещё раз говорю, Саныч – мне похер. Мне срать на педиков и кто кого трахает. Мне срать, кого хочешь трахать ты. Но Валерьичу и остальным, думаю, нет, так что просто не пались.

Он развернулся и пошёл к народу. А я, блядь, не мог сдвинуться с места.

*****

Данил обеспокоенно посмотрел на завгара, тот вернулся без безопасника, и как-то странно глянул на Даньку, тут же отвернувшись.

Хотелось пойти на поиски Саныча, поговорить. Данька видел, что с ним творится. Чувствовал все эти прожигающие в нем дыры взгляды, но поделаться ничего с собой не мог. Его всегда восхищали и привлекали люди, умеющие играть на музыкальных инструментах, петь или рисовать. Он был готов часами сидеть рядом, слушать, смотреть.

– А Саныч где? – спросил у Юрьича Алексей, и Данька весь обратился в слух.

– Придёт сейчас. Мы блин с ним херней там малость пострадали, он мне удар свой коронный показывал. На дереве. Блядь, все костяшки, долбоеб, сбил. Герой хренов.

– Два дебила – это сила, – засмеялся Алексей – Может ты его, того, урыл в лесочке?

– Ага, его уроешь. Он сам кого хочешь уроеет. Вон, Данькиных братцев разрисовал, морды в экран не влазили. Мамка родная, наверное, не узнала. Кстати, Дань, что тебе менты говорят, много им светит?

Данька пожал плечами. Ему совсем не хотелось вспоминать ни братьев, ни тот злополучный день.

На выручку пришла Леночка.

– Давайте не будем о плохом, главное обошлось все, и Дмитрий Александрович во время подоспел.

– Да уж, наш пострел, везде поспел. И как ему это удаётся? – хохотнул Антоныч.

Завгар полез обниматься к девушкам, вызвав этим возмущённые возгласы и отвлекая мужиков от щекотливой темы.

Борис Сергеевич предложил очередной тост за прекрасных дам, и все подняли стаканчики.

Данька проглотил содержимое стакана, не чувствуя вкуса и не отрывая взгляда от рожицы, откуда пришёл завгар.

*****

Я постоял ещё немного, побился затылком о ствол берёзы, легче не стало.

Мозг не находил ни единого выхода из этой ситуации. То, что Юрьич

меня спалил, было ударом под дых. Правильно говорил практикант – нам нельзя вместе работать. Нам вообще нельзя находиться вместе на людях.

Зачем мне вообще всё это? Он ведь срал на меня, ему по хрен все мои закидоны. Он никогда не простит, не поверит. А я всё больше вязну в этом. Жил – не тужил, нырял в Интернет, находил одноразовый перепих, и всё было путём. И, блядь, пустить все коту под хвост. Надо завязывать с этими симпатиями, до добра они не доведут. Не стоит оно того, чтобы жизнь свою похерить вот так, из-за смазливового пацана.

Дав себе слово забыть практиканта, не реагировать на него, я двинул ко всем.

Первое, на что я наткнулся, выходя на поляну из-за деревьев, это Данькин взгляд, и в нём немой вопрос: «Что случилось?»

И все мои клятвы самому себе, все наставления Юрьича стёрлись одним его взглядом. Я буквально насильничал себя, отворачиваясь от него, плюхаясь рядом с Анечкой, обнимая её за плечи и предлагая выпить на брудершафт.

Меня поддержали все наши мужики, пристраиваясь рядом с девчонками, наполняя стаканчики. Леночка просунула со смехом стаканчик с выпивкой под руку Данилу.

Он как-то придурковато улыбался, и то и дело поглядывал на меня. Я первым опрокинул свой стакан и, не дождавшись, когда допьёт Аня, присосался к её губам.

Когда я отстранился от девушки, она уронила свою голову ко мне на плечо. Её развезло и, по-видимому, от поцелуя закружилась голова. Юрьич целовал Людмилу, Алексей – Наташу, медсестру, которая тоже поехала с нами. Остальные, смеясь, просто чмокнулись в губки и сразу отстранились.

Лена же целовала Данила всерьёз. Не он её, а наоборот. Он закрыл глаза, и был красным, как кумач. Одна рука мяла пустой стаканчик за спиной Акулки, вторая – вцепилась в пожелтевшую траву.

Ленка со смехом его оттолкнула:

– Данька, да ты целоваться совсем не умеешь! Салага. Девчат, надо заняться его воспитанием.

– Да он же в тот раз в засосах весь был, забыла, что ли? – откликнулась Людмила.

– Да засосы я ему хоть сейчас наляпаю, а целоваться-то он все равно не умеет, – ехидничала Леночка.

– Ну, практикант, ты даёшь! Мы в твои годы уже детей делали, а ты, блин, девку засосать не можешь, – подначивал Алексей.

Данька глянул на меня, я отвернулся и тут же услышал смех и свист.

Данил прижал Лену к себе обеими руками, и, закрыв глаза, впился в её губы. Все начали считать, как на свадьбе. Целовались они долго. Когда Данька, наконец, отстранился от партнёрши, она выдохнула:

– Охренеть! Беру свои слова обратно!

Стало темнеть, похолодало, даже костёр уже не согревал.

– Ну, что, в сауну? – повернулся ко мне завгар. – Саньч, ты руку-то обработай сходи.

– Я её водочкой полил, нормально, – открестился я от него.

– Я в сауну не поеду, меня Машка потеряла уже. Забросите меня домой.

– Так ты её с собой бери. Давай заедем за ней. Мы же не в нашу поедом, на хрен палиться без генерала.

– Ну, блядь, кто в Тулу со своим самоваром ездит. Выдумал тоже. Не, я до хаты. Данил, ты как – домой или дальше гулять поедешь?

– Не знаю. Наверное, поеду. Сто лет в сауне не был.

«Заебись. Катись, парься!» – мне ещё раз захотелось впечатать свой кулак, только уже не в дерево.

Юрьевич смотрел на меня в упор, словно предупреждая. Я перевёл взгляд с него на Даньку, а потом снова на завгара.

– Хрен с вами, уговорили. Поехали.

– За Машей заезжать будем?

– Чтобы она видела все это блядство и пилила меня потом?

– Как хочешь. Только про разговор наш не забудь.

– Что за разговор? Что за секреты от компашки? – встрял Леха.

– Любопытной Варваре.... Хер оторвали, – смеясь похлопал его по плечу Юрьич.

– Откуда у Варвары хер? Извращенец ты, Юрьич.

Из девчат в сауну поехали только Лена и Наталья. Из мужиков – я, завгар, Алексей, Данил и Антоныч. Остальных развезли по домам.

Глава 24

Девчонки, закутанные в простыни, смаковали вино, что мать Данила нам сунула.

А мы стебались над Лехой, который выловил из двухлитровой бутылки корейской водки закуску, то бишь двух змеек и расплюснутую ящерку, и пытался нарезку из них сделать.

Ленка выхватила хвостик змеи и засунула его в рот

– Блин, не жуётся. Сосётся. На рыбу похоже. – Она подхватила целую змейку, которую Леха ещё не успел порезать и сунула в руку Данилу.

– На пососи.

– Да не хочу я сосать. Я дома насосался.

Наталья и мужики ржали до слёз, я тоже не сдержался. В сауне у меня настроение поднялось.

– Дома он насосался. У вас там что, фабрика по производству корейской водки? – не отставала от Даньки Ленка.

– Дядька у меня дальнобойщик, он туда часто гоняет. За водкой этой и всякой ихней хренью.

Отсмеявшись, Юрьич предложил:

– Пошлите париться, пока совсем не развезло.

Холодная вода бассейна немного отрезвила всю нашу компанию, в парилку мы пока ещё не ходили.

Девчонки и Данил, действительно были хороши. Наталья была самой пьяной. Зря они коньяк и вино перемешали. Я пил только водку, даже от пива отказался.

Антоньч наоборот водку больше не пил, приседал на пиво. Юрьич с Лехой ершили.

Я исподтишка рассматривал Даньку. У него была вполне спортивная фигура – без кубиков пресса, но ладная.

Наталья с Леной париться отказались. Данька и Антоньч высидели буквально пять минут.

Леха тоже долго не задержался, он всерьёз прихлестнул за медичкой, поэтому ему с нами не сиделось, побежал охмурять свою пассивку.

Юрьич разлёгся на освободившейся полке, я сидел на противоположной.

С потом выходило опьянение. Голова была тяжёлой, а тело напротив – расслабленной, клонило в сон. Мыслей никаких, даже о Даньке думать не хотелось.

– Кайф. – Завгар потянулся.

Я глянул на него, и в башке повернулась странная мыслишка: «А не нашего ли он поля ягода. Не бисексуал ли он? Мало того, что вычислил меня, ещё ведь и предупредил, и не сказал никому».

– Юрьич, а почему тебе похер на педиков?

Он повернул ко мне голову и приоткрыл один глаз. Потом сел, и не глядя на меня заговорил:

– Я никогда никому этого не рассказывал, даже брату. Помнишь, у меня племяш три года назад повесился?

Я помнил. Молодой совсем пацан, чуть старше Даньки. Валерьич тогда очень помог завгару и родителям парня с похоронами. Автобусы, памятник, столовую – все предоставил. Мы все знали, как Юрьич любил племяша. У них разница была не такой уж и большой, и парень к нему тянулся больше, чем к отцу.

– Все считают, что он из-за Ольги это сделал. Они, тогда как раз свадьбу отменили, и все решили, что она его бросила. А она молчала, как партизанка. Она и я.

Я начал догадываться, в чем дело, но Юрьича перебивать не стал.

– До сих пор простить себя не могу. Вечером, перед смертью, Арсенька ко мне приходил, они тогда уже с Ольгой порвали. Мы выпили, хорошо так поддали, и он мне рассказал, почему не женился. Друга своего любил, который на свадьбе свидетелем должен был быть. С четырнадцати лет. Как он мне сказал тогда: «До смерти люблю его». Я от его признания просто в ступор вошел сначала, а потом взбесился. Орал, матерился, даже по башке его пару раз двинул. Оплеухи такие неслабые. А у него истерика,

слёзы. Я, говорит, думал, хоть ты меня поймёшь, поддержишь, пережить поможешь. Примешь таким, какой есть. У меня совсем тогда крышу снесло, вытолкал я его в подъезд, сказал, что пидор мне в родне не нужен, и мы с его батей мозги ему вместе вправлять будем. А утром брат его в ванной нашёл. Верёвку бельевую к батарее привязал, а сам на корточки.

До сих пор перед глазами стоит, в подъезде, зарёванный. Ольга тогда на похоронах на друга его смотрела так, что я думал – испепелит его. Знала, значит. Если бы я тогда поддержал его, помог, понял, он бы живой сейчас был. Никогда себе этого не прощу. Я тогда просто поверить не мог, что такое может быть. Что мужик мужика может так любить, до смерти. Потом как то про Македонского прочитал, как он трое суток от тела Гефестиона не отходил, как с ума сходил. Македонский с детства кумир мой, а вот что педиком был – я и не знал. А сегодня увидел, как ты на Данила смотришь, и понял всё. – Он посмотрел на меня так пристально, что я поёжился.

Слов не было после его рассказа. Так погано на душе, не описать.

– Ты мне только вот что скажи, ты же не педик, баб всю жизнь в сауне трахал наравне с нами, Машку вон какую себе отхватил, с чего вдруг? С чего тебя переклинило?

– Скрывался хорошо. Маскировка. – Сам не знаю, зачем я ему это сказал. Словно душу он мне своим рассказом вынул, и сил отпираться не осталось.

– Я не скажу никому, только ты сам не пались. Маскируйся лучше и дальше. – Он соскочил с полка и подошёл ко мне, посмотрел прямо в глаза. – Он знает?

– Знает.

– И?

Мне хотелось выплеснуть все завгару, не знаю почему: из-за того, что был пьян или из-за того, что устал все держать в себе, но я во время прикусил язык. Даньку я подставлять не имею права.

– Послал меня. Он не из этих. Как тот друг, у твоего племяша.

– У тебя это серьёзно? До смерти?

– Не пори ерунду. Ну понравился пацанчик, фигня. Пройдёт.

– Точно?

– Точно, точно. Не бойсь, вешаться не буду.

– Дим, про Арсеньку, никому, ладно?

Я, молча, сжал его плечо.

– Пошли, угорим сейчас. Да потеряли нас уже, наверное.

Народ без нас время не терял. Натку рвало в туалете, Ленок улеглась на диванчике и прикорнула. Антоныч с Лехой пытались играть в бильярд. Данька сидел с закрытыми глазами, совсем пацана разморило.

– Юрьич, вызовешь дежурку, развезёте девчат по домам?

– А ты?

– Я на тачке, и Даньку домой завезу, сдам родителям на руки эту пьянь.

Завгар засмеялся, и, наклонившись, шепнул мне в ухо:

– Смотри, довези до родаков-то, а то увезёшь куда-нибудь.

– Пошёл ты, – отпихнул я его, смеясь. На душе почему-то было легко.

* * *

Когда я попытался запихнуть полусонного практиканта в такси, он решил очухаться.

– Ты меня куда везёшь?

– Домой, родителям сдавать, куда же ещё?

– Не, не, не. Они меня убьют, за то, что я пьяный. Не хочу домой.

– А куда деваться, надо, деточка, надо.

– А поехали к тебе? – Он вдруг повис у меня на плече.

Я, блин, офигел от его пьяного предложения.

– У меня вообще-то жена дома.

– Ну, тогда в гостиницу.

– Совсем спятил? Ты что несёшь? Завтра же жалеть будешь.

Он помотал головой и выдохнул перегаром мне в ухо:

– Поехали, трахнемся. Я уже месяц почти не трахался.

Блядь, я чуть в осадок не выпал, но отказаться от такого предложения было выше моих сил.

– Хорошо, поехали. Сейчас квартиру сниму.

– Ты моим позвони, а? Скажи, что мы ещё гуляем у девчонок.

Вот сучонок, соображает, значит, не совсем до кондиции дошёл, знает, что творит.

- Шеф, ещё пять минут. - Я заглянул к таксисту и отошёл в сторонку позвонить.

Включил телефон, ожидая кучу пропущенных вызовов от Маши.

Но вызов был только один, и смс тоже: «Машину твою видела на стоянке у Хладика. Вахтёрша сказала, что всё начальство уехало, и ты в том числе. Думаю, ты в порядке и не скучаешь. Хорошо повеселиться. Я тоже дома сидеть не собираюсь, так что, если придёшь ночевать, а меня нет - извини, сам виноват».

«Конечно сам. Бедная моя Машка, мотаю ей нервы. Урод».

Первым делом предупредил родителей Данила, что ночевать он не придет. Потом позвонил знакомому риэлтору и договорился на счёт съёмной квартиры на сутки. Нужно было заехать за ключами - и всё, моя мечта сбудется. Только вот как к этому отнестись, я не знал. Трахнуть Даньку хотелось, аж яйца скручивало, но я боялся его реакции на утро. Хрен с ним, будь что будет. Сел в тачку. Данька уже уснул на заднем сиденье.

- Шеф, сначала заедем на Клинскую, я заберу кое-что, а потом уже домой.

***** Глава 25

Растолкав Данила и вытащив из такси, чуть ли не на себе затащил его в квартиру. Удовольствие трахать невменяемого парня, было сомнительным.

Я прекрасно представлял, что будет, когда он протрезвеет.

Квартирка однокомнатная, но большая. Музыкальный центр, телевизор с дивидишником и набором порнухи, естественно не гомосексуальной. Рядом с дисками на полочке - вазочка с презервативами. Сервиз, блин... Двухспальный траходром и шкаф с бельем, в который вмонтировано большое зеркало, отражающее кровать.

- Раздевайся, - скомандовал я осоловелому Даньке.

Он, глядя на меня пьяными глазищами, плюхнулся на кровать и, задрав ноги, начал стаскивать с себя штаны. Штанины через кроссовки пролазить не хотели, и он матерился и бухтел. Уморительное зрелище. Не выдержав, стащил с него обувь и джинсы, вытряхнул из остальной упаковки.

Он, дебильно улыбаясь, разлегся на кровати, засунув руку в трусы, которые я не стал снимать. Лангет ему то ли в больнице еще сняли, то ли он сам его убрал, так что рука в трусах наминала хозяйство исправно.

«Блядь, нет, так дело не пойдет. Совратитель хренов. Надо его в

душ холодный, пусть очухается немного, иначе наворотим дел, потом только хуже будет» – я быстро разделся и стащил практиканта с кровати, за что он меня обложил не по-детски.

В душевой он орал, как потерпевший, когда я впахнул его в кабинку и включил холодную воду. Сам заходить не стал, от греха подальше, хоть и очень хотелось.

Сначала сунул полотенце стучащему зубами Даньке, а потом занял его место в душе и, если честно, чуть сам не заорал. Пока я возился с этим алкашом, растревожил содранную руку. Она опухла и доставала ноющей, дергающей болью. Нашел в ванной аптечку и перебинтовал конечность потуже. А вот бантик завязать самостоятельно никак не получалось, так что решил проверить трезвость практиканта.

Вышел из ванной и застал такую картину.

Голый Данил, на расстеленной постели, сидящий по-казахски, с вазой презиков в руках. Готов голубчик. На хрен все сомнения и угрызения не очень чистой совести. Сунул ему под нос руку:

– Завяжи.

Завязал. Узлом, без бантиков. И смотрит выжидающе. Я тоже смотрю и тоже жду. Не хочу быть инициатором, пусть сам, раз такой смелый.

– Так и будешь стоять? Может, трахнемся уже?

Черт, всё, я не железный. Валюсь на него, подминаю под себя. Шарю руками по телу, сжимаю, мну, целую. Терпения долго возиться нет. Он сам переворачивается на живот. Хватаю первый попавшийся презерватив из опрокинутой на пол вазы. Жарко, пот льет ручьем. Колени трясутся от напряжения, трахаемся остервенело, так что шлепки тела об тело рвут тишину. Шлепки и наше дыхание. Хриплое, судорожное, частое и надрывное. Кончить не можем долго оба. Алкоголь не на пользу. Он выворачивается из-под меня и ложится на спину. Устал. Мне тоже так легче. Накатывает, вот-вот. Блядь, рвёт на части, а разрядки все нет. Его сжимает внутри, и я понимаю – сейчас. Я тоже готов. Он больно стискивает мои плечи и стонет надрывно, впечатывая рывком меня в себя.

– Влаааад.....

Меня почему-то тошнит. И ком в горле. Злости нет – горечь. Я кончил под «Влада», и от этого на душе ещё мерзостней. Он сразу вырубился. Уснул, как только я отвалился. Хочется уйти. Убежать. Рука ноет так, что вгрызаюсь в подушку. Но эта боль так кстати, она мне нужна.

*****Глава 26

Горло драло невероятным сушняком. Во рту горечь, голова трещит.

Данил лежал с закрытыми глазами и медленно вспоминал, почему у него такое состояние. Память потихоньку возвращалась.

События пикника вставляли обрывками в еще не до конца проснувшемся мозге.

- Блин, нафиг я все перемешал? - Стон получился вслух.
Глаза все же пришлось открыть.

В полумраке зашторенной комнаты озадаченный Данька пытался понять, в чьей он постели и почему голый, с засохшей неприятно тянущей кожу спермой на животе.

- Блядь! - Память взорвалась картинкой пытящего над ним безопасника. - Писец подкрался незаметно...

Данил со стоном встал и направился искать туалет с ванной. А заодно убедиться, что он в квартире один. Тишина и отсутствие в комнате Саныча настроили его на эту мысль.

- Зашибись. Урод, трахнул и смылся, - бурчал он себе под нос, открывая дверь в совмещенную с туалетом ванную.

Представшая взгляду картинка заставила непроизвольно ойкнуть. Дмитрий Александрович, облокотившись на душевую кабинку спиной, поджав к себе ноги, баюкал перебинтованную руку и тихонько поскуливал. Подняв на Данила красные от недосыпа глаза, он как-то виновато вздохнул:

- Не могу больше. Всегда плохо переносил боль. Рвет, сил уже просто нет.

Ошарашенный Данька отказывался верить своим глазам.

Он никогда бы не подумал, что этот здоровый, сильный, властный мужик может скулить на полу от боли. Этот факт неприятно резанул по внутренностям, окатив волной разочарования.

И он мысленно одернул себя: «А что ты хотел? Он что, из железа, что ли, сделан? Тебе, значит, больно бывает, а ему нет?»

- Придурок. Нехрен об елки кулаки чесать.

- Об березы, - попытался улыбнуться Саныч.

- Какая хрен разница. Вставай давай, я в туалет хочу. Кстати, батя у меня всегда после драк мочу к кулакам прикладывал. Правда, детскую, мою. Ну, когда я еще маленьким был. Сейчас-то он, слава богу, кулаки не чешет ни об кого. А раньше частенько с дядькой с шишками, синяками и ссадинами ходили. Не успевал ссать для них.

Безопасник рассмеялся.

- Думаю, что если я приложу к руке суррогат из водки, коньяка и пива, будет то же самое, что твою сегодняшнюю мочу. Так что спасибо, не надо.

- Ну, как хочешь. Моё дело предложить.

Дождавшись, когда за Санычем закроется дверь, Данил встал под душ.

В голове была полная каша. Осознание того, что они трахнулись, никак не хотело стать реальностью. Это было как сон. Он не мог поверить, что сам пошел на этот трах. Но вспоминая события вчерашнего вечера по обрывкам, всплывавшим фразам, мог винить в этом только себя.

Самое обидное, что он почти не помнил сам процесс и даже не знал, хорошо ли это было. Заламывать руки и вести себя, как обесчещенная целка, он не собирался. Мужик захотел, мужик сделал. Ну, трахнулись по пьяне. Не с натуралом же, в конце концов. Рыльца у обоих в пушку, так что распространяться на эту тему Саныч не станет.

Вот если бы он в пьяном угаре трахнулся с Антонычем...

Данька даже головой потряс, избавляясь от образа поющего начальника компрессорной.

- Дожился. Совсем оголодал. Скоро на всех подряд кидаться начну. Не хватало ещё спалиться. - Бурчать входило в привычку.

После душа стало намного легче. Одежду Данька с собой не брал, полотенце тоже. Выключив душ, он немного постоял, дожидаясь, когда вода с него хоть маленько обтечет, и вышел.

***

За ночь руку разбарабанило. На месте ссадин образовалась корочка, а под ней гной. Корочку я содрал, но гной не выходил, и кисть уже дергало пульсирующей болью беспрестанно.

Я, то снимал бинт, то опять его наматывал, в попытках унять эту рвущую пульсацию. Под утро не выдержал, ушел в ванную, чтобы не разбудить Данила.

Когда он наткнулся на меня, сидящего на полу и ноющего, как последняя баба, я готов был провалиться сквозь землю.

Я, блядь, здоровый мужик, не мог терпеть какие-то болячки. Стыдоба.

Но так оно и было. Никогда не боялся и не реагировал на чужую боль и кровь.

А вот на свою... Помню, для меня самого было огромным шоком, когда будучи еще студентом, я вместе с другими ребятами пошел сдавать кровь, как донор. И хлопнулся в обморок при виде наполняющейся емкости.

В драках я просто не замечал свою кровушку. Там своя, чужая - без разницы. А тут... Когда не в горячке...

После этого позорного случая я стал себя тренировать.

Специально резал над раковиной палец или руку и смотрел.

С болью так же. Зубную боль, стреляющее ухо - не переносил совсем. Мчался в больницу сразу же.

А вот выдернуть тот же зуб, порезаться, получать удары по морде - терпел. Больно, но как будто, так и надо.

Так и сейчас, я с нетерпением ждал, когда практикант уже наплескается и выйдет. Вроде свалить втихую некрасиво.

Квартиру я снял на сутки, до вечера времени еще много. Пусть отлеживается, если хочет. А я двину в травму.

Вчерашнее его «Влад» засело в мозгу и то и дело всплывало, добавляя к физической боли гнетущее, мерзопакостное чувство.

Даже когда я увидел его в дверях ванной голым, ничего не шевельнулось.

Ночь оставила не приятные воспоминания, а горечь и неудовлетворенность.

– Где здесь полотенца? – Вошедший Данька, не тушуясь, оглядел комнату и поднял искомое с пола.

– Дань, ты, если хочешь, оставайся здесь, я в больницу съезжу и приеду. Ключи до двенадцати вечера отдать надо.

– Ну, и как оно? Понравилось? – уже одеваясь, перебил он меня.

В груди больно кольнуло. Что-то размяк я совсем. Тряпкой становлюсь прямо на глазах.

– Ну, думаю, что Владу бы понравилось больше. Когда кончают с твоим именем, это, наверное, заводит.

– Что? В смысле?

– В прямом. Влааад... – передразнил я вчерашний его стон. – Да ладно, проехали. Ну, так что, дождешься меня или домой поедешь?

Данька присел на кровать и посмотрел мне в глаза.

– Ты обиделся?

– За что? Ты же не виноват, что любишь этого уроды. А на счет траха... Нормально было. Обломался, конечно, под конец, когда ты владкал. Переживу.

– Дим, прости. Я не помню ни хрена. И я его не люблю, просто у меня последнее время секс только с ним был. Ну, и отношения, если это можно так назвать.

– А что со мной? Что вчера было? Трах по пьяни?

Он долго смотрел на меня и, когда я уже хотел встать, так и не дождавшись ответа, ткнулся головой мне в плечо.

– Хочешь, попробуем, как ты просил?

– Что просил?

– Ну, повстречаемся... Попробуем.

Вся моя стена из двух оставшихся кирпичиков – гордости и злости, рухнула.

– Ну, что ж, дам тебе еще один шанс. Попробуем.

Глава 27

Данил сидел в коридоре больницы, дожидаясь Саныча из кабинета хирурга. До этого два часа они просидели в очереди к травматологу. Сидели молча, и непонятно было, зачем он вообще поперся в больницу вместе с безопасником. Наконец тому сделали рентген и отправили к хирургу. И вот уже полчаса Данька прислушивался к звукам, доносящимся из кабинета, но толком ничего не слышал.

Он за это время успел поговорить с матерью, восстановить в памяти вчерашний вечер, поматерить себя за дурость и алкоголизм, и теперь мучился сомнениями на счет вырвавшегося предложения встречаться с Дмитрием.

Не то чтобы безопасник ему совсем не нравился, скорее наоборот, он чувствовал к нему всё большую симпатию, а это его пугало.

Он вспоминал все подколы и издёвки Саныча и начинал злиться, но тут же напоминал себе, что тот его спас, да и потом вёл себя с ним, как нормальный человек. И даже помог справиться со страхами и подавленностью после всего случившегося.

Опять же, заводить ещё одни отношения после Влада не хотелось. Ему хватило унижения и разочарования, что он испытал в последнее время.

На душе до сих пор всё скручивало от боли, когда он вспоминал их последний разговор. Не говоря о том, что ему так нужна была поддержка от близкого, как он считал, человека.

А в итоге получил он эту поддержку от того, от кого меньше всего её ждал.

Прокручивая все последние события, он решил, что обязан был дать безопаснику шанс, хотя бы в благодарность за спасение.

Было ощущение борьбы самого с собой. Его разрывали противоречия по отношению к Санычу. Он боялся привязаться, боялся, что, если они начнут встречаться, их вычислят, все же это не то, что ездить в деревню, где его никто не знает. Боялся, что безопасник просто экспериментирует, ему до сих пор не верилось, что у того это всерьёз.

Но ему очень хотелось ласки и тепла, особенно в последнее время. Хотелось с кем-то разговаривать, не таясь, не боясь себя выдать.

Особо близких друзей у него не было. Был школьный друг Пашка, который единственный подозревал о его ориентации. Данил ему не говорил, а он не спрашивал, но Данька был уверен, что Пашка знает о нём.

Павел никогда не звал его по девчонкам, никогда не делился победами над ними и впечатлениями от секса, хоть Данил и знал всех его пассий. Не расспрашивал, почему Данька ни с кем не встречается. А если кто-то затевал тему о педиках при них, резко обрывал.

После одиннадцатого он уехал учиться в другой город. Они созванивались, общались через «одноклассников». Данька видел фото девушки, с которой стал встречаться его друг. И, судя по фоткам и комментам, он любил Оксану.

А Пашка так и не спрашивал друга: «А ты, мол, как, встречаешься с кем?»

Переписывались и говорили об учебе, знакомых, книгах, фильмах – обо всем, кроме личной Данькиной жизни.

С ребятами из группы он общался в универе и при общих гулянках, близких отношений ни с кем не завёл. Дружил со всеми и по отдельности с каждым.

Но впускать в свой мир – никого не впускал. В итоге, когда лежал в больнице, ему позвонил каждый из ребят и девчонок, но ни один не пришёл навестить.

Все это крутилось в его голове, пока не открылась дверь кабинета, и из нее не вышел Саныч. Бледный, с кругами под глазами и перебинтованной рукой на болтающейся на шее повязке.

– Ну что? – поднялся к нему Данил.

– Порезали немного, дренаж вставили. Трещина ещё, зараза, в кости.

– Сила есть – ума не надо. Ты на больничном теперь?

– Ну, да. Рука-то правая, бумажки подписывать неудобно, – улыбнулся Саныч.

– Теперь мы два калеки.

– А ты, кстати, нафига лангет снял? Или тебе его в больнице уже сняли?

– Сам. Да чешется под ним всё. Рука уже не болит почти. Через несколько дней выпишут в универ.

– В смысле? Ты же на практике?

– Закончилась практика, вообще то. Все. Учеба началась, сессия зимняя скоро. Теперь только после неё снова на Хладик, преддипломная практика будет.

– Ясно. Ну, что, куда сейчас? – Они вышли на крыльцо больницы, и Саныч повернулся к тормознувшему Даньке всем корпусом. – Может, на квартиру вернемся? До двенадцати ещё время полно.

– Нет. Давай в другой раз. Меня дома уже потеряли, да и тебя тоже.

– Сейчас тогда тачку вызову, ключи завезем, потом тебя подбросим до дома. Я вечером позвоню.

- Хорошо. Только попозже, чтобы мои уже спали. А то у них уши, как локаторы. Особенно у мамки.

***

Пока отвозил ключи и Данила, отошёл «Ледокаин», и рука снова начала ныть.

К себе поднимался с тяжелым сердцем. Машке в глаза было стыдно смотреть. То, что Данька согласился встречаться, до меня пока не доходило. Наверное, я сильно устал и измучился, поэтому эмоции не шкалили. Испытывал только боль от руки и вину перед Машкой. И чувство вины увеличивалось с каждой ступенькой. Зачем, спрашивается, я с ней помирился? Нервы человеку трепать? Сдавать я, наверное, стал. Старею. Привык, что она ждёт, привык к уюту и теплу. Обывателем становлюсь. Обывателем, трахающим парней.

То, что никуда она не ходила, я понял сразу. Зарёванная, с красными глазами, она калачиком свернулась на диване.

Рядом, на журнальном столике таблетки от головы, вскрытая пачка «Смекты» и пустой стакан с осадком порошка.

Сердце сжалось. У нее наверное из-за меня на нервной почве гастрит разовьется.

Я присел рядом, обнял. Она прижалась и всхлипнула.

- Где ты был и что с рукой?

- Травмировал вчера. Мы с мужиками за город ездили, а потом я руку повредил и всю ночь в травме просидел. Прости.

- А позвонить нельзя было?

- Телефон разрядился.

- У тебя все номера на симке есть, вставил бы в чей-нибудь.

- Солнц, ну, не до этого было. Потом всё расскажу, ладно? Устал, сил нет. И рука болит, не могу. Давай покушаем да поспим чуток. Ты на работу не ходила? Я-то на больничном, а ты у меня прогульщица? - Я поцеловал Маняшку в заплаканные глаза.

Она шмыгнула и вздохнула:

- Отпросилась. Меня полощет с утра. Вроде не ела ничего вчера такого.

А сегодня, что ни поем - все на унитаз.

- Перенервничала, наверное.

- Наверное. Только это ещё вчера началось. С утра тошнило, а сегодня вот рвёт.

- Тебе на узи сходить надо, а ещё лучше полное обследование желудка сделать. Так и язву заработать недолго. Ты же ешь, как кот наплакал, и через раз. Заколебала со своими диетами, желудок гроишь.

- Да у меня не болит ничего. Тошнит только. Пойдем, кормить тебя буду, инвалид. Что хоть с рукой сделал? Подрался, что ли?

- Приёмы Юрьичу на дереве показывал. Костяшки содрал и трещину заработал.

- Нажрался, что ли?

- Ну, конечно. Упились.

- Обязательно нужно было ехать? И почему ты меня не предупредил?

Я почувствовал, что начинаю раздражаться. Ненавижу оправдываться. Я и так к ней, чуть ли не на цырлах подкатил, какого хера ещё-то надо.

- Маш, давай ты меня пилить не будешь. И так хреново. Прощения я у тебя попросил. Ты знала, что мы иногда с мужиками собираемся, мы уже с тобой эту тему обсуждали. Этот раз не было ни сауны, ни телок, так в чём проблема? Мы просто выехали на природу, чисто мужской компанией и нажрались. Я тебе не запрещаю с подругами висеть. Сам даже путёвки покупаю, так что, какие претензии?

- Иди, кушай, и давай отдохнем. - Машка отвела глаза и прощмыгнула на кухню.

Уснуть так и не получилось. Глаза вроде слипаются, а спать не могу.

Эта долбаная боль задрочила. Манька сходила в аптеку за «Кетаролом» и себе за «Смектой». Отпустило руку уже около одиннадцати. Я изо всех сил старался не уснуть, чтобы позже выйти покурить на улицу и позвонить Данилу.

Хотел подкатить к подруге дней суровых и заняться сексом, но она пожаловалась, что её всё ещё тошнит, и болит голова. Выпила «Смекту» с «Анальгином» и, отвернувшись, уснула.

Дотерпев до полпервого, вылез из постели, оделся и вышел в подъезд. Набрал Данькин номер и услышал:

- Жалуйся.

- Жалуюсь. Соскучился.

- Как рука?

- Нормально. Уже не так болит. Повязка, правда, гноем всё равно пропитывается ещё.

- Ну, это же хорошо. Значит, он там не застаивается, а выходит.

Завтра на перевязку?

- Пойдешь со мной?

- За ручку тебя, что ли, поддержать? Сам маленький?

- В кафе потом сходим или в ресторан. Ты же хотел Фуа-гру с трюфелями.

- О! Это свидание?

- Ну, что-то вроде того.

- Где встретимся?

- У твоего дома. Я позвоню, выйдешь. Мне к двенадцати на приём.

- Ок. Спокойной ночи.

- А поцеловать?

- Обойдётся. - Данька засмеялся и отключился.

***

Данил вырубился сразу после звонка безопасника.

Из сна его вырвал звонивший рядом телефон и крик отца у двери:

- Даня, нам на работу вообще-то. Скажи своим друзьям, чтобы не звонили по ночам.

Не глядя, он схватил трубку и, нажав на "приём", хриплым спросонья голосом рыкнул:

- Слушаю!

В трубке молчали. Он глянул на дисплей - Саныч.

- Дим, ты там совсем от боли долбанулся? Время три часа ночи. У меня родичи кипятуют.

Ответа он не дождался, безопасник отключился.

- Вот придурок. Блин, так уснул хорошо. - Данька выключил телефон и снова уткнулся в подушку.

Утром меня разбудил будильник, который я не заводил. Время девять, Машка уже смылась. Значит, заведенный будильник – дело её ручонки.

Ну, раз уже встал, то надо съездить на работу до перевязки. Все равно нужно отметить перед замом генерала да и бумажки кое-какие подписать. Ручка не молоток, из руки не вывалится.

Можно было, конечно, вообще не брать больничный, но на хрена я буду упускать такую возможность? Я инвалид, Данька инвалид, оба тунеядца, а Машка на работе. Хата свободна... Хотя, наверное, скоро и Машка инвалидом окажется, желудок-то проверить ей надо, а это значит, что она тоже на больничный усядется. С хатой тогда полный облом.

Повязка за ночь пропиталась гноем и сукровицей, намотал сверху бинт, чтобы людей не пугать.

Рука болела намного меньше, и я чувствовал, что опухоль спала, а значит, можно взять ключи от машины и сесть за руль. Не люблю я пешком ходить и в маршрутках трястись. До работы доехал на такси.

Не успел дойти до кабинета, как меня перехватил Юрьич и поволок назад на улицу за ворота. Все молчком. Я не сопротивлялся, хоть и знал, что тащит он меня, чтобы про нас с Данькой полюбопытствовать. Оказалось, не угадал.

– Этот урод Батько заебал! Пидор ебаный! Извини. Ну, ты понял в каком смысле пидор.

Юрьич нервно закурил, отпустив, наконец, мой локоть. Таким злым я его не видел давно. Что, интересно, сделал ему и.о. генерала?

– Блядь, он меня объяснительную писать заставил, урод гребаный. И выговор влепил. Мне, конечно, похуй на эти бумажки, но, блядь, сука, чего ему, гандону, неймется?

– По поводу? На что объясняловка?

– За служебное превышение полномочий. За то, что автобус и дежурку вместе с персоналом в личных целях позавчера использовал.

– Мы же там все были, и он прекрасно это знал. Его что, жаба давит, что его не позвали? И почему одному тебе предъявы?

– Элементарно Ватсон. Вообще-то я завгар, если ты еще помнишь. И шофера мои распоряжения выполняют. А вы как бы в нерабочее время свои полномочия не использовали. Хотя ты тоже встрял. Пропуск-то ты разрешил на машины.

– Да пошел он. Ну, напишу объясняловку, получу выговор, мне глубоко фиалетово, пусть хоть премии лишает. Сука, ну, чего он такой нудный-то? Может, не ебется ни с кем? Пожизненный недотрах?

– Ага, он нас трахает во все щели. Наши на него попытались

наехать, мол, мужик ты или кто? Валерьяч завсегда с народом, и на встречу шел. Он так ехидненько на всех посмотрел и попросил освободить кабинет, не мешать ему работать и заняться тем же самым самым. Иначе выговора схлопочут все.

- Пока Валерьевич не приедет, хер с больничного выйду.

- Да, на счет больничного. Если этот козел спросит, что у тебя с рукой, не вздумай сказать, что ты ее в тот день повредил, а то он твой больничный пошлет куда подальше.

- С хуяли загуляли? Я, вообще-то, в нерабочее время могу делать что хочу, и травмы получать тоже. А.О. у меня не стоит, а когда, где и как я повредил руку, не его дело.

- Ладно, пошли. Ты бы видел вчера наших девчонок, - хохотнул Юрьич. - На них, бедолаг, смотреть жалко было. Особенно на Наталью и Ленку. А как там молодняк? Сдал родителям?

- Сдал, сдал. Нормально. - Я быстро добежал до своего кабинета, давая понять завгару, что разговор о практиканте я вести не хочу.

- Ну, давай. Ни пуха, ни пера тебе с Батько. - Он хлопнул меня по плечу и свалил на территорию фабрики к гаражу.

Я подписал документы и отнес их секретарю. Подписал то, что скопилось у нее за два дня для меня. Сходил на проходную, проверил, все ли в порядке, заглянул к девчатам на чай и собирался уже свалить, но не успел. Макаровна сняла трубку звонившего телефона.

- Да, он у нас. Хорошо, сейчас передам.

Она обернулась ко мне:

- Дмитрий Александрович, Таня, секретарь, просила зайти к Леониду Анатольевичу.

Батько кивнул мне на лист бумаги и ручку, лежавшую на столе.

- Прошу, Дмитрий Александрович. Надеюсь, вы объясните, по какой причине разрешили пропуск транспорта без путевок за территорию фабрики.

- Я, Леонид Анатольевич, нахожусь на больничном в данный момент, и писать что-либо отказываюсь. Выйду на работу, напишу.

- В данный момент, Дмитрий Александрович, вы находитесь в моём кабинете, а не у себя дома или в больнице. Так что соизвольте написать объяснительную.

- У меня, если вы не заметили, рука недееспособна писульки катать, так что придется вам подождать, пока меня не подлатают. И, кстати,

кабинет, вообще-то, не ваш, а Сергея Валерьевича. Вы в нем явление временное, и скоро в свой кабинет отправитесь. Рад был вас повидать, но, увы, спешу, так что откланиваюсь.

Самообладанию Батько можно было позавидовать. Он и глазом не повел на мое не завуалированное оскорбление, и только когда я уже открывал дверь, чтобы выйти, услышал:

- Была бы моя воля, ни один бы из вас и дня у меня не работал.

- Ну, слава Богу, не вы у руля стоите, и не вам разруливать, кому работать не на вашем предприятии. Хорошего вам дня, Леонид Анатольевич. - Я, не оборачиваясь, вышел за дверь.

Осадок на душе был препротивный. И только то, что я сейчас увижусь с практикантом, не давало испортиться настроению. Он спустился через пять минут после моего звонка. Значит, ждал. Было приятно это осознавать.

- Ты на машине? Я думал, одной рукой неудобно водить.

- А я не одной, я двумя. Садись, поехали, а то до приема десять минут осталось.

- Да мы еще там час просидим. Думаешь, если талончик на двенадцать, то в двенадцать ты и зайдешь? Ага, помечтай.

Данька оказался прав, я еще больше часа материл всю нашу медицину, тупую очередь, наглых бабок, косяком лезших без очереди, и Машку.

Данил еще в машине, пока мы ехали, предъявил мне за звонок в три часа ночи. То, что Манька, по-видимому, засекла, что я выскакивал в подъезд и кому-то звонил, было понятно. Не понятно то, что на звонке русским языком стояло «Артамонович», так какого хрена она решила проверить мужик это или все-таки баба?

Что она может заподозрить меня в голубизне, я даже мысли не допускал. Вряд ли она могла слышать из-за двери сам разговор. Так, бубнеж непонятный... Значит, проверяла, не записал ли я какую-нибудь любовницу под мужским именем. Да если бы она у меня и была, я бы хрен когда тарился. Не нравится – не ешь. Я в верности никому не клялся.

Так что материл я её от души, но про себя. При практиканте я сделал раскаянный вид и извинился за звонок. Не хочу, чтобы он чувствовал себя виноватым, думая, что разбивает семью. А с него станет, я прекрасно помню его рассуждения в «Славянской кухне».

Когда, наконец, мы вышли из больницы, время было уже четыре. Жрать я хотел к этому времени зверски. С Данькой разговор как-то не клеился.

На людях мы разговаривали только о работе. Я рассказал ему про зама генерала и про объяснительную, которую пришлось написать Юрьичу, и предстоит писать мне. Он посочувствовал, да и только.

В ресторане Данил заскромничал, как красна девица, и попытался выбрать блюда подешевле, вместо ранее озвученных мне возле больницы, но я отобрал у него меню и протараторил официанту:

- Фуа-гру с трюфелями в белом вине, запеченное мясо лангуста, морской язык, ну, и все, что там к этому полагается

Что полагается, я не имел понятия. Я как-то не увлекаюсь всеми этими деликатесами. Ел, конечно, на всяких там генеральских вылазках в рестораны, когда у него вдруг моча в голову ударяла полакомиться всем этим мизерным безобразием, от которого только вкус на языке и остается, а в желудке фигушка. Ну, не гурман я.

Предпочитаю поестъ вкусно, но сытно. Стерлядь, например, или осетринку.

В общем, славянскую кухню и в больших объемах, а не пукалку фуа-гры на огромной тарелке с двумя картофелинами, листьями салата и узорами из соуса.

Официант покосился на меня как на идиота и решил уточнить:

- Вам какое из блюд? У нас есть все, что вы перечислили, только я не понял, вам обоим по порции каждого блюда?

- А я что, не на русском тебе заказал?

Данька сидел красный, отвернув рожу от нас с официантом. Тот, молча кивнув, удалился.

- Дим, у меня такое чувство, что мы опозорились. Наверное, эти блюда все вместе не мешают. Я ни разу ничего из этого не ел, запомнил названия в меню одного ресторана, вот и ляпнул.

- Да и хрен с ними. Кому какое дело, желудки наши, в конце концов.

- И это, наверное, бешеные деньги все стоит. Я же пошутил тогда.

- Ну, деньги не вопрос. Хотя если вдруг не хватит, я тебя в заложники оставлю. Из твоей печенки тоже паштетов можно наделать и за фуа-гру в продажу пустить.

Он засмеялся и показал мне кулак.

Все было очень вкусно и, как ни странно, сытно. Данил вышел из ресторана ошалевший.

- Блин, батиней зарплаты хватит на пару таких вот обедов, и дальше можно ножки протягивать.

- Не преувеличивай. Конечно, я тоже не могу позволить себе каждый день так питаться. Но раз-то можно себя побаловать.

- Ага, а заодно и меня.

Я смотрел на Даньку, ставшего для меня кем-то большим, чем сексуальный объект. Было ощущение, что я знаю его не каких-то два месяца, а очень давно. Вся его ершистость, напускная грубость были детскими и безобидными. Он был неуверенным в себе парнишкой. Я вспомнил себя в его возрасте, я был другим. Меня воспитала улица. Братки, которых я возненавидел и из-за которых пошел работать в органы.

Мы с ним совершенно разные, а это, наверное, и притягивает.

- Дань, я еще одно свое обещание сегодня выполнить хочу.

- Какое? Ты мне вроде ничего не обещал.

- Дать тебе порулить. Скоро снег выпадет, будет скользко, поэтому первые уроки надо давать сейчас. Поехали?

По тому, как у него загорелись глаза, я понял его ответ.

Ученик Данька был хороший. Да и батя всё же показывал пацану, как тачку водить, это он стусил краски, жалуясь, что отец его близко не подпускает к машине.

Нагонялся он за городом по почти пустой трассе вдоволь, и когда уже стемнело, вдруг хитро так на меня посмотрел и свернул на укатанную дорожку в лесок.

Я столько не целовался за всю свою жизнь. Никогда раньше не любил этого делать. Считал, что с парнем это не обязательно. Что для двух мужиков эти телячьи нежности ни к чему. Никогда мне еще так не нравился миньет, и никогда еще так не тряслась моя машина, когда Данька ногами, упираясь в ее крышу, принимал меня в себя. Это был не секс, это было, как прыгать с парашюта. Сердце замирало и разрывалось от переизбытка чувств.

Ничто не могло вырвать нас из этого состояния, ничто не остановило бы сейчас это бешеное соитие двух одуревших самцов.

Где-то на периферии я слышал, как разрывается мой телефон мелодией, которая стояла на Машке, как по крыше капота застучали капли дождя, но это был всего лишь фон, на котором я улавливал только тяжелое наше дыхание и хриплые сдавленные стоны. И стук, стук наших сердец, заполнивший все пространство машины, заполнивший всего меня.

Ничего подобного не было со мной уже давным-давно. Целую вечность.

Глава 29

Не успел я отвезти Данила домой, как мне уже хотелось видеть его снова.

Он догуливал последние дни от практики, которую ему закрыла Макаровна. В понедельник на учебу. Нужно, наверное, снять квартиру. Трахаться в машине – не вариант. Снимать хату с почасовой оплатой выйдет дороже, чем снимать конкретно и надолго. Да дело даже не в деньгах, а в том, что мчаться за ключами каждый раз, а потом отвозить их – влом.

Решено, завтра займусь съемом. То, что это был одноразовый секс, и Данька пошлет меня вместе с квартирой, я даже допускать не хотел.

Про Машку пока молчит, и меня это устраивает, но, если встанет вдруг вопрос: «Маша или он?» – я, если честно, не знаю, что буду делать.

Сам себе удивляюсь. Еще два месяца назад готов был сунуть ей сумку в руки. Что изменилось сейчас?

Почему она вдруг стала неотъемлемой частью моей жизни? Когда это произошло?

В памяти возникла картинка: зареванная Маша и я перед ней на корточках, уткнувшийся мордой в её колени. Наверное, тогда я и понял, что я действительно дорог ей. По-настоящему кому-то нужен.

А может, и раньше. Может, это привычка. Привыкание к человеку рядом. Что я к ней чувствую? Симпатию, нежность, благодарность за то, что любит? Кем она стала для меня? Только ли прикрытием, щитом, как выразился Данька? Я запутался в своих ощущениях.

Я запутался вообще по жизни. Я знаю одно – смелости признать, что я гей, у меня нет, и не будет. Раскрыться перед всеми – никогда. Перед Юричем была минутная слабость, и я о ней уже жалею.

Но и стать примерным семьянином я не смогу. А с другой стороны, таких, как я, полно. Живут же люди. Имеют детей, тащат всё в дом и гуляют на стороне. И какая к черту разница, с кем гуляют – с женщиной или с парнем. Парень не залетит хотя бы, в отличие от любовницы.

Проблема только в том, согласится ли Данька на такую роль? Достаточно ли ему её будет? И если нет, что я буду делать? Откажусь от него? Сколько вопросов и ни одного ответа.

***

Машка вздрогнула, когда я открыл дверь. Из коридора видно комнату. Она забралась с ногами в кресло, нахохлившись, как воробей. Домашняя, замученная и уставшая.

Смотрит на меня, глаза заплаканные. В сердце защемило. За что ей все это?

Прохожу, сажусь на подлокотник, обнимаю, целую. Вздыхает и утыкается мне в грудь.

– Где был? Сколько можно, Дим?

– Зачем ты звонила Данилу в три часа ночи? Кого хотела услышать? – спрашиваю тихо, не злясь.

– Думала, что ты бабе, какой-то звонил.

– Убедилась, что нет? Опозорила меня перед пацаном.

- Это тот практикант?

- Он самый.

- А зачем ты ему так поздно звонил?

- Он с нами был на посиделках в лесу. Напился, как свинтус. Я просто вспомнил, что из-за руки забыл узнать, не влетело ли ему от предков.

- Мог бы и при мне позвонить, а не выскакивать в подъезд.

- Не хотел тебя будить. И, Маш, на будущее. Никогда не подслушивай за дверью мои разговоры, никогда не хватай мой телефон и никогда не звони моим друзьям, сослуживцам, знакомым. Я тебе в тот раз не высказал за Валерьича, вылетело из головы.

- Я...

- Никогда, или мы с тобой расстанемся.

- Тебя фактически не бывает дома. Ты приходишь черт знает во сколько. И молчи Маша в тряпочку, терпи, да?

- Я и раньше, по-моему, не был паинькой. И мы с тобой не семейная пара. Мы сожители. Я тебя не держу.

- Какая разница, есть штамп в паспорте или нет? Мои родители всю жизнь нерегистрированные прожили. Сожители – слово из советского застоя. Или ментовского жаргона.

- А я и есть бывший мент, и ты прекрасно это знаешь. Да и там нас бы называли не супругами, а сожителями. Ты – сожительница.

- И что? Это что, дает тебе право шлаться, где хочется? Трахаться по саунам и приходить домой, когда вздумается?

- Маш, я не изменяюсь. Или мы живем так, или никак вообще.

- А если я рожу? Если у тебя будет ребенок, ты так и останешься сожителем? Дядей, живущим с мамой собственного сына?

- Мне не нужны сейчас дети. А может, и вообще не нужны. Я не люблю детей, и я тебе об этом говорил. Или ты пьешь свои таблетки и дальше, или..

- Поздно, батенька, я беременна. Уже два месяца как. Но ты настолько всегда занят собой, что ничего не замечаешь.

До меня медленно доходил смысл её слов.

- Ты же пила таблетки! Как беременна! Каких к черту два месяца?

- Я не собираюсь травиться противозачаточными всю жизнь. У меня от них вся флора нарушилась. Врач посоветовала сделать перерыв и надеть на тебя презики. Но ты же их на дух не переносишь. А тебе про залет не говорила, потому что знала твою реакцию. Когда ты меня чуть не задушил, хотела сделать аборт. А потом испугалась за тебя и передумала. Я хочу ребенка. Твоего ребенка, и не буду от него избавляться, хоть заорись.

Орать и вправду хотелось. Гандонами я пользовался только с парнями и с проститутками. С Машкой для остроты ощущений не хотел их надевать категорически, особенно когда мы стали с ней жить.

- Ты сделаешь аборт, или можешь подавать на алименты. Мне ребенок не нужен. - Еле сдержал себя, чтобы не перейти на крик.

Вот и решение. Вот и приплыли. Она сейчас встанет и уйдет. Родит нашего ребенка и будет растить его одна. А я останусь с Данькой. Или она сделает аборт и все останется, как есть.

Схватив пачку сигарет, вылетел на площадку. Руки тряслись. Внутри страх и злость. Я испугался. Испугался ребенка. Это не правда, что я не могу терпеть детей. Я нормально к ним отношусь. Но на хрена пацану папка гомик? Что я ему скажу, когда он вырастет? "Извини, сына, но папаша твой пидорас, поэтому по девкам мы вместе ходить не будем". Как будто все отцы ходят с сыновьями по девкам. Господи, какой-то пиздец. И ни раньше, ни позже. Да если Данька узнает, что Машка беременна, он пнёт меня тут же.

Может, она все же сделает аборт? Я ведь не смогу её бросить. Не смогу. Я же не совсем ублюдок по жизни. Бросить беременную бабу - последнее дело. Особенно если ты с ней живешь. Люди уже родившихся детей бросают, а я здесь сопلي развожу. Мозги сейчас закипят. Черт, что же делать?

Выкурил две сигареты кряду. Нервы ни к черту. Ни хрена этот перекур не помог. Сейчас бы стакан водяры заглотнуть.

Зашел домой. Машка лежит на кровати и, уткнувшись в подушку, воет. Не плачет, а именно воет. У меня волосы дыбом и мороз по коже. Мать когда-то так выла, а я плакал маленький рядом. Гладил её по плечам и просил: «Мама не надо. Ну, пожалуйста, не надо». Картинка, как будто вчера это было.

А если моему пацану попадет такой отчим, как мой отец? Убью на хрен. А если они уедут, и я не буду об этом знать?

Куча мыслей. Не нужных, не правильных. А она уже не воет, а скулит.

И я не выдерживаю, падаю на кровать, прижимаю к себе:

- Если ты родишь, и мы будем жить, это не значит, что я не буду гулять. Так что думай сама.

Она всхлипывает мне в шею, по коже горячие слезы.

- Димка, я дура, я ведь люблю тебя, хоть и знаю, что ты меня нет. Но ты только представь, родится маленький, черненький, весь в тебя. Как ты можешь заставить меня его убить?

Я прижимаю её крепче.

- Никак. Не могу.

Она, наплакавшись, засыпает у меня на плече. У меня же сна ни в одном глазу.

Что теперь будет? Как же круто изменилась моя жизнь. Я совершенно не был готов к таким радикальным переменам. Сначала безудержная симпатия к практиканту, теперь ребенок. Осталось еще работу сменить, и вообще будет полный пиздец.

Даньке я ничего не скажу. Завтра сниму квартиру, а там будь что будет. Может, мне все же удастся со временем изменить его взгляды на жизнь.

Мне страшно. По-настоящему страшно, как в детстве, когда я только понял, что мне нравятся не девочки, как всем остальным, а пацаны. Я боюсь этих перемен. Боюсь и хочу их. Все сразу. Хочу Данила и ребенка.

Хочу Данила и семью. И еще хочу, чтобы мой ребенок никогда не узнал, что его отец трахается с парнями. А не трахаться я не могу. Если только стать импотентом.

«Когда-нибудь, всё тайное становится явным» - эта мысль засела в голове, как заноза. С нею я и заснул.

Глава 30

Трах в машине подействовал на Данила, как хороший допинг. Настроение было просто отличное. На душе легко, как никогда. Все сомнения и самокопания улетучились. Ему было хорошо с безопасником, и в отношениях, и в сексе. То, что Дмитрий несвободен, пока не очень волновало Даньку. Об этом он старался не думать. Ведь это, в первую очередь, проблемы самого Саньча, и их интрижка на его совести.

По приходу домой он застал такую картину: мать с отцом сидели на кухне, мать зареванная, отец злой. Они очень редко ссорились, поэтому у Даньки в груди появился нехороший такой комочек под названием «страх».

Чего он испугался, он еще и сам не понял, но в коленях ослабло.

Раздевшись, прошел на кухню, стараясь сохранить нормальную «мину», и нарочито весело, заглядывая в кастрюли, поинтересовался:

- Вы чего такие смурные? Мать, по какому поводу вода?

- Да делать ей не хрен, развела сопли, понимаешь. Письмо вон от

родственничка пропавшего получили. На, читай. – Отец взял конверт с холодильника и сунул его Данилу.

– Санкт-Петербург? – прочел вслух Данька адрес отправителя.

– Ага. Боречка объявился. Да не один, а с сынком. – Отец вытащил из холодильника бутылку водки. – Давай, сын, глыкнем по рюмахе, а то что-то настроение хреновое.

Мать глянула на него исподлобья, но ничего не сказала. Только тяжело вздохнула.

– А чего пишет, что вы в таком трансе?

– Сына к нам прислать хочет. Чтобы к Петру Алексеевичу на могилку сходил, и фотографии семейные забрал. Вспомнил, блин. – Отец опрокинул стопку, закусывая соленым огурцом.

– Мам, а ревешь-то ты чего? Ну, приедет, отдашь фотки, в чем проблема-то?

– Ты что, не понимаешь? Думаешь, он за фотками едет? Да ему квартира, наверное, нужна. – Мать глянула на Даньку и снова зашмыгала носом.

– Какая квартира? Мы уже в ней черт знает, сколько живем. Я в ней вырос, считай. Да и дарственная не оспаривается.

– Во-во. Я ей то же самое, дуре, говорю. А она заладила – "стыдно", "не наше", "они наследники".

– А где эти наследники были, когда Петр Алексеевич один остался? Ты чего, мам? Кончай себя расстраивать. Я думал, серьезное что-то случилось, а она...

– Да вам с отцом все пофигу. Не его же родня, ему перед ними глазами не хлопать.

– Татьян, кончай уже, а? Где они действительно раньше-то были? На похороны ни один из них не приехал, а сейчас чухнулись! Могилку им, блин, посетить надо! А была бы сейчас эта могилка, не будь нас? Похоронили бы, как безродного, старика. Про фотки он вспомнил. Сам уже одной ногой в могиле стоит, вот совесть и мучает.

– А сколько ему лет? – поинтересовался Данька у матери.

– Борису около семидесяти должно быть. Я точно не помню. А Гоше, я не знаю. Боря даже не известил отца, что у него внук родился. Петр Алексеевич не знал о нем ничего.

– Гоша? Это Георгий что ли? – Данька с любопытством заглянул в письмо. Пробежался взглядом по строчкам, но, кроме имени Гоша, не выхватил никакого другого.

- Наверное. Я в именах ни хрена не понимаю. - Мать пожала плечами.

- Когда он приезжает?

- Как только Борис ответ от нас получит. Он не уверен был, что мы по этому адресу живем. Написал наобум.

- Ну, так тем более. Мам, он, значит, не собирается за квартиру предъявлять. Видать, думал, что мы её или продали, или государство забрало.

- Ладно, приедет Гоша, узнаем всё. Спать пошли. Поздно уже.

- Завтра выходной. Мы с Данькой посидим еще. - Отец налил еще по рюмке.

- Хватит водку жрать и сына спаивать. - Мать сграбастала бутылку и унесла её с собой в комнату.

- Вот так, сынок! Никакой свободы. Сначала мать все запрещает, потом жена. Ты это, не вздумай жениться рано. Гуляй лет до двадцати семи.

Данька хмыкнул:

- Дядьке, вон, уже за тридцать семь перевалило, а он так и не женился.

- У Ваньки работа такая, сегодня здесь - завтра там. Выйдет на пенсию, найдет бабенку. Детей все равно ему не дано своих заиметь. Правда, лучше было бы, чтобы ждал его из рейсов кто-нибудь. Но не судьба, видать. Не везет ему с бабами.

- Пап, а почему детей не заиметь?

- Он в детстве на железяку в озере напоролся. Порасхерачил там себе все. Операцию сделали, по-мужски вроде все работает, а вот детей нет. А может, и не работает уже, он ведь хрен скажет. Ты только это, молчок. Мать меня убьет, если узнает, что я тебе рассказал.

- Могила, пап. Жалко дядь Ваню, молодо, ведь ещё.

Ночью Данька все думал о дядьке. Вот ведь жизнь. Он гей, ему детей вроде как не надо, а тому, кому надо, не дано. Не справедливо.

*****

Я и забыл, что сегодня выходной, и Машке не на работу, поэтому придется и мне, наверное, сидеть дома.

Она с утра встала в хорошем настроении. Приготовила завтрак и взялась печь пирог с семгой. Я уселся за комп, открыл сайт с

объявлениями. Искал хату подальше от центра. И вообще подальше. Нашел квартиру в новостройках в новом районе. Почти полчаса езды на машине от города. Район построен на полях, на другом берегу реки, как отдельный маленький городок. Самое то. Дома там еще заселены не полностью, народ друг друга не знает. Все жители новые. Да и бабок любопытных наверняка меньше. Квартиры, скорее всего, покупает молодежь.

Сказал Машке, что съезжу в магазин, пока она пирог печет, куплю вина.

Она сунула мне список продуктов, и я свинтил с чистой совестью.

Мысли о ребенке гнал от себя прочь. Слишком тяжело об этом думать.

Не хочу загадывать, что будет. Устал от этих думок, от неизвестности.

Как только вышел из подъезда и сел в машину, позвонил риэлтору. Договорились на понедельник. Потом звякнул Даньке.

- Привет студент. Как дела? Хорошо спал?

- Привет. Отлично. А ты?

От его голоса защемило в груди, и шевельнулась совесть. Хреново я спал, но тебе об этом знать не надо.

- Ты мне снился. - Я вру, мне сегодня вообще ничего не снилось.

Смеется.

- И чего я делал в твоём сне?

- Я тебе лучше покажу при встрече. Рассказывать не умею.

- О, так я там был не один? С тобой? Интересно, что мы такого делали, что это нужно показывать? - И опять смешок.

- Ты дома? - Мне любопытно, не слышат ли его родители наш откровенный треп.

- Дома. Один. Мои уехали в гости. До позднего вечера. Хочешь приехать?

Вот этого я совсем не ожидал. И прежде, чем подумать, сходу выпалил:

- Конечно! Жди, еду.

****

У Даньки было уютно. Или с ним было уютно. Я чувствовал себя, как дома. Он напоил меня чаем и потянул в свою комнату.

- Пошли, покажешь мне сон.

Глаза блестят, на лице улыбка. И ямочки эти... А у меня в груди

кошки ... скребут. Не хочу просрать только что начавшиеся отношения. Полный тупик. Стена.

Но я ему улыбаюсь в ответ. Зарываюсь лицом в его короткие волосы и вдыхаю запах шампуня. Пахнет свежестью. Мятой. И щеки гладкие, мягкие, наверное, только что побрился.

Целую. Щеки, глаза, брови, лоб, губы. Он отвечает. Засовывает в рот мне язык, потом ловит губами мой. Мне нравится с ним целоваться.

Валит меня на свой диван, падает на меня и шепчет в самое ухо:

- Дим, а ты всегда только сверху?

Я растерялся. В молодости было по всякому, но уже лет как восемь - да, только сверху. Но с ним я готов на все. Только, наверное, не сегодня. Мне нужно время перенастроиться.

- Позже я снизу, если хочешь. Дай мне время на перестрой, хорошо? - говорю и смотрю в глаза. Не хочу, чтобы обиделся. Не хочу оттолкнуть.

Он улыбается:

- Да я просто спросил. А вдруг бы выгорело бы. Но нет, так нет. Я не настаиваю.

Притягиваю его к себе за голову и целую так крепко, как только могу. Он шарит рукой у меня в штанах. Пытается расстегнуть ширинку. Помогаю высвободить хозяйство. Оголяться полностью не рискую. Данька сбрасывает с себя джинсы и встает на четвереньки. Намек понял. Только вот презики из машины не взял. Он догадался по моему растерянному лицу.

- Дим, я дома ничего такого не держу. Я чистый. Во всех смыслах. Тебе я верю, так что давай так.

И я даю. Все, что можно дать: страсть, нежность, безудержность и огромное желание быть вместе сейчас, потом, всегда.

Данил вышел меня проводить. Мне еще за продуктами ехать. Он не в обиде - понимает. Сказал про квартиру, думал, примет в штыки, а он вдруг обрадовался, и на душе стало тепло.

****

Данька зашел домой, засунул покрывало с дивана в стиралку, завел машинку и пошел есть. После секса он всегда был голодным.

Было немного грустно. Было немного скучно и совсем чуть-чуть обидно. Но он вспомнил, как ездил в деревню к Владу по выходным, как довольствовался одноразовым переписом с другими, и засунул свою обиду подальше.

Ведь раньше он не интересовался у своих партнеров, если у них жены, так что изменилось, в конце концов?

Пока его все устраивало. А Саныч ему нравился все больше, и он был

рад, что тот снял квартиру. Оперативно, однако. Но это значит, что у них все же намечается долгоиграющий секс и отношения, ничем не отличающиеся от отношений с Владом. С той лишь разницей, что безопасник намного приятней крольчатника. Данька улыбнулся своим сравнениям.

Наевшись, он решил завалиться спать, а потом позвонить однокурсникам и устроить небольшие посиделки.

Глава 31

В воскресенье Данька на звонки мои не отвечал.

Маша уехала к своей маме с ночевкой, сообщать о беременности. Звала меня с собой, но я отбрыкался от перспективы встречи с ее родителями. За время нашего с ней проживания я видел их всего пару раз.

Манька жила отдельно от родителей, которые купили дочери квартиру. Она не раз порывалась ее сдать, мотивируя тем, что живет у меня, а за жилплощадь приходится платить. Я стал давать ей деньги на оплату коммунальных услуг, лишь бы хата оставалась свободной. Прямым текстом объяснил сожительнице, что в случае нашей ссоры ей некуда будет свалиться, если она пустит квартирантов. Согласилась.

Когда она уехала с утра к родичам, я было обрадовался и стал названивать практиканту, но обломился.

Так что день прошел – никак. Маялся от безделья, набивал пузо Машкиной стряпней и думал, думал, думал.

Машку с ребенком я уже не брошу однозначно. Нужно уметь нести ответственность за свои поступки. Ни она, ни ребенок не виноваты в том, что я использовал любящую меня женщину. А раз использовал, надо расплачиваться.

С Данилом – все еще вилами на воде писано. Пока буду скрывать свое будущее отцовство. Если его не устроит мое семейное положение, и он меня бросит, приму его решение.

Если же он примет все как есть, буду только рад. Привязанность или любовь – не важно, как назвать, но если у него ко мне ЭТО будет, то он выдержит все, и мою семью тоже. Надеюсь на это.

***

В понедельник с утра съездил на перевязку, а после обеда встретился с риэлтором.

Квартирка была неплохая. Меблированная, правда, по минимуму, но все самое необходимое было.

Заплатил за три месяца вперед, прикупил продуктов, пару комплектов постельного белья, посуду, туалетные и ванн принадлежности для себя и Даньки и всякую хренотень по мелочи, вплоть до тапочек. Провозился до шести вечера. Очень хотелось притащить сейчас же сюда практиканта, но он до сих пор не отвечал на звонки. Меня это начало напрягать. Может, я вообще зря затеял с квартирой?

Домой вернулся к восьми часам вечера. Машка спала, свернувшись калачиком на диване.

Присел рядом, погладил по голове, чмокнул в щеку. Она завозилась и открыла глаза.

- Мама тебе привет передавала.
- Угу. Хорошо съездила?
- Нормально. Мои спрашивают, когда мы заявление подавать пойдем.

Этого следовало ожидать. Рано или поздно разговор бы зашел о загсе.

Не знаю почему, но я отнесся к этому вопросу спокойно, без напряжения.

- Как только, так сразу.
- И что это значит?
- Маш, ты куда-то торопишься? Тебе край нужен этот штамп в паспорте?

- Но ведь ребенок...
- Ну, ребенок, и что? Мало живут с детьми, и без регистрации? Записать его на себя, я запишу без проблем. И штамп в паспорте никогда не поздно поставить. Ты этого ребенка сначала выноси и роди.

Машка смотрела на меня, и глаза ее наполнялись слезами.

- И что я родителям должна говорить? Что я на хрен тебе не нужна?

- Слушай, еще три дня назад ты вообще собиралась стать матерью одиночкой! Так какие сейчас претензии? Я не отказываюсь ни от ребенка, ни от тебя, но я не считаю, что нужно срочно бежать в загс. Да я, блин, еще к мысли даже об отцовстве и женитьбе привыкнуть не могу. И потом, Маш, если мы даже оформим отношения, это не значит, что я стану мужем-паинькой. Даже не надейся. Я слишком люблю свободу. Я к ней привык, и менять меня уже поздно.

Машка вздохнула и уложила голову на моих коленях, обхватывая меня руками.

- Я соскучилась. Сексом займемся?
- Тебе же нельзя.
- Почему это? - Она с удивлением уставилась на меня. Даже голову с колен моих подняла.
- Давай уже что-нибудь одно - или секс, или ребенок.
- Дим, ты совсем долбанулся? Хочешь сказать, что почти год мы не будем трахаться?
- Именно это и хочу сказать. Не хватало еще ребенка из-за траха потерять.
- Ну, знаешь ли! - Машаня даже с дивана соскочила от возмущения. - Можно подумать, люди не трахаются все девять месяцев! Ерунду какую-то порешь! Ребенку секс не мешает, и у меня нет предпосылок к выкидышу! Так что мне врач заниматься сексом не запрещал.
- А я не хочу и не буду рисковать. Ты хочешь ребенка? Если да, то потерпишь и без секса - не помрешь.

Манька готова была разреветься. Губешки затряслись, глаза заморгали.

- Но ты-то без секса не собираешься все девять месяцев сидеть, ведь так? У тебя кто-то есть? Кого ты собираешься трахать?

- Для этого есть девочки по вызову или вон, миньетчицы на объездной.

- Меня от тебя тошнит! Ты полное дерьмо!

- Ну, от этого дерьма ты ребенка родить решила. Я, в принципе, не навязываюсь. Скажу тебе только одно - хочешь со мной жить, прими мои условия. Взамен я даю тебе полную заботу о тебе и нашем ребенке. Обеспечу вас и буду хорошим отцом. Хорошим мужем быть не обещаю. Найдешь мужика лучше меня - вперед и с песней, буду только рад за тебя. Но учти, если он, хоть пальцем тронет моего ребенка, став ему отчимом, сделаю все, но лишу тебя материнских прав. Я тебя люблю, по-своему. Может быть, не так, как хотелось бы тебе, но по-другому не умею. И обещаю, что ни одна баба не заставит меня тебя бросить. В этом можешь быть спокойна.

Машка лихорадочно стянула с себя халат, меняя его на джинсы и футболку. Не глядя на меня, шмыгая носом, схватила с вешалки куртку и, обувшись, выскочила в подъезд.

Я ее останавливать не стал, наверняка помчалась в свою квартиру. Пусть подумает и все взвесит: стоит ли ей связывать свою жизнь со мной. А уж если свяжет, то пусть принимает таким, какой есть. Наглеть, конечно, не буду и постараюсь быть хорошим и заботливым, но и от Даньки не отступлюсь, пока он сам меня не пошлет. Да и вообще не собираюсь отказываться от своих предпочтений.

С сексом я, конечно, загнул, но, блин, не стоит у меня после Даньки на Машку. Хоть тресни - не стоит.

Только подумал об этом гаврике, как телефон разразился мелодией, на которую я его поставил.

- Ну, и чего ты на мои звонки не отвечал? - С ходу иду в нападение.

- А я должен отчитаться? Вроде не подписывался на такое. И вообще, где "здрасьте"?

Да, чего-то я не в ту степь зарулил. С Данькой таким тоном не прокатит, это тебе не Машка. Быстро пошлет веником париться.

- Ну, здравствуйте, Данил Артамонович. Можно узнать, почему это вы на мои звоночки не реагировали?

- Во, другое дело. А то, блин, наезды с ходу. Я, Дмитрий Александрович, вчера погулял малёха с однокурсниками. Из клуба меня забирал папанька, а я был не очень трезв. Он меня чуть ли не за шкварник оттуда выволок, вот я и забыл телефон на столе. Спасибо, девчонки подобрали и вернули сегодня.

- Гуляем, значит?

- А вы что-то имеете против? - Я почему-то представил в этот момент Данькину ехидную улыбочку и вздернутые вверх брови.

- Да нет, Дань, какое я право имею быть против. Гуляй, пока молодой.

- Я тоже так думаю. А чего звонил-то? Соскучился?

- Соскучился. С квартирой вопрос решил, хотел новоселье устроить.

- Ты сейчас на хате, что ли?

- Сейчас нет. Уже дома.

- А жена где? Ты вроде не тихо разговариваешь.

- У родителей. В гости поехала, - вру. - Хочешь матануть на квартиру с ночевкой?

- Не. Не могу сегодня. Батя злой, как черт. Да и в институт завтра первый день.

- А завтра после занятий?

- Посмотрим. Созвонимся, если что. Тебя на работу не выписали?

- Неделью еще, как минимум, гулять буду. Если генерал приедет, то выйду. Нет, на фиг надо. С этим чмо работать нет никакого желания. Кстати, Дань, что про братцев-то слышно? Тебя следователь вызывал?

- Ну, сразу после больницы мы с папкой ездили. Отец тоже давал показания, про шапку и видик, что Антон спер, рассказал. Пока больше не вызывали. Да мне и не хочется.

- Я завтра пробью, как там дело, да скоро ли суд будет.

- На фиг. Когда будет, тогда будет. Думаешь, я горю желанием с ними встретиться?

Я слышал, как в замке ковыряют ключом, а затем открывается дверь - вот и Машка вернулась.

- Ладно, Дань, давай, до завтра. Позвонишь, я подъеду. - Разговор обрывать не хотелось, но перед Машей говорить - тоже.

Данил видать понял, что я не один.

- Давай, пока. Получится, так позвоню, обещать не буду.

- Должно получиться. Возражения не принимаются.

- Посмотрим. Пока.

Отключился. Только бы не обиделся и позвонил завтра.

Маняша с пакетом в руке, ждет, когда заберу, чтобы разуться. Забираю, заглядываю - бутылка кагора, виноград, груши и копчености. Смотрю на нее выжидающе. В честь чего вино и фрукты?

- Кагор мне немножко можно. Для крови хорошо. Давай отметим нашу новую фазу в жизни.

Несу пакет на кухню. Я в принципе не против. Значит, она все решила и приняла.

- Ты с практикантом болтал?

- Угу.

- А зачем ты за ним заедешь завтра?

- В ментовку съездить надо. По делу его. Ускорить процесс, так сказать. Да и вообще узнать, когда суд и всё такое.

- Он что, сам не может?

- Может. Но со мной лучше. Я всё же, как-никак, бывший мент и подвязки имею.

- Допоздна опять ездить будешь?

- Как получится.

- Он тебе случаем девочек-студенточек не подгоняет?

Поворачиваюсь от стола и зло зыркаю на нее:

- Может, хватит уже? Ты так и будешь мне мозг выедать теперь?

- Что-то вы снюхались с ним последнее время. Какие у вас могут быть общие интересы, кроме девок?

Меня смех разобрал. Вот девки-то как раз последнее, что нас с Данькой интересует.

- Дура ты. На фиг мне студентки-то нужны? - И ведь не вру. - Еще проблем с их предками не хватало! Думай, что говоришь? Я уже пень старый для студенческих шашней.

- Я не намного старше, этих самых студенток, вообще-то.

- Ты у меня девушка самостоятельная, от родителей не зависящая. Умная, работающая и вообще, золото. - Обнимаю, подлизываюсь. Она утыкается мне в плечо.

- Ты, правда, никого не завел?

- Клянусь, что никакой другой бабы, кроме тебя, у меня нет, и не будет.

Глава 32

Я слышал, как Машка уходила на работу. Проснулся, наверное, по привычке, но вставать не стал. Лежал и ждал, когда за ней захлопнется дверь.

Встал, пошатался по квартире, выпил чаю и улегся опять.

Только задремал, как услышал из-под подушки: «Возьми трубку, начальство звонит».

Лежал и думал: «Братъ, не братъ?»

Валерьевич, наверное, вернулся. Но на работу не хотелось, особенно сегодня.

Не выдержал, взял.

- Ну, наконец-то! Дрыхнешь, тунеядец?

- Дрыхну, - честно сознался я.

- Жопу в руки, и ко мне.

- В Англию, что ли?

- Мозги не е...и. Давай, пулей.

- Мне в больницу к десяти. - Вру.
- Значит, после больницы, чтобы был на работе, как штык!
- Не раньше двенадцати.
- Дима, не буди во мне зверя.

На языке так и вертелось ляпнуть что-то вроде: «Тушканчика, что ли?» - но генерал шутку, боюсь, не оценит, обидится.

- Как освобожусь, сразу подъеду. Валерьевич, пожалей калеку, не наезжай.

В ответ смехок и гудки.

Лежу, смотрю в потолок и соображаю - что я debil.

Вот на хрена я ляпнул, что в больницу к десяти? Генерал ведь хрен отпустит теперь до вечера, а я же хотел Даньку после занятий встретить. Надо было врать, что в больницу к трём. Идиот.

Спать расхотелось совсем.

Надо переигрывать. Встал, собрался, поехал на работу.

Первым делом пошел отмечаться у начальства, даже до кабинета своего не дошел.

Секретарши не было, я постучал в дверь для приличия и ввалился в кабинет.

У генерала был Батько. Что-то ему впаривал, а Валерьевич кивал и перебирал бумажки. Увидев меня, глянул на часы и приподнял вопросительно бровь.

- Позвонил, попросил перенести прием на три. - Врать уже входит в привычку. Я столько, наверное, за всю жизнь не брехал, сколько за этот месяц.

- Присаживайся. Сейчас освобожусь. - Он кивнул мне на стул.

Батько тут же вклинился:

- Дмитрий Александрович, как ваша рука? Объяснительную в состоянии написать? Я подал приказ на лишение вас премии.

У генерала брови поползли на лоб. Он переводил взгляд с меня на Бойко и обратно.

- Ваше право Леонид Анатольевич. А на счет объяснительной - я нахожусь еще на больничном, так что придется вам подождать. И думаю, что писать её я буду уже не вам.

- Так, я что-то явно пропустил. В чем это ты, Саныч, проштрафился, что тебя здесь премии лишают? Полфабрики мороженого упер, что ли?

- Дмитрий Александрович превысил свои должностные полномочия, так

же, как и Олег Юрьевич.

Валерьевич скорчил рожу и скептически посмотрел сначала на Батько, потом вопросительно на меня.

Я пожал плечами.

- В чем превышение? - раздраженно буркнул генерал, глядя исподлобья на своего заместителя. Ему явно не нравилось, что он тут строит всех, пока его нет.

- Завгар использовал в личных интересах в нерабочее время служебный транспорт и персонал, а начальник службы безопасности подписал пропуск на этот транспорт за территорию Хладокомбината.

Валерьевича аж перекосило от официоза Батько. Он опять уставился на меня, ожидая моего объяснения.

- Да на пикник мы всем составом ездили. Взяли автобус, а потом дежурку вызвали домой девчат развести.

Генерал откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул.

- Анатолевич, вот тебе херней еще маяться не надоело, а? Правильный, что ли, такой? Спасибо, конечно, что ты так печешься о моем комбинате, но палку-то нахрена перегибать? Ладно, иди, потом поговорим. Перекурить мне надо.

Батько поджал губы, пошел было уже на выход, но у двери остановился:

- Сергей Валерьевич, я выполнял, в отличие от некоторых, свою работу и выполнял ее ответственно. Если вас не устраивают мои методы и действия, смените себе зама. А подрывать мой авторитет в глазах подчиненных - вам же во вред.

- Тьфу ты! - сплюнул в сердцах генерал - Ну, что за человек, а?

Леонид Анатолевич развернулся и молча вышел.

- Блядь, я иногда себя его замом чувствую, а не хозяином Холодильника. "Смени", блин. Давно бы сменил, не был бы ты мэровским протеже. Смени тебя, а потом начнется - пожарные, санэпидемстанция, налоговая и еще хрен знает кто. - Валерьевич кинул мне через стол сигару и закурил сам. - Как погуляли-то? И что с рукой?

- А кто тебе сказал, что я на больничном?

- Буторина. Я только машину на территорию загнал, она сразу доложила. Мужиков я еще не видел никого, а то бы уже нажаловались на этого придурка. Ну, так рассказывай.

- Да нечего, в принципе, рассказывать. Съездили с девчонками маркетологами на шашлычок, отметили второе рождение их практиканта.

- О, блин, надо же, пропустил такую пьянку! Но, с другой стороны,

с нашими девчонками мне лучше не ездить, а то, блин, разговоров потом не оберешься.

- Они бы тебя стеснялись, а так здорово посидели.

- А руку-то ты где травмировал? Подрался, что ли? Молодость вспомнил?

- Да не, пьяный показывал Юрьевичу, как братков практиканта бил. А показывал на дереве.

- Вот придурок!

- Как Англия? Как дочка?

- Замечательно. Я и во Францию с Италией смотаться успел. А еще в Москве квартиру прикупил, есть мыслишка перебраться в столицу.

Я офигел. Стало не по себе. Без генерала я Хладик не представлял. На душе стало нехорошо.

- Валерьевич, ты что, комбинат продавать собрался?

- Нет, конечно. Да это я так, только языком треплю, что переберусь. Моя от детей не уедет. Если только и их туда переманить. Пацаны-то с радостью в Москву переберутся. Володька давно туда лыжи намыливает. И то правда, чего здесь молодежи ловить?

- Валерьевич, ты это, не шути так. Дай хоть до пенсии спокойно доработать.

- А чего ты испугался-то? Я если и уеду, то Хладик все равно за собой оставлю. Не собираюсь я его продавать. Это мой хлеб.

- Ага, и Батько оставишь править? А нам тогда - вешайся. Сам знаешь, мы с ним не сработаемся.

- А ты сам-то, не хочешь в столицу двинуть?

- А чего я там забыл? У меня комбинатов нету, чтобы денежки сами в столицу текли. Охранником в клуб идти на старости лет?

- Подколол, да? А то ты не знаешь, сколько я сюда сил, нервов и денег вбухал, прежде чем эти денежки потекли.

- Да знаю. Просто не представляю Хладик без тебя. Если ты уедешь, то и мне свалить отсюда придется. Я с Бойко работать не буду, а Москву уже не потяну.

- Да ладно, не паникуй раньше времени. Я хату так, для статуса купил, чтобы в гостиницах не тусоваться. Как с Машкой? Помирился?

Я вдруг четко осознал, что буду отцом. И мне захотелось с кем-

нибудь поделиться этим, похвастаться.

- Помирились. Ты приобрел квартиру, а я, кажется, скоро стану батей.

- Ни хрена себе новость!- Генерал даже из кресла выскочил. Хлопнул меня со всей дури по спиняке и полез в холодильник.

- Вот, французский. Высший сорт. Кучу бабла за него отвалил. Хотел оставить для важных гостей, но ради такого дела грех не открыть. По рюмочке и за работу.

Я уже было потянулся за рюмкой, но вспомнил, что за рулем и что мне еще ехать за Данькой, и с тяжким вздохом отставил коньячок подальше от себя.

- Мне на прием в больницу.

- Да выветрится до трех часов. Пей, давай.

- Да, блин, только губы марать. Давай завтра после работы посидим, выпьем по-человечески.

- Ну, как хочешь. А я выпью, все равно открыл уже. За то, чтобы родился у тебя богатырь!

Я посмотрел на стоящую передо мной рюмку, на довольную морду генерала и сдался. Коньяк был действительно хорош. Жаль мало.

День пролетел махом. Около трех часов, распрощавшись с Валерьевичем и пообещав завтра выйти на работу, я рванул за Данилом.

Мы созвонились, и он ждал меня недалеко от института к половине четвертого.

***

Первый учебный день давался тяжело. Данька никак не мог настроиться на учебу.

Он скучал. Скучал по Санычу. И мечтал скорее оказаться с ним на квартире.

Он не понимал, когда так успел привязаться к Дмитрию. Почему рука так и тянется к телефону, чтобы позвонить и услышать грубый с хрипотцой голос, ставший таким необходимым.

Как ни старался он не думать о безопаснике, мысли все равно возвращались к нему.

И толчком для таких ненужных Даньке эмоций послужил вчерашний телефонный разговор.

То, что Саныч всё-таки снял квартиру, что звонил ему, и не раз, и даже то, что предъявил за неотвеченные звонки, почему-то грело душу. Хотелось верить, что он действительно скучал, и что из этого что-нибудь, да получится. Что-то большее, чем простой трах, как с Владом.

Когда около трех часов телефон завибрировал, Данил как раз переходил из одного корпуса в другой. Сердце радостно трепыхнулось, а губы растянулись в улыбке.

Сразу после занятий он чуть ли не бегом припустил к месту встречи, отмахнувшись от предложения сокурсников пойти попить пивка. Он опаздывал почти на полчаса, успев предупредить Дмитрия смской.

Безопасник стоял, облокотившись на припаркованную машину, и курил. Здоровый, солидный, красивый мужик. Если присмотреться к лицу – слишком жесткий, колющий взгляд, слишком густые и широкие брови, крупный с горбинкой нос, про такой говорят – "шнобель", узкие губы, жесткий подбородок – все грубо и по отдельности некрасиво. Но взгляд тянется к этой неэстетичности и улавливает общую красоту мужика. Самца. Мачо.

Дмитрий выкинул окурок и кивнул.

– Привет студент. Садись давай, поехали, а то жрать уже охота. Я сегодня не завтракал и не обедал. Ты как, есть хочешь?

– Немного. Мы заезжать еще куда-то будем? Где ты есть собираешься?

– Дома поедим. Я вчера все купил, холодильник забит под завязку. Бутербродами перекусим, а потом уже пельмешек сварим.

Данил удивленно глянул на Саныча, прежде чем сесть в машину.

Он не ожидал от него такой хозяйственности, а еще больше не ожидал услышать от него «дома поедим», как будто они действительно едут к себе домой.

И Данька вдруг понял, что он очень сильно хочет, чтобы когда-нибудь так и было. Чтобы у них был дом, из которого не надо возвращаться впопыхах к родителям. Где можно валяться в постели после секса и никуда не спешить. А утром встать и, позавтракав вместе, поехать на работу и учебу.

Мечта идиота. Дурацкая, невыполнимая мечта. Никогда такого не будет. Двум мужикам жить вместе – утопия.

Их удел – прятаться, скрываться, встречаться урывками, бояться. Настроение испортилось. На душе стало тошно и горько.

Глава 33

Снег отсвечивал мягким золотом, переливаясь, заворачивая под рассеянным светом фонарей. Стоянка двора давно уже заполнилась соседскими машинами, и лишь одно место пустовало.

И Маша не отрываясь, все смотрела на это место, наблюдая сквозь слезы, как снег засыпает его.

Она сама не знала, зачем стоит и смотрит в это проклятое окно. Зачем ждет, когда во двор заедет его машина. Сердце каждый раз

вздрагивало в груди, при появлении очередного автомобиля темной окраски, заезжающего во двор.

Ее измучило это ожидание, но она все равно, каждый вечер стояла у окна – смотрела, ждала. Нужно было просто уйти, бросить его, но ей не хватало сил этого сделать. Она любила, любила всем своим бабьим, глупым сердцем.

Жила им. Его улыбкой, храпом, голосом, редкими ласками, его ребенком внутри себя.

Ребенок – ее надежда на то, что Дмитрий полюбит его, так же, как любит она. И эта любовь свяжет их, объединит, сделает, наконец, ее счастливой.

«Ребенком мужика не удержишь» – сколько раз Маша слышала эту фразу. Знала, что это так, но маленькая, крохотная искорка надежды, что у нее все будет по-другому, заставляла терпеть и не сдаваться.

Она погладила свой округлившийся живот, всхлипнула, не удержав слезы, и прошептала комочку внутри своего чрева:

«Все будет хорошо малыш. Мама любит тебя, и папа будет любить. Нагуляется, пока ты не родился, а потом останется только с тобой и со мной. Не может же он всю жизнь по бабам прыгать, как молодой. Вот ты родишься, он и осядет, будет домашним. Вот, увидишь, как папа изменится. Он будет хорошим отцом, я знаю. А еще он урод и эгоист. Господи, как же я его иногда ненавижу!»

Маша коснулась пальцем шрама на внутренней стороне сгиба локтя. Уродливому, красному, еще бросающемуся в глаза. Швы сняли три дня назад. Со временем он побелеет, и, может, его не так будет видно. Но сейчас ей придется носить вещи с длинным рукавом. Она до жути боялась, что шрам заметит мать или подруги. Неделью она провела в больнице. Сказала всем, что положили на сохранение.

Это было почти правдой. Если бы она не была беременна, ее бы отпустили сразу домой.

Маше было стыдно за свой идиотский поступок. Особенно перед Димой.

Если раньше в его глазах она иногда ловила нежность, то теперь – жалость.

Он стал чужим. Совсем чужим. Отдалился еще больше. Был рядом, но далеко.

Маша лихорадочно вытерла слезы, увидев, как машина Дмитрия заехала во двор. Он вышел из нее, достал из багажника небольшую складную лопату и начал расчищать снег на стоянке. А Маша побежала в ванную, приводить себя в порядок.

Он не должен заметить, что она плакала.

Конец декабря, скоро Новый год. Я даже не заметил, как пролетели два последних месяца.

Когда пошел первый снег, и Данька вышел ко мне в зимней куртке, с лохматой оторочкой на капюшоне, застегнутом по самый нос, в шапке натянутой по брови, такой смешной и родной, я перестал считать дни.

Почему-то именно в тот самый момент я понял, как он мне нужен, и как я не хочу его терять. И что рано или поздно, но это произойдет.

Было ощущение, словно мне сказали, что у меня рак, и жить осталось немного. И я, как умирающий, бросился наслаждаться тем, что мне отведено, гоня от себя время. Перестав смотреть в календарь.

Мы виделись почти каждый будний день. Уезжали в свою квартиру на три – четыре часа. Суббота была нашей полностью. Я увозил Машу к ее

родителям, сидел с ними пару часов для приличия, а потом сваливал, а она оставалась. В воскресенье Данька обычно занимался, а я посвящал весь день Маше.

Маша – мне было ее жаль. Я не железный Феликс и видел, как мучаю мать своего ребенка.

Но остановиться уже не могу. Я как последний трус и эгоист, отдал право на выбор им. Ждал, кто первый из них меня бросит.

Смотрел на Машкин округлившийся животик, и понимал, что сам я не смогу выбрать. Особенно после ее нервного срыва.

Сегодня Данил сказал, что видеться мы будем теперь только по субботам, у него начиналась сессия. Еще одна суббота – и Новый год, который я тоже справлю не с ним. Данька парень не глупый, он все понимает и знает. Все, кроме того, что скоро я стану отцом. Но и того, что я живу с Машей, ему хватает.

Он тактично дал мне понять, что праздник я должен быть с ней.

Нет, он не говорит о моей семейной жизни, не напоминает, не спрашивает, не попрекает.

К ним просто приезжает родственник с Питера, и Данька бой курантов встретит с семьей, а потом убежит к друзьям.

Я понимаю, что он прав, что так надо. Я буду в праздник с Машей. Будем есть салаты и смотреть телевизор.

Десять дней назад состоялся суд над Данькиными братьями. На нем я познакомился с отцом Данила. Практиканта поначалу трясло, и он сам не знал от чего больше, от страха, что его батя нас заподозрит, или от самого процесса. Видя его состояние, я держался от него подальше и общался чисто официально.

Показания он давал через силу, не глядя на решетку, за которой находились родственнички. Когда меня вызвали, как свидетеля, и я рассказал, все что произошло в квартире, Данил смотрел на меня таким взглядом, что я сам думал – отец нас спалит.

По мере разбирательства, и того, как эти гандоны изворачивались и перли все друг на друга, Данькино лицо становилось злым. В глазах появился лед, губы поджаты. К концу процесса жалости к родственникам у него не осталось, и он спокойно принял решения суда упечь братишек за решетку. Витьке дали пять лет общего режима, а Антону четыре года.

После, я видел, как хочется Даньке поехать со мной, а не с отцом домой. Как он с тяжелым вздохом махнул на прощание рукой и залез в отцовскую машину. Этот его взгляд, благодарный, нежный, влюбленный. Мне было больно. Невыносимо. И я чуть было не решился расстаться с Машей.

Вернее решился, но она вытворила такое, что я не смог.

В тот день, когда я приехал домой, она была в хорошем настроении.

С порога обняла меня, прижалась целуя. Я ее отодвинул от себя:

– Машут, я же с улицы, холодный.

– От тебя морозом пахнет. Вкусно. Как все прошло?

– Нормально. Посадили этих ушлепков. Маш, нам надо поговорить.

– О чем? Что-то случилось? – она насторожено глянула на меня, забирая и вешая мою куртку.

Я не знал, как начать разговор. Прошел на кухню, сел за стол. Машутка взялась резать хлеб, намериваясь меня кормить.

– Маш, не надо. Я не хочу есть. Сядь, поговорим.

Она застыла с ножом в руке. Смотрит, и губы трястись начинают.

У меня рвет все внутри, а язык уже развязался.

- Маш, давай я алименты платить буду, содержать тебя. От ребенка я не отказываюсь, приму участие в его воспитании и все такое.

- Ты меня бросаешь? - начинает реветь, сразу - вздох.

- Солнце, ты ведь сама знаешь, так будет лучше. Ну, зачем я тебе? Я же только нервы тебе мотаю.

- У тебя кто-то есть. Я так и знала. Ты же клялся, что у тебя нет никакой бабы! Урод! - у нее истерика, срывается на крик, тычет в мою сторону ножом.

- Нет у меня бабы. Положи нож, порежешься - встаю из за стола, подхожу к ней, чтобы отобрать хлеботорез из руки, но она от меня шарахается.

- Не подходи ко мне сволочь. Ненавижу тебя урод. Что же ты со мной тварь делаешь?

- Машут, ну пойми ты, не создан я для семьи. Я не против ребенка, даже хочу его. Я люблю тебя, но не так, как тебе хочется, как тебе нужно. Ну, зачем я тебе жизнь калечить буду? Может, ты нормального мужика встретишь. А помочь я тебе всегда помогу, даже если замуж выйдешь.

Машку трясет, она уже не всхлипывает, а воеет. Меня от себя отталкивает со всей силы, так, что я врезаюсь в кухонный уголок, сгребая его собой.

- Пошел вон, козел! Ненавижу тебя! Ненавижу! Проваливай! Видеть тебя не хочу! Уйди отсюда! Уйди ии!

Надеваю куртку и ухожу. Пусть успокоится. И мне тоже надо взять себя в руки. Самого колотит. Она выскакивает за мной в коридор. В одной руке все тот же нож, другой швыряет мне в морду шапкой.

Я уже был на первом этаже, когда услышал душераздирающий вопль на весь подъезд:

- Димааааа!

У меня от него волосы на голове встали дыбом. Рванул назад, прыгая сразу через три ступеньки.

Машка сидит на площадке у нашей двери. Держит на весу свою руку, обхватив другой, глаза огромные, на лице ужас, а из локтевого сгиба - кровь фонтанчиком. Брызжет во все стороны: стены подъезда в крови, Машкино лицо, одежда - все в крови. Окровавленный нож на бетонном полу.

Потом все было как в дурном сне, словно не со мной. Помню, как выпростал ремень из штанов и перетянул Машке руку выше локтя. Помню, что вызывал «скорую», и орал на соседей, чтобы закрыли двери с той стороны,

как ругался на фельдшерицу, которая выговаривала Машке, что она дура безмозглая, и ее в дурничку везти надо. Что вены из-за мужиков резать, это последнее дело.

Мы ехали на «скорой» в больницу, и я прижимал Машку к себе, а она редела навзрыд и не могла остановиться, повторяя одно и то же:

-Димочка, миленький, не уходи. Не бросай меня, Димочка.

Медработники смотрели на меня как на врага народа.

Уже в больнице, когда Машка была в операционной, фельдшер, сдавшая ее врачу, вышла на улицу, где я курил. Она дернула меня за рукав, чуть не оторвав его вместе с рукой.

- Сволочи вы мужики. Баба беременная, а ты доводишь ее урод. Чтоб тебе пусто было. Отольются когда-нибудь и тебе бабьи слезки.

Отольются. Я знаю.

Машу оставили в больнице. Врач сказал, что нервный срыв, может спровоцировать выкидыш.

И вот после этого, меня словно вырубил. Я не помню, как и на чем доехал домой. Не помню, как отмывал площадку от крови, и как уснул.

Утром проснулся от звонка телефона. Звонил Влерьич, интересуясь, почему меня не было на рапорте, и где вообще меня носит.

Направляясь в туалет, я наткнулся в коридоре на ведро с окровавленной водой. Вот тогда меня и накрыло.

На работу я в тот день не пошел. Рванул к Маше в больницу. Генералу сказал, что ее увезли с угрозой выкидыша.

То, что вытворила Машка, в голове не укладывалось. Я злился на нее, винил себя, и хотел увидеть Даньку. Не знаю почему, но я больше думал о том, что его я теперь наверняка скоро потеряю, а не о Маше. И от этого было тошно.

Машка опять редела, прижавшись ко мне в больничном коридоре. И я дал ей слово, что не брошу ее. Сказал, что люблю.

Всю неделю, что Маша лежала в больнице, я проводил с Данькой на квартире допоздна. Два раза заночевали.

В тот день, когда Машу выписали, мы с ним не виделись. Я весь вечер был с ней, и мы даже занялись сексом.

А с сегодняшнего дня встречи с Данькой только по субботам. Может оно и к лучшему. Маше я сейчас нужнее.

Глава 34

Отец зашел в здание аэропорта, а Данька остался дремать в машине.

Было тридцатое декабря. На площади, перед аэропортом, установлена огромная ель, увешанная гирляндами и игрушками. В городе предновогоднее настроение. Толпы народа в магазинах, лотки с мишурой и всяческой новогодней атрибутикой. Прямо на улице выставлены искусственные и

натуральные елки, витрины переливаются всевозможными огнями.

Дома тоже суэта по случаю праздника и приезда питерского родича.

Мать всю неделю не давала им с отцом никакого покоя. В срочном порядке были поменены обои и потолочная плитка. Заменены на окна шторы, а на полу покрытие.

Приобретена новая люстра, диван и плазменный телевизор огромного размера.

Мать не хотела «ударить в грязь лицом» перед столичным гостем.

Для нее что Москва, что Питер – один хрен. А их провинциальный городок – деревня. И не важно, что корни родственника из этой самой деревни, родился и вырос-то он в Питере.

Отец психовал, но делал все, что велела мать.

Данька возмущался, что у него сессия, но никого это не колыhalo. Столичный гость важнее какой-то сессии, тем более что Даня умный, Даня сдаст, даже если не спал полночи, клея гребаные обои.

С Дмитрием ему удавалось общаться только по телефону, и то урывками. Устал он за эту неделю так, что Новый год был не в радость. Не хотелось ровным счетом ничего. Только спать. Даже трахаться не хотелось. Хотелось просто завалиться рядом с безопасником, уткнуться в его подмышку, сложить на него руки и ноги и дрыхнуть.

Он как раз задремал, когда двери машины открылись и послышались голоса.

Отец уселся за руль, что-то бурча себе под нос. На заднее сидение сначала плюхнулась сумка, а затем, кряхтя забрался пассажир.

Данька обернулся к новоиспеченному родственнику.

– Здравствуйте – кивнул он, разглядывая грузного дядьку. Тот улыбнулся ему во всю лощенную харю.

– О, Артамон, это сынок ваш? Красавец какой! Хорош!

Данька смутился.

– Да вот, отпрыск. Ну что, поехали домой? Данька, пристегнись. Гаишникам на новый год денегат срубить надо, тормозят на каждом углу – пожаловался отец гостю.

– У нас они тоже перед праздниками лютуют. Да и без праздников. Может в гостиницу сначала?

Отец с удивлением обернулся к Гоше.

– А на кой тебе гостиница? Ты что, у нас остановиться брезгуешь что ли?

Тот замахал руками:

– Что ты, что ты! Мне неудобно просто вас стеснять.

– Не пори ерунду. Все, поехали, Танюха ждет.

Родственник оказался мужиком компанейским, особенно после пары рюмок корейской водочки. Покушав, все семейство перебралось из кухни в зал, прихватив закуску и выпивку. Мать достала фотографии Петра

Алексеевича. Некоторые снимки были еще дореволюционные, а один вообще старый, как нарисованный: на нем сидели двое усатых мужчин в куртках и шляпах – котелках, а между ними стоял мальчик лет десяти, в бархатных курточке и бриджах, на ногах чулочки и башмачки с пряжками. На обратной стороне фотографии выцветшая надпись красивым почерком: «1863 годъ»

- Ничего себе! – присвистнул Георгий – Это же, наверное, отец деда, маленький еще. Прадед мой. Блин, на папку похож, до ужаса. Вот смотрите. Он вытащил из кучи фото, снимок Бориса, примерно десятилетнего возраста, и положил рядом со старой фотографией. Схожесть была феноменальной.

Снимки действительно были интересными. Можно сказать – историческими.

На одной из фотографий, Петра Алексеевича целовал в щеку Брежнев, пожимая при этом ему руку.

- Это твоему деду орден на одном из съездов вручили.

Георгий заинтересовался.

-А много орденов у деда? И где они сейчас?

- Ну, было несколько. Так мы его, когда хоронили, все ордена в гроб, на подушечку положили. Он наказал, чтобы обязательно с ним захоронили.

Данька ухмыльнулся. Родственничек-то, ушлый видать. Ордена сейчас в ходу, за них денежку можно не плохую выручить. Это мамка с папкой, простые, как три рубля, им ничего не надо. После этого вопроса Гоши, у Даньки к нему появилась неприязнь. Батя тоже поморщился.

-Гош, а чего твой отец с дедом не поделили, не знаешь? – Мать всегда мучил этот вопрос. Но как она не пыталась Петра Алексеевича, он молчал, как партизан.

-Да чего не поделили...Лицемером дед был. Революционер фигов. Все равны, называется. Не хорошо конечно о покойниках такое говорить, но козлом дед был. Мать у них горничной работала. Убирала, стирала, готовила. Вот тебе и смерть буржуйам. Только коммунаги, те, что у власти были, не сильно от тех самых буржуев отличались. Прислугой не гнушались. Вот мать и была в прислугах. Отец в нее влюбился, стали встречаться. Батя, тогда только институт закончил, на архитектора выучился. А мамка тоже студенткой была, на заочном в педагогическом училась, ну а у них подрабатывала.

Дед, когда узнал о них с отцом, орал, что мать батю не пара. Что не фиг с прислугой якшаться. Мамка в общаге тогда жила, она сирота. Ну, батя снял домик в частном секторе и ушел от родителей. Так дед устроил так, что мамку из института и комсомола исключили, за якобы аморальное поведение. А мужика, который им дом сдал, чуть не посадили с конфискацией имущества. Тогда-то они в Питер и уехали, батю как раз предложили там проект. Отец писал деду с бабкой, но они знать ничего о нем не хотели. Считали, что он их опозорил, подвел. Даже когда я родился, и отец им написал об этом, сделали вид, что письмо не получили.

В общем, никакой реакции. А потом случилось несчастье. На одном из объектов, что батя проектировал, оборвался трос на кране. И груз полетел вниз. Отец как раз стоял под ним. Чудом жив остался. Только вот пластина теперь в голове, да позвоночник сломан. В инвалидном кресле на всю жизнь оказался. Когда мамка сообщила деду, тот даже не дослушал, трубку бросил. Сказал, что сын для него умер несколько лет назад. Мы даже не в курсе, знала ли бабушка о несчастье с отцом. Сказал ли ей дед. Но никто из них ни разу не поинтересовался, как там их сын. Ни письма, ни звонка, ни тем более приезда.

Татьяна сидела потрясенная. У нее в голове не укладывалось, что Петр Алексеевич и Варвара Владимировна были такими жестокими людьми.

А Данька думал о том, что уж если от сына могли отказаться из-за девушки, которую считали ему не парой, то, что тогда ожидать, если родители узнают что их сын гей.

Ему стало страшно. Представил, что отец с матерью отказываются от него и ком подкатил к горлу. Он дал себе слово, что родители никогда не узнают о его ориентации. И теперь он начинал понимать Дмитрия и сочувствовать ему. Как же сложно, наверное, все время притворяться любящим мужем. Ложиться в постель с женщиной, когда тебя тянет на мужчин.

Голова разболелась, мысли путались. Он не знал, как ему жить дальше. Что говорить родителям, когда ему будет за тридцать и мать начнет ждать от него внуков. Как отмазываться от вопросов про девушек, которые задаются уже сейчас. Отец с дядькой постоянно выпытывают у него, много ли он испортил девчонок. Даньке стало так плохо, что захотелось немедленно уйти и не слышать голоса родичей.

Лишь один голос ему был сейчас нужен. Жалость к себе и к Дмитрию давила невыносимо. Ему нужен был сейчас безопасник. Хотелось обнять его крепко-крепко и целовать колючие щеки, сухие жесткие губы. Пожалеть, приласкать.

- Сына, ты что, опьянел что ли? – услышал он материн голос и почувствовал ее мягкую руку у себя на лбу.

- Голова болит. Я пройдуся, пойду.

- Совсем загоняла ты мать пацана. Еще учеба эта, мозги закипят от всей той хрени, что сейчас учат. Может тебе полежать лучше? – Отец тоже с беспокойством смотрел на него. И Данька от их заботливых любящих взглядов зареветь был готов.

Он замотал головой.

-Нет, пойду воздухом подышу. Прогуляюсь.

-Долго не шарься. Вечером елку наряжать будем – улыбнулась ему мать.

- Без меня не нарядите что ли? – Данил быстро оделся, сунул в карман телефон и уже открыл дверь, чтобы выйти, когда отец окликнул его.

-Дань, ты это, девушку свою на Новый год к нам пригласи. Посидите с нами немного, а потом пойдете, куда вам надо.

Данька застыл.

- Пап, какая девушка, я же в учебе весь. Мне не до девушек сейчас.

- Ну, ну. А пропадал те недели у кого тогда? Да еще и с ночевками?

Данил уже собрался ответить, что с друзьями занимался, когда поймал на себе насмешливый взгляд Георгия и поперхнулся словами.

Молча, повернулся и вышел. Сердце стучало как бешеное.

Он почему-то знал, что Гоша все про него понял.

Выйдя из подъезда, дрожащими пальцами достал телефон и нажал на вызов.

Дмитрий еще на работе, но сил ждать у Даньки не было.

Как только сработало соединение, он выпалил в трубку:

- Дим, ты можешь сейчас подъехать?

- Что-то случилось?

- Хочу тебя видеть. Сейчас.

- Часик подождешь? Мне здесь край закончить надо.

- Хорошо. Жду тебя в «Славянской кухне».

До кафе он доехал за двадцать минут. Заказал себе водки и малосольных огурчиков. Смотрелось это со стороны, наверное, позорно, но ему было плевать. Хотелось напиться. Когда в кафе появился Дмитрий, Данька уже был изрядно под шафе.

***

Я сразу понял, что с практикантом что-то не то. По голосу, по тому, как он нервно дышал в трубку. Работы в последние дни года было до хрена. Еще и корпоратив вечером в ресторане. Я идти не собирался, сославшись, что Машка плохо себя чувствует, но генерал настаивал, чтобы я присутствовал хотя бы на вступительной части.

Когда я приехал в кафе, Данька был пьян. Сидел в одиночестве и глушил водку практически без закуски.

И я понял, что ни на какую вступительную часть я не пойду. Отключил телефон, и повез Данила на нашу квартиру.

Всю дорогу он молчал, как я его не пытал, что случилось.

А не успели мы зайти в коридор и раздеться, как он вдруг прижался ко мне, схватив за шею и притягивая мою голову к своим губам.

- Я тебя люблю, Дим. Я так тебя люблю - еле слышный шепот в мое ухо.

Меня словно порвало всего внутри. В груди что-то булькнуло, я не узнал свой голос:

- Я тебя тоже. Люблю.

Глава 35

- Машенька здравствуй. Сергей Валерьевич на проводе. С наступающим тебя.

- Здравствуйте Сергей Валерьевич. Спасибо, вас тоже.

- Машут, а благоверный дома?

- Нет. А он разве не на работе? Он говорил, что задержится сегодня.

- Ну да. Корпоратив у нас. Разминутись значит, сейчас подъедет. А телефон, по-видимому, разрядился, вот я тебе и звякнул. Жаль, что ты плохо себя чувствуешь, а то бы посидели.

- Сергей Валерьевич, я, правда, себя чувствую неважно. Следующий, ни за что не пропущу.

- Ну не хворай. Береги себя и малыша. Чтобы богатыря родила.

- Вы знаете? – удивилась Маша.

- Ну а как же! Димка же сразу похвастался, что папашкой станет. Рад до усрачки. – хохотнул Сергей Валерьевич – Ну ладненько, С Новым годом тебя еще раз, и всего тебе хорошего и много. Пока.

Машу расстроил звонок директора Хладокомбината.

« Почему Дима не сказал ей про корпоратив? Не хотел идти с ней? Раньше он на все праздники брал её с собой. Если бы не хотел, чтобы ее с животом видели, не сказал бы о ребенке генералу. А так, ничего не понятно. Значит он все же рад ребенку. Хвастается»

Её мысли прервал очередной телефонный звонок.

Звонила ее подруга Анжела.

- Маш, слушай, а кто у вас в новом районе за городом живет?

- Никто, а что?

- Да твоего недавно видела. Мы с Володькой к его другу приехали, он пошел к нему забрать кое-что, а я в машине осталась. Смотрю, тачка ваша подъехала. Дмитрий и парень какой-то, пьяненький. Димка его чуть ли не на себе в подъезд ташил. Потом мой позвонил, сказал, чтобы я поднималась. Вот мы сейчас все еще у Кирилла сидим, а Димкина машина так и стоит под окнами. Уже час, как стоит.

Маша лихорадочно старалась вспомнить, кто из Димкиных знакомых живет в той стороне. И вдруг поняла, что не знает о друзьях и знакомых мужа ничего. Даже у мамы его ни разу не была. И сказал ли Дмитрий своей матери, что у него будет ребенок, тоже не знает.

Анжела говорила в трубку что-то еще, но Маша слушала ее вполуха.

Дмитрий значит не поехал в ресторан, поэтому Сергей Валерьевич и

потерял его. И трубку он отключил специально, чтобы директор до него не дозвонился.

- Маш, ну ладно, пока. - вклинился голос подруги в её мысли.

- Подожди. А какая улица говоришь, какой дом?

- Звездого двадцать девять.

- Вы долго еще там будете?

- Да ночевать, наверное, останемся. Выпили, за руль теперь не сядешь.

- Позвонишь, как он уедет, если увидишь, конечно.

- Позвоню. Стол у окна как раз стоит, двор как на ладони. Думаешь, он того, гуляет что ли?

- Не знаю Анжел. Может они с парнем этим к девкам приехали?

- Подожди, сейчас у Кира спрошу, есть ли в их подъезде девочки не замужние. Этот кабель, наверняка, должен знать.

Маша с нетерпением ждала, когда подруга закончит разговор с Кириллом. Она улавливала лишь обрывки фраз.

- Слушай, Кир говорит, что часто вашу машину у подъезда видит. Запомнил, потому что сам такую тачку хочет. И Маш, как бы тебе это сказать...

- Ну, говори - от нехорошего предчувствия в горле встал ком, и на глаза тут же навернулись слезы.

- Несколько раз машина ночевала у подъезда. Про девчонок Кирилл не знает.

Маша всхлипнула в трубку, не в силах сдержаться.

- Так подруга, не реви. Бери такси и дуй сюда. Сама за руль в таком состоянии даже не вздумай садиться. Мы им сейчас устроим кузькину мать. Будут знать, как чужих мужиков от беременных жен уводить.

Маша слышала, как Анжеле что-то говорят мужики. Потом в телефоне раздался голос Владимира.

- Маш, не слушай ты Анжелку. Может у него здесь правда друг живет. Приезжай, конечно, если хочешь.

- Нет Вов, я не поеду. Приедет, спрошу, кто у него там живет.

- Вот и правильно. Нечего панику раньше времени разводить. Подругу дать?

- Давай.

От сочувствующего голоса подруги было только больнее.

- Не приедешь?

- Нет Анжел. Не забудь позвонить, если увидишь что-нибудь. С кем он из подъезда выйдет.

- Хорошо. Не расстраивайся только. Все они уроды и козлы, и слез наших не стоят.

- Ладно, гуляй иди, а то все веселье пропустишь. Жду твоего звонка.

- Да какое уж тут веселье. - вздохнула подруга - Пока. Держись там.

Маша отложила телефон, прошла в ванную и умылась холодной водой. Хватит реветь, слезами горю не поможешь. Димка ведь говорил, что пока она в положении он гулять будет. А раз он не один к этим бабам приехал, то значит это просто перепих. Она попыталась вспомнить, когда он не ночевал дома, и до нее вдруг дошло, что не ночевал он, пока она в больнице была. Слез сдержать не получилось, разревелась, уже навзрыд. Она идиотка, из-за него вены вскрыла, чуть не сдохла, а ему плевать. Ему только на руку, что она в больнице оказалась. Он к этой своей сразу рванул. И сегодня, даже на корпоратив забил, опять к ней уехал. А парень с которым он был, брат, наверное, этой девки.

Маша лихорадочно начала искать ручку с листочком. Надо адрес записать, пока она его не забыла.

Хрен она отдаст отца своего ребенка какой-то бабе. Вот родится малыш, тогда посмотрим, чья возьмет. Димку спрашивать про Звездого она не будет, сделает вид, что ничего не знает. Только про звонок Сергея Валерьевича скажет.

*****

Хотел Даньку уволочь в душ, мозги от водки промыть, но он уперся

- Не хочу. Хочу быть пьяным. И вообще, я что, зря пил что ли? - Сел за кухонный стол, подпер голову руками, и смотрит на меня.

- А чего накушался-то? Что за горе? - я включил чайник, достал из холодильника колбасу. Хлеб засох, а свежий не купили. Нашел замороженные чебуреки. Пойдет. Сейчас пожарю.

- Никто нас не понимает. - тяжело вздохнул практикант.

Вообще мне он пьяным нравился. Смешной.

- А поконкретнее?

- Дим, а где у тебя предки? Я ведь о тебе не знаю ни черта. Где учился, на ком женился.

Я поставил на плиту сковородку с маслом, попутно отвечая на Данькины вопросы. Никогда не разговаривали о моей семье. Наверное, пришло время.

- Ну, отец у меня сдох. Мамка вышла замуж, мужик моложе ее на десять лет. Живут уже лет пятнадцать вместе.

- А сколько твоей мамке? И почему сдох? Он плохой отец был?

- Шестьдесят один в этом году стукнуло. Батя уродом был, каких поискать.

- Пил?

Я усмехнулся.

- Если бы пил. Так нет, вообще не употреблял. Крыша у него ехала. Конкретно так планка падала. Заводился на пустом месте. Дубасил мать за каждую ерунду. Не так спланировала, не так сказала, не то одела или не на того посмотрела.

- Ужас, какой-то. А почему она не развелась с ним?

- Дура потому что. Без отца все боялась меня оставить. Сына без мужика растить не хотела, как она говорит. Все терпела. Постоянно в синяках. По лицу гад никогда не бил, чтоб люди не видели. Все помню, ей завидовали. Мужик хозяйственный, все в дом, не пьет, не курит. Я бы лучше без него рос, чем видеть, как он её избивает.

- А тебя тоже бил?

- Неа. Никогда руку на меня не поднимал. И что самое интересное, за мать он глотку любому бы перегрыз, обидь ее кто. Был случай, брат его двоюродный у нас гостил. Напился в одно рыло и давай как свинья себя вести. Мамка попыталась его урезонить, он ее нахуй послал. У бати крышу вмиг сорвало. Отмудохал родственничка по полной программе. А на следующий день тот чуть ли не на коленях прощение у матери просил.

- Ты его совсем не любил?

- Я его ненавидел. Единственное за что я ему благодарен, это то, что он со мной спортом занимался. В четыре года я уже по боксерской груше лупил. Тренажер, где-то мне откопал. Дефицит тогда страшный. Стенку. В ней велосипед был приставной, тележка и всякие прикамбасы. Да чего только у меня не было из спортивного инвентаря. Все пацаны завидовали. Когда мне тринадцать исполнилось, он уже мать не трогал. Я ему как-то раз, спокойно так сказал, глядя прямо в глаза, что вырасту и убью его. До этого всегда плакал и кричал, что ненавижу и убью, он воспринимал, как истерику детскую. А на этот раз, понял, что я его действительно ненавижу. И что-то сломалось видеть в нем. Когда крышак

рвало, громил все дома, но мать больше не трогал.

- А от чего он умер?

- Инсульт. Кровоизлияние в мозг. Сидел, ел. Хлоп и упал. До больницы довели, но сделать уже ничего не успели.

- И сколько ему лет было?

- Сорок два.

- А сейчас у мамки твоей хороший мужик?

- Пьет. Тихий, но пьет. И работать никогда не любил. Поэтому я стараюсь к ним не ездить, чтобы не сорваться и по башке ему не настучать. Дуры бабы. Вечно их на всяких говнюков тянет.

- А Маша твоя тоже дура?

Я посмотрел на Данила. На лице у него сожаление, сочувствие. Кому? Матери моей? Машке? Мне?

- И она дура.

- А ты говнюк?

- Первосортный.

Масло зашипело, когда я опустил в него замороженные чебуреки. Я не любил вспоминать свое детство.

Ничего не было в нем хорошего. Вернее, была материна безмерная любовь, которой она старалась загладить выходки отца. Было благополучие в материальном плане. Игрушки, книги, одежда, сладости – всего вдоволь и самое лучшее. В четыре года я уже умел читать и писать. В шесть решал уравнения за третий класс. Учился на пятерки, но при этом был непоседой и хулиганом. Постоянно нарывался на драки. А в пятнадцать избил пацана младше себя на год. Ни за что, просто так. Он нечаянно налетел на меня в школе. Избил сильно, до больницы. Меня чуть не отправили в спецшколу. Спасло только то, что учился я хорошо и учителя написали отличную характеристику. Да батя подсуетился, сунул денег родителям парнишки, да ментам. Он тогда посадил меня напротив себя, и долго, нудно втюхивал мне понятия о жизни. Он был не из работяг. Ездил на какие-то стрелки, и чего-то крутил и мутил. Я до сих пор не знаю, чем он занимался, и откуда у нас были бабки. Догадываюсь, конечно, но если честно, то не сильно-то и знать хочу. Тогда он мне разжевал, что на зоне сидят только придурки. Что от сумы и от тюрьмы, конечно, зарекаться не стоит, но и рваться туда тоже. И что меня он хочет видеть адвокатом. Адвокатом я конечно не стал. Но юридический закончил.

Я отогнал от себя воспоминания и обернулся к Даньке. Он чего-то притих.

- Чебуреки готовы.

- Дим, а как ты думаешь, мать бы от тебя отказалась, если бы

узнала, что ты гей?

- У тебя дома что-то случилось? Родители спалили?

- Нет - помотал головой Данил. - Не спалили. Просто я думал сегодня, что будет, если они вдруг узнают.

- Не знаю Данил. Моя мать, наверное, не отказалась бы. Но я не хочу, чтобы ее инфаркт хватил. Вот отец, был бы живой, наверняка бы прибил. Кушай, давай.

Практикант взял чебурек, подул на него.

- Горячий. Мы ночевать здесь останемся или тебе домой надо? Если что, езжай, а я останусь. Не хочу сегодня домой. Там родственник этот.

Мне очень хотелось остаться с ним. Данька признался мне сегодня в любви, на Новый год мы не увидимся. Нет, я не могу от него сейчас уехать.

- Останемся. Только я домой позвоню. Не обидишься, если я в подъезд выйду?

- Не обижусь. Ладно, схожу пока в душ. Иди, звони.

Я вышел в подъезд и включил телефон. Пять пропущенных от генерала. Он меня прибьет.

Позвонил сначала ему. Трубку долго не брали, потом соединение и звук машин. Наверное, на улицу из ресторана выскочил. Там, напротив дорога.

- Говори. Оправдывайся. В больницу попал? В морг? В задницу?

Мне стало смешно. Почти угадал.

- Валерьич, не злись, а..

- Только вот не ври, что с Машкой плохо, и ты с ней сидишь. Я ей звонил.

Я вздохнул. Хреново. Сдал меня с потрохами.

- У дамы я одной. Ну, очень нужно было.

- Кобель. Бабы на первом месте. Тьфу, на тебя. Ладно, выйдешь на работу, погугорим.

Отключился. Чего же Машке-то теперь врать? Трубку она взяла сразу, будто в руке телефон держала.

- Дим, ты где? Тебя Сергей Валерьевич потерял.

- Я знаю. Говорил уже с ним.

- Так ты не в ресторане?

- Нет. Маш, я у друга. Его жена бросила и ему хреново, совсем. Я у него заночую, а утром, как штык.

- Что за друг?

- Приятель старый. На улице случайно встретил. Он идти даже не мог. В сиську пьяный. Вот я его и подобрал, да до дому довез. Мы здесь выпили еще немного, и я вот за руль теперь никак.

- На автобус садись или такси вызови.

- Маш, ну как я его брошу? Человеку совсем плохо.

- Приезжай с ним.

- Он не хочет никуда ехать. Я звал. Просит меня остаться.

- Дай ему трубку.

Я обалдел. Это что за проверки начались? На место вины пришло раздражение.

- Маша, не ставь меня в неловкое положение. Я не мальчик, чтобы трубки друзьям совать для отмазки от мамы, а ты не моя мама. Я у друга. Приеду утром. И не вздумай что-нибудь с собой сделать. Подумай о ребенке. Все, пока.

Настроение испортилось совсем. Зашел в квартиру. Данька все еще плескался в душе. Я разделся и пошел к нему.

****Глава 36

В детстве и юности Новый Год я любил. Но с возрастом праздник все больше терял свое очарование.

И если прошлый год, мы с Машей справляли в кругу ее друзей - молодых и веселых, но абсолютно мне чужих, то в этот раз решили поехать к ее родителям. Еще более чужих для меня.

Мои умотали к друзьям отчима. Про Машкину беременность я им так и не сказал.

Когда утром тридцать первого закончил телефонный разговор с матерью, Машка смерила меня уничтожающим взглядом.

- Я смотрю, ты не торопишься свою маму порадовать, что она бабушкой скоро станет.

- Вот когда станет, тогда и пораду.

-Ты хочешь сказать, что до рождения ребенка ты меня от нее прятать собираешься?

- Ничего я не собираюсь. Ну, скажу я ей, это что-то изменит?

- Дим, ты что, не собираешься ее навещать? Ты уже третий месяц только по телефону с матерью общаешься.

- Будет время, съездим. У меня сейчас дел полно.

- Каких таких дел? Друзей пьяных ублажать - твои дела? У тебя твои дружки на первом месте. Что на меня, что на мать тебе плевать. И на ребенка тоже, как я посмотрю.

Блядь, как же задолбали меня эти семейные разборки. С каким удовольствием я сейчас бы сидел на «Звездого» и слушал Данькину болтовню об универе, о его однокурсниках и фильмах.

Первого числа, вечером, заберу его на квартиру, устроим свой Новый Год.

У Машки опять глаза на мокром месте. Беременные бабы - хуже капающего крана. Весь мозг проковыряют за девять месяцев.

- Солнце мое, давай хотя бы сегодня без истерик и претензий. Ты же не собираешься к своим родителям ехать зареванная?

-Дим, может первого поедим к твоим?

- Смотреть на похмельного Виктора? Нет уж, уволь. К ним мы третьего съездим, слово даю.

- А ты подарки купил?

- Вообще-то ты как примерная сноха, сама могла бы об этом позаботиться. Про своих-то наверняка не забыла? Готовь пока, чего ты там собиралась, а я по магазинам.

Машка сидела пристыженная. Пользуясь моментом, я смылся из дома.

Про подарки у меня из головы вылетело начисто. Я их не купил вообще ни кому. Ни самой Машке, ни Даньке, ни родичам. В магазинах, наверное, сейчас голяк.

Машке подарю золото. Матери какой-нибудь комнатный цветок, она на них помешана. Сколько не дари - все мало. Отчиму рыболовные снасти, он рыбак заядлый. А вот что дарить Даньке?

Я блин даже не знаю, что ему хочется. Какой же я придурок, даже не поинтересовался, что ему нравится, помимо жрачки, выпивки и фильмов. Видеокамера! Точно! То, что нужно!

Заодно я решил прикупить елочку и игрушки, шампанское, коньяк, фрукты и всякие деликатесы и отвезти всё на хату. Завтра будет некогда возиться. Сделаю практикантику сюрпрайз.

Домой вернулся уже вечером. Машка «оборвала» мне весь телефон своими звонками. Я врал, что стою в бесконечных пробках и очередях в магазинах. Что все хорошее уже раскупили, и выбрать подарок проблематично.

Вернувшись домой, застал её с красными глазами и надутыми губами. Цветов в итоге я набрал всем – матери, теще, ну и конечно Машке. Тестю и отчиму навороченные удилища и всякую рыболовную хрень в довесок. Спускаться к машине мне пришлось два раза. Последние цветы я уже занес для Маши. Не комнатные, как матери и теще, а огромный букет белых роз – она любит такие.

Пока я сегодня наряжал елку на нашей с Данькой квартире, думал о ребенке, о Маше, о нас всех. Я ведь по идее, сделал свой выбор в пользу семьи. А значит нужно идти до конца. Нужно дать ребенку свою фамилию, узаконить наши с Машей отношения. Даньку я люблю, но я не настолько сильный, чтобы бросить все ради него. Я боюсь. И мне только остается молить Бога, чтобы он понял меня и не бросил.

Маша расплакалась и кинулась мне на шею, когда я протянул ей розы и обручальные кольца.

– После Нового Года подадим заявление – сказал я, больше себе, чем ей.

***

Данька с утра, вместе с ребятами затаривал квартиру, где они собирались гулять. Девчонки готовили закуски и наряжали искусственную елку, притащенную одним из парней. Развешивали по стенам гирлянды и мишуру. Стулья, посуду, музыкальный центр, продукты, выпивку – все завозилось, закупалось и собиралось тридцать первого. Квартиру сняли на двое суток, оплатив чуть ли не тройной тариф. Собралась почти вся группа. Многие, как и Данька, решили посидеть немного с родителями, а уж потом присоединиться к оставшимся на квартире товарищам. Двое парней с машинами вызвались собрать и привезти «маменькиных чад», как они выразились, причисляя к ним и себя.

Дома тоже суэта. Георгий, как оказалось, был любитель готовить. Они скорефанились с Иваном, и совершили рейд по магазинам, закупив на Данькин взгляд всякую фигню. Но Гоша колдовал над этой самой фигней, превращая ее в какие-то немыслимые блюда, оккупировав кухню.

Мать крутилась тут же, готовя дежурные сельдь под шубой, оливье, голубцы и вычитанные в интернете новые салаты.

Отец с Иваном решили вспомнить молодость – вытащили из гаража самодельную цветомузыку, от вида которой Даньку долго трясло от смеха, и пытались вернуть её к жизни. Данилу пришлось бежать в "Канцтовары" и покупать акриловые витражные краски, и кучу лампочек в придачу.

Было весело смотреть на отца и дядьку, самозабвенно красивших лампочки и смакующих наперебой воспоминания их молодости. Они с таким увлечением вспоминали, как они справляли Новый Год в свои семнадцать, что Данька невольно им завидовал.

Ему было интересно, а у Дмитрия, тоже есть что вспомнить? Как он отмечал Новый год в этом возрасте?

Даньке вспоминать особо было нечего, кроме страха спалиться

попьяне перед одноклассниками. Поэтому он не ходил ни по каким праздникам, а сидел дома с родителями.

Возникло огромное желание позвонить безопаснику. Но Данька представил, как под бой курантов тот целует и обнимает свою Машу, и стало обидно и грустно. Умом он все понимал, но вот сердцу было больно.

Радости от предстоящей гулянки с друзьями не было. Новогоднее настроение улетучилось. Звонить Дмитрию расхотелось.

Уже когда они сидели за столом, и до Нового Года оставалось полчаса, безопасник позвонил сам.

Данил выскочил из-за стола, и убежал в свою комнату, принимая вызов.

- Еле дозвонился. С наступающим тебя, солнце.

- Тебя тоже - Данька не ожидал от Дмитрия такого обращения. Никогда еще тот не называл его «солнцем», или другими ласковыми прозвищами. Он вообще был скуп на телячьи нежности, в виде слов. И на душе потеплело от этого - «солнце».

- Я за тобой заеду завтра, часиков в шесть. Ты рассчитывай на всю ночь. Будем свой Новый Год справлять.

- А что ты дома скажешь?

- Это мои проблемы. Я соскучился по тебе.

- Вчера же виделись.

- То было вчера, а сегодня праздник, и поверь, я бы очень хотел встретить его с тобой.

- Говорят, как Новый Год проведешь, так весь год и пройдет. С кем встретишь, наверное, тоже. - Данил не хотел упрекать Дмитрия, но слова сами вырвались и горечь в них. Несколько секунд в трубке только молчаливое дыхание, и Данька уже жалел о своих словах.

- Даня, я тебя люблю, слышишь? И этого не изменишь, с кем бы я ни справлял Новый Год. Ты запомни это, пожалуйста. И прости меня.

- Жду тебя завтра. Целую. - Данька отключился.

Почему нет радости от признания Димы? Почему так плохо и грустно?

*****Глава 37

До Нового Года оставалось меньше часа. Я не очень жаждал оказаться в компании новых родственников, поэтому тянул с поездкой к ним, сколько мог. Машка настолько обрадовалась перспективе регистрации, что сделала

мне неплохой миньет, и я не смог отказать ей в сексе. Так за ласками и протянул время почти до двенадцати. Зато на дороге никаких пробок и мы быстро доехали до дома ее родителей.

Мои будущие тесть с тещей не питали ко мне теплых чувств, как впрочем и я к ним. Все-таки родители, наверное, чувствуют, когда партнер их ребенка не любит его по-настоящему.

Машутка с порога продемонстрировала им кольцо на своей руке. Такой сияющей и счастливой, я не видел ее несколько последних месяцев.

Ольга, мать Маши, увидев довольную дочь, смерила меня взглядом:

- Ну, наконец, разродился. Когда регистрация?

- Сразу после праздников пойдем заявление подавать. Думаю, не на торжественное оформление очереди нет – я сунул ей упакованный горшок с цветком и ретировался к машине, за пакетом с продуктами и удочкой для тестя.

Не удержался и позвонил Даньке.

После разговора с ним настроение совсем испортилось. Подниматься в квартиру не хотелось. Стоял у машины и курил одну за другой. Было огромное желание сесть за руль и рвануть к Данькиному дому. Дверь подъезда хлопнула, я бросил окурки на снег и обернулся. Павел – тесть. Молча, вытянул сигарету из пачки, которую я так и держал в руке. Так же молча, прикурил от подставленной мной зажигалки.

Затянулся, глубоко, с наслаждением, и только потом впери на меня тяжелый взгляд.

- Зачем все это, если не хочешь?

- Что, это?

- Ты прекрасно меня понял, не придуривайся. Тебя же не заставляет никто на ней жениться. Внука и без тебя поднимем. Сейчас матерями одиночками никого не удивишь.

Что ему ответить? Что я гомик, и привык прикрываться Машкой? А теперь еще и ребенок – очень надежный щит. Но ребенка я вроде как действительно не против иметь. Смешно. Смешно, потому что у меня нет оправданий моему эгоизму. Смешно так, что хочется плакать. Врать, что я люблю его дочь – не поверит. Курит, смотрит и ждет ответа. Красивый кстати мужик. Машка в него. Пожимаю плечами, доставая очередную сигарку:

- Я сам своего ребенка воспитаю. Чем я для твоей дочери плох?

Он выдергивает у меня сигарету, бросает в сугроб вместе со своим окурком.

- Мутный ты. Пошли, за стол пора.

Скучно. Нажрались до отвала и вперились в телевизор, экран которого мелькал всеми каналами с периодичностью в десять минут, Павел искал что-нибудь стоящее. Машка с Ольгой не выдержали, ушли секретничать

в спальню. Я задремал под песни Сердючки. Из полудремы меня вырвал восторженный визг Маши.

- Димка, он пинается!- Она подлетела к дивану, на котором я полулежал, и, схватив мою руку, прижала ее к своему животу. Я ощутил слабый толчок прямо в ладонку и от неожиданности отдернул ее. Глядел на Машкин живот, и видел, как он вздрагивает, то в одном месте, то в другом. Она смеялась, прижимая к этим местам свою руку, ловя эти пиночки крошечного человечка внутри. Нашего с ней человечка. И я сдался. Капитулировал в пользу ребенка безоговорочно и твердо.

Первого мы уехали от тещи с тестем, после обеда. Послonyaвшись для приличия по дому около часа, я заявил, что мне надо на работу съездить, проверить все ли там хорошо.

Машка сразу сникла, явно мне не поверив, но возмущаться не стала. Попросила только очистить снег от ее машины, пока я не уехал.

- Собралась куда-то?

- А чего дома-то сидеть? Поеду к кому-нибудь из девчонок съезжу.

- Маш, я может, не приеду ночевать, мы с мужиками посидеть хотели. Сегодня завгар и остальные подъехать собирались.

- Опять сауна и бабы?

- Никаких баб, обещаю.

***

Сюрприз получился. Данька, увидев елку и украшенные гирляндами стены, присвистнул.

- Ого! Когда успел?

- Нравится? Там под елкой подарок.

Он растерянно смотрит на меня.

- А я тебе ничего не купил. Блин, прости.

- Лучший мой подарок - это ты, - подталкиваю его к елке.

Он срывает с коробки видеокамеры новогоднюю обертку и застывает. Радость на лице сменяется сомнением и растерянностью.

- Дим, это слишком дорого. Не нужно было.

- Не каждый же день я тебе подарки делаю, так что могу себе позволить.

- Спасибо - улыбается. Достав камеру из коробки, начинает в ней разбираться, забыв о моем существовании.

Я включаю музыкальный центр на всю катушку и ухожу на кухню, чтобы накрыть стол. Хочу праздника.

Практикант появляется минут через двадцать и начинает меня снимать.

Я дурачусь и корчу рожи. Он хохочет, ставит камеру на холодильник,

так чтобы нас было видно и присоединяется ко мне.

На маленьком экранчике наши морды рядом, кривляющиеся и хохочущие. Целуемся – красная лампочка исправно мигает. Данька снова хватает свою игрушку, и, наведя ее прямо мне в лицо, приказывает:

– Быстро в комнату и раздевайся.

Он снимает меня голого, и я позирую. Напрягаю мышцы на руках, как заправский культурист, играю мускулами груди, выдаю кубики пресса, шевелю стоящим членом. Данька смеется, и камера в его руках трясется.

Он подсоединяет ее к телевизору так, чтобы был виден разложенный диван.

Мы занимаемся сексом, скосив глаза на экран, и зрелище собственной порнухи возбуждает невероятно.

Раскрасневшийся, с полуоткрытым, тяжело дышащим ртом и лихорадочным блеском в глазах – практикант, и я, трахающий его, и смотрящий прямо в телевизор, потому что не могу оторвать взгляд от парня на экране, под именем Данил. Черт, у меня просто рука не поднимется стереть эту запись.

Мы валяемся на диване до вечера, пока в животах не начинает урчать.

Наевшись, опять падаем на диван. Праздника не выходит. Такое умиротворение и лень, что не хочется вылизать из постели.

Камеру от телевизора отключили, и Данька смеется над каким-то фильмом, а я перебираю его волосы и стараюсь ни о чем не думать. Но когда стараешься, то думаешь еще больше. Как мне объяснить ему, что он мне нужен и что ничего страшного нет, в том, что у меня будет ребенок и Маша. Что я буду так же встречаться с ним, что ничего не изменится. Или я вру сам себе?

Данька поворачивает ко мне лицо, и я отгоняю все свои думки.

– Дим, мне на практику к вам выходить, или все-таки искать что-то другое?

– А когда у тебя практика?

– Да в принципе уже. Сразу после каникул.

– У тебя есть что-то на примете?

– Пока нет. Но можно поискать.

– На какой срок у вас практика?

– На два месяца. До марта, в общем.

– Ну, будем с тобой два месяца, как партизаны в тылу врага.

Он улыбается, глаза хитрющие.

– И ты даже не будешь гонять у нас в кабинете чай?

– Буду, даже чаще чем раньше. И буду изводить тебя своими плоскими

шуточками.

- Ну, ну. Посмотрим, кто кого еще изводить будет, - Больно кусает меня за сосок.

Черт, что творит паразит, след ведь наверняка останется. Пытаюсь скрутить его руки, но он сильный зараза, вырывается и спихивает меня на пол. Падает следом, приземляясь прямо на меня.

В этот раз камеру мы не включили.

***

Дима, как и говорил, ночевать не приехал. В сказку про завгара и работу Маша не поверила. Утром, не выдержав, села в машину и поехала по адресу, что дала Ангела. Зачем она это делает, и чего хочет добиться, она не могла себе объяснить, но ее тянуло на Звездого двадцать девять.

Машина Дмитрия была припаркована у третьего подъезда. Сердце сжимала такая тоска, что больно было физически.

Что теперь делать, Маша не знала. Стоять и ждать, когда он выйдет? Уехать, и опять сделать вид, что ничего не знает? Решить она не успела. Дверь подъезда открылась и из него вышли не знакомый ей парень и Дмитрий. Они о чем-то весело болтали и Дима смеялся. Улыбка буквально сползла с его лица, когда он увидел возле своей тачки машину жены. Парень недоуменно проследил за его взглядом.

Маша вылезла из машины, лихорадочно соображая, как объяснить свое присутствие.

- Что ты здесь делаешь? - голос у Дмитрия чужой, взгляд - страшный, так смотрят, когда ненавидят.

Она споткнулась об этот взгляд, схватилась за дверцу своей Короллы, ноги не держали совсем. Молодой человек, стоявший рядом с Димой, смотрел на ее живот, и она с удивлением отметила, как его лицо искажает гримаса, словно у него что-то болит. Как он переводит взгляд на ее мужа, и смотрит на него, не мигая, а тот смотрит в ответ, виновато, с отчаяньем.

Парень сует Дмитрию в руки какую-то коробку и уходит. Сначала медленно, потом переходит на бег.

Дмитрий поворачивается к Маше:

- Какого хрена! Что ты здесь забыла! - Кидает на сиденье ее машины коробку и срысывает с места.

Маша видит, как он догоняет парня, и как падает в снег от его удара.

У нее кружится голова, в ушах шумит. Она переводит взгляд на брошенный Дмитрием предмет - видеокамера, а когда поднимает голову - парень быстрым шагом уходит, а Димка сидит на снегу и лицо у него в крови. Кровь капает на куртку, но Дмитрий даже не пытается ее остановить.

Он сидит так, не шевелясь, не отрывая взгляд от удаляющейся фигуры, пока та не исчезает из поля зрения.

Поднявшись, прикладывает горсть снега к носу, дожидается, когда остановится кровь и обтирает им лицо и руки.

Он спокоен и сосредоточен. Он не удостаивает Машу ни единым взглядом, даже когда толкает в свою машину, смотрит мимо нее.

Её Королла осталась в чужом дворе. С того момента, как они отъехали от третьего подъезда проклятого дома, не было сказано ни слова. Он больше не спрашивал, как она там оказалась.

А Маша пыталась понять, что только что произошло. Ей очень хотелось, но она боялась спросить, кто тот парень, и за что он сломал Дмитрию нос.

Маше было страшно. Ей хотелось закричать, заплакать, но слова и слезы застревали в горле, при виде его отсутствующего взгляда. Она, молча, молилась, чтобы они не попали в аварию, ей казалось, что Дима не видит дорогу.

***

Данила трясло от обиды и ненависти.

«Сволочь, какая же сволочь! Если бы он сказал, было бы больно, но, по крайней мере, честно. Но этот урод врал все время. Какая любовь, если он даже не поделился, что будет отцом! Какая к черту любовь! Если любишь – не врешь, не скрываешь»

Дома был только Гоша, мать с отцом на смене. Данька не поздоровавшись с родственником, проскочил к себе в комнату и уткнулся в подушку. Так плохо ему не было, даже после Вадима. Он понял, что «вырвали сердце» – это не метафора, это реальность.

Георгий зашел к нему в комнату и присел на диван.

– Данил, у тебя что-то случилось?

От этого вопроса стало совсем не выносимо. Не выносимо все держать в себе, не имея возможности выговориться, облегчить хоть немного боль, что сидит внутри. И он рассказал. Рассказал все. А когда рассказал, то понял, что натворил. Поэтому когда молча слушавший его Георгий заговорил, Данька вздрогнул.

– Тебе надо уехать. Сменить обстановку, – родственник смотрел на него без отвращения, понимающе – ты не бойся, я ничего твоим не скажу. Я тоже, в общем..

Данила немного отпустило. И Гоша прав, ему нужно уехать, по крайней мере, сейчас. План созрел тут же – от отчаянья, от злости.

– Ты сможешь устроить мне практику по менеджменту в Питере?

– Легко. Могу и на постоянную работу, не только на практику. Таким как мы, вообще не место в провинциальных городишках. Здесь тебе нечего ловить. Да и чем дальше ты будешь от родителей, тем лучше для тебя. Рано или поздно они заподозрят и начнут задавать вопросы, потом мать станет подсовывать тебе всяких девиц. Так что рви когти отсюда. У вас же здесь даже гей клуба нет, как вы вообще выживаете? А в Питере ты быстро клин клином вышибешь. Найдешь в сто раз круче своего безопасника.

– Я пока только на практику, а там посмотрим – Данил открыл свой

телефон и, вытащив из него сим-карту, закинул ее в нижний ящик стола

- Сколько дней тебе нужно, чтобы решить с направлением?

- Пятого схожу в универ. Нужно будет подготовить договор с предприятием.

- Все сделаем в лучшем виде, не переживай. Родители-то против не будут?

- Думаю, нет. Квартиру снять сколько стоит?

- О чем ты? У меня поживешь. Я один в трешке, так что не стеснишь.

Данька благодарно кивнул Георгию, и тот, похлопав его по плечу, вышел из комнаты.

Боль сменилась решимостью. Данил сам себя убеждал, что делает все правильно.

Глава 38

Голова болела нестерпимо. Такое ощущение, что затылок и виски сейчас вырвет нафиг. Сожрал кучу обезболивающего, но ничего не помогало. Неужели Данька стряс мне все-таки башку? Вроде как все признаки налицо – тошнота, головокружение, вырвало пару раз, туман перед глазами, еще и потряхивает изнутри. Противный мандраж, и вроде как кожу на лице стягивает. И тяжесть, такая тяжесть в груди.

Что же я натворил. Знал, что рано или поздно правда выплывет наружу, но не так я себе это представлял. Тянул до последнего с признанием перед Данилом о ребенке. Но хотел сам. Сам сказать об этом, и может быть уговорить – не прерывать, наши отношения. А теперь он не простит. Я бы на его месте не простил.

Никогда не забуду его взгляда. Лучше бы он мне не только нос, но и всю рожу расквасил, только бы не смотрел так.

Машка – притихшая, испуганная и ничего не понимающая.

Что она вообще забыла на Звездого? Совпадение, или следила за мной? Мне уже безразлично, если честно. Злость на нее прошла. Да и причем здесь она? Сам всю эту кашу заварил, а расхлебывают теперь все. Чувствую себя полным ничтожеством. Испоганил все, что мог.

Как только приехали домой, я попытался дозвониться до практиканта. Знаю, что вряд ли верну его, но мне нужно поговорить, попросить прощение. Умолять о прощении.

Телефон выключен – этого и следовало ожидать.

Лежу и вспоминаю. Все кручу и кручу в голове этот проклятый момент выхода из подъезда. И не могу избавиться от этой заевшей пленки. Пленка! Черт! Камера!

Соскочил с дивана, и сразу накатила тошнота. Ноги трясутся, тело,

словно горит и мушки перед глазами.

Машка что-то говорит, но разобрать не могу.

Да что же плохо-то так?

***

Весь день Маша ждала разборок с Дмитрием. Но Дима, как только они вернулись, заперся в ванной, а выйдя из нее, лег на диван лицом к стене и пролежал так до самого вечера. За все это время поднимался всего пару раз, и она слышала, что его рвет. Хотелось прилечь рядом с ним, прижаться, приласкать. И в то же время, хотелось прибить его, вцепиться ногтями в лицо и наорать. Всю душу, он из нее вынул. Она не понимала, что с ним творится. Подозрения что парень – брат Димкиной любовницы, подтверждались его нынешним состоянием. Он знает, что парнишка все расскажет сестре, и их отношениям придет конец. Но тогда получается, что он действительно любит девушку, не ее – Машу, а ту, что разлучает их. Все его уверения, что у него нет любовницы – ложь.

От этого осознания некуда было деться. Желание зажать уши и не слышать эти мысли в голове. Но от мыслей уши не зажмешь, и засевшее: «Он тебя не любит, он любит ее. Он тебе врал, всегда врал» – вынуть можно только вместе с мозгом и сердцем заодно.

И она тоже лежала, одна на их кровати, и ей хотелось выть в подушку, потому что слез уже просто не осталось.

Она услышала, как Дима встал, и решила поговорить с ним.

Он стоял возле дивана, ухватившись правой рукой за его спинку, а левую прижимая к груди.

Губы и щека у него странно дергались, лицо пошло красными пятнами.

Маша видела, что ему плохо, и он вот-вот упадет. Она растерялась, не зная, что делать. Спросила, вызвать ли ему скорую, но удосужилась лишь невидящего взгляда. Она хотела тронуть его за руку, чтобы он среагировал на ее вопрос, но не успела прикоснуться, как он рухнул на пол.

Больше всего ее напугали трясущиеся ноги и руки Димы. Он лежал на полу, а ноги и руки тряслись так, словно их выворачивало судорогами. Отключился он буквально минуты на две, а придя в себя, сел облокотившись на диван, и пытался удержать ноги.

Маша вызвала скорую и бесполезно суежилась, не зная, что делать. Она еще никогда не видела Димку болеющим, таким слабым и беспомощным. И это было страшно.

Скорая приехала быстро. Первым делом Дмитрию измерили давление и сделали укол.

– Гипертонический криз. Давление сто восемьдесят на сто двадцать. До этого у вас были проблемы с давлением? – женщина врач с ухмылкой рассматривала распухший нос Димы.

– Нет. Я вообще здоровый, как бык.

– Здоровых людей не бывает. Значит, с давлением у вас проблем никогда не было? Может Новый Год слишком хорошо справили? Последствие злоупотребления алкоголем?

Маша видела, что Дима начинает раздражаться.

- Я не пил. Все эти дни я за рулем, а за рулем я не пью!

- Ну что же, если не хотите чтобы вас парализовало, собирайтесь в больницу. Здесь одним уколom не справиться. Нужно прокапать и понаблюдать за вашим состоянием.

- Я не поеду.

- Рассказать вам, какие последствия могут быть от такого криза? Инфаркт миокарда, инсульт с кровоизлиянием в мозг, почечная недостаточность. Хотите умереть молодым, или лежать овощем на всю оставшуюся жизнь?

- Димочка, миленький, езжай. Пожалуйста. С этим не шутят. Забыл, как у тебя отец умер? - Маша начала собирать его в больницу.

- Паспорт, полис, трико, тапочки - вслух перечисляла она. И Дмитрий сдался.

Уже в больнице, после того как Диму оформили и она отдавала ему вещи, он вдруг сказал:

- Доверенность на вождение у тебя есть, так что ездй на моей машине. Я из больницы выйду, заберу твою. Думаю, за пару дней с ней ничего не сделается.

- Да я и сама могу завтра съездить забрать.

Он глянул так, что спорить расхотелось.

- Хорошо. Как скажешь.

И только дома до нее дошло, почему Дмитрий не хотел, чтобы она забирала машину сама. Камера. Неужели в ней запись Димкиной пассии?

Желание вызвать такси и рвануть за машиной, было огромным, и она кое-как дождалась утра.

***

Сроду не лежал в больницах. Даже в детстве. Терпеть их не могу. Но чувствовал я себя действительно паршиво и перепугался не на шутку, когда встав с дивана, почувствовал, как немеет лицо и ходят ходуном руки и ноги.

Легче не становилось, может потому, что мне не давал покоя страх, что Машка не сдержит слово и, забрав машину, залезет в запись,

Переживания из-за потери Даньки, страх разоблачения - не слишком-то способствовали нормализации давления.

На следующий день позвонила мама, она ждала нас к себе. Но я, отговорившись работой, пообещал, что на Рождество мы приедем обязательно. Что загремел в больницу, говорить ей не стал. Данькин телефон все еще был отключен. По-видимому, он сменил сим-карту.

Маша тоже не отвечала, и я готов был рвануть из больницы в трико и тапочках, верхнюю одежду Машка забрала домой.

Полдня я пролежал под капельницей. Раздражало буквально все – от медсестрички, строившей глазки, до парализованного старика, на соседней койке. От запаха мочи, пота и лекарств тошнило. Больничная жрачка не лезла в горло. Позвонил Валерьеичу, он как назло тоже был не доступен. Поехал, наверное, с сыновьями в горы, кататься на лыжах. Он всегда в Новогодние каникулы уезжает, если не на заграничные курорты, то в Шерегеш. Ему там нравится, говорит, что наш курорт ничем не хуже Швейцарского.

Больница уже закрылась, а Машка так и не появилась, и на звонки не отвечала. Тягостное предчувствие одолевало меня все больше.

Дежурный врач, делавший обход, выматерился, измерив мне давление. Сердцебиение у меня тоже как с цепи сорвалось. Такого стука в ушах и голове я никогда не слышал. Казалось, что сердце разрослось до невероятных размеров и заполнило меня всего.

– Да что же такое? Вы себя в гроб загнать решили? Весь день под капельницей, а давление зашкаливает. Да еще тахикардия с ритмом галопа. На ЭКГ сегодня ходили?

– На завтра назначили. В девять утра – В это время я планировал быть уже дома. Собирался вызвать утром такси и слинять.

На ночь мне вкололи какую-то хрень.

Сердце перестало долбиться в уши, а глаза начали слипаться. Уже засыпая, я вспомнил, что ключей от квартиры у меня нет.

****

Родители Данькину поездку в Питер приняли с энтузиазмом. То, что он будет под присмотром родственника, сыграло большую роль.

Они даже поддержали Георгия в том, что, если с практикой все выгорит, можно и обосноваться в Петербурге. Все же перспектив там намного больше. И если Данька захочет после института туда уехать, то они будут помогать финансами в съеме квартиры и в остальном. Предложение Гоши жить у него, принято было только на время практики, а при капитальном переселении родители считали неудобным стеснять родственника.

Данил молча, слушал все эти рассуждения о его послеинститутском будущем, а потом напомнил родичам, что на поселение в Питер ему придется ехать только после армии.

Мать сразу сникла и погрузилась. Она не хотела отдавать сына служить, в отличие от отца и дядьки.

Те в один голос нахваливали армейскую закалку и твердили, что армия из таких вот маменькиных сыночков делает настоящих мужчин. И сожалели, что срок службы стал год.

Георгий высказал предложение отмазать Даньку – у него есть такая возможность. Он предложил сразу после защиты переехать к нему и прописать Данила. Так что военнообязанным он был бы в Петербурге, где у Гоши были хорошие связи.

Но отец тут же возмутился и сказал, что его сын не дезертир и пойдет служить, как положено.

Все это Данька слушал вполуха, как будто речь шла не о нем.

Он вспоминал беременную жену безпасника, и в груди все скручивало

от обиды и боли.

Скорее бы уехать, сменить обстановку. Окунуться в работу, посмотреть на знаменитый город. Походить по старинным улицам, музеям, осмотреть достопримечательности, отвлечься, чтобы не чувствовать, не думать. Он готов был уехать хоть завтра.

Его так и тянуло к столу, где лежала его сим-карта. Телефон валялся пустой. У Даньки была такая апатия, что за новой симкой он не пошел, не хотелось выходить из дома. Не хотелось ничего, кроме поездки в Питер.

***

Маша, зажав рот рукой, смотрела на экран телевизора. То, что было снято на камеру, вызвало у нее шок. Она не верила своим глазам. Не верила, что там, на экране – Дима.

– Господи, этого не может быть. Этого просто не может быть – она раскачивалась в зад-перед и никак не могла остановиться и выключить этот кошмар.

Потом ее долго рвало, выворачивая наизнанку. Испугавшись за ребенка, она старалась успокоиться, но получалось плохо. К Диме она не поехала – не смогла.

Обессилив от рвоты и слез – уснула.

Утром взяла себя в руки и даже нарядилась. Правда косметика не могла скрыть красных опухших глаз.

– Все будет хорошо. Он не педик. Это у него кризис среднего возраста. Захотелось попробовать чего-то новенького. – успокаивала она вслух себя, собираясь к Дмитрию в больницу. Но сначала, нужно вернуть коробку на место. Правда мысль, что кто-нибудь может вскрыть машину и выкрасть камеру с этой мерзостью – приводила в ужас. Она долго держала ее в руках, а потом решила, и стерла запись.

В больницу она ехала с решением удержать Дмитрия, и не позволить больше скатиться ему в такие извращения. Мужики не гнушаются ничем, чтобы разнообразить свою сексуальную жизнь. Это излечимо и контролируемо. Если нужно, она сама будет давать Дмитрию такой секс. Она даже знает одну свою знакомую, которая тащится от такого акта, значит, в этом нет ничего страшного. Она справится и даст любимому человеку все, что он хочет.

Маша успокаивала себя, и сейчас ей было уже не так страшно, как вчера после просмотра видео.

Она даже внушила себе, что уж лучше такое извращение, чем связь и любовь с другой женщиной. Теперь она хотя бы знает, что Дмитрий действительно любит ее, и у него нет других баб. А этот пидор – так, развлекаловка для Димки, она уверена. Реакция у подъезда и приступ Димы – это страх, что этот козленьш его сдаст, опозорит, расскажет всем.

Значит, она правильно сделала, что стерла запись. Им сейчас нужно успокоиться, и начать все сначала. И она сделает для этого все.

Она решительно настраивала себя на все эти мысли, но в груди расползлось нехорошее и черное, словно масляное пятно, чувство, которое она старалась игнорировать, не обращать на него внимание.

В больницу она приехала на машине Дмитрия, с приклеенной улыбкой и осознанием, что так надо. Надо иногда промолчать и скрыть, что ты все

знаешь, ради ребенка, ради семьи.

Глава 39

Питер встретил гостя заснеженными улицами. Данил был удивлен таким обилием снега. Он не ожидал, что северная столица России будет похожа на их Сибирь. От этого на душе почему-то было тепло, как будто огромный город уже стал родным.

Двор дома, где жил Георгий, еще больше поразил Даньку – здесь вообще было все в сугробах. Машины, стоящие у подъездов, замело, чуть ли не по самую крышу.

Трешка у Георгия была огромной – по Данькиным меркам. По отделке квартиры и её меблировке сразу был виден достаток хозяина, и Данилу стало стыдно за потуги родителей обустроить свое жилище к приезду гостя. Их квартира по сравнению с Гошиной, выглядела как у «бедных родственников».

– Ничего себе! Вот это хоромы! – Данил с интересом обходил комнаты, а Георгий ходил за ним, улыбаясь.

– Нравится? Здесь раньше было пять хозяев. Коммуналка. Отцу, как молодому специалисту – инженеру дали одну комнату. Потом, когда родился я, а одна их соседок умерла, он подал на расширение. Так стало две комнаты. А еще три купили уже у соседей, после перестройки. Отец добился разрешения на перепланировку квартиры, и вот в итоге что получилось.

– Здорово получилось. А где сейчас твои? Почему ты в родительской квартире?

– Они на даче живут. Их в город не затанешь.

– А Борис Петровичу не тяжело?

– Так там как раз все оборудовано. Отец дом сам проектировал, ему в нем комфортнее, чем здесь. И проще на улицу выезжать на коляске. С ними Ольга, дочь материной подруги живет. Ей пятьдесят, оставила квартиру сыну, а сама вот – с моими. Она им как родная, и мне как сестра, с детства вместе. Со снохой она ужиться не смогла, у них двухкомнатная и все в ней ютились, в общем, вечные кухонные скандалы, вот и перебралась к моим.

Теть Марина, Ольгина мать умерла рано, Оленьке только восемнадцать стукнуло. Мамка моя ей как тетка родная была. В общем, всю жизнь жили бок-обок. А Ольгин сын стал моим, вместо внука. Машина у родителей имеется, так что в город они периодически навещают.

– А за рулем кто? И как дядь Боря в машину садится? Тяжело же.

– За рулем Ольга. А отец руки так накачал за годы инвалидности, что ему свое тело подтянуть и перекинуть куда надо – раз плюнуть. Они у меня еще огурчики, молодым нос утрут. Вот дороги расчистят, съездим к ним обязательно. А сегодня по скайпу поболтаем.

– Продвинутые у тебя предки.

Георгий рассмеялся.

- Что есть, то есть. Голубизну мою, например, без особых проблем приняли. Мать, конечно, покуда тала насчет внуков, даже пыталась уговорить меня жениться и ребенком обзавестись. Мол, сделай нам внука и гуляй.

- И девчонок тебе подсовывала? Ну, ты говорил в тот раз.

- Было дело. Но не тогда, а когда я молчал, как партизан, о своей ориентации. Вот они и думали, что их сыночек тютя – матютя и с девочками знакомиться не умеет. Ольгу, так в первую очередь все мне сватали. Ей я и сознался, а уж она уговорила все родителям рассказать. Ну, вот я и совершил свой каминаут, как теперь говорят, чтобы они перестали меня допекать.

-Перестали?

- Ну, если не считать материной абсурдной идеи с внуками, то да. Хотя я так надеялся, что они начнут подсовывать мне парней.

Данил удивленно посмотрел на Георгия.

- Серьезно?

- Да шучу я!- засмеялся тот, пихнув Даньку в бок.

- А если серьезно, что они тебе сказали, когда ты признался?

- Отец орал, конечно. Мать ревела и пыталась уговорить меня сходить к психологу. А потом сдались и оберегали меня как могли. Тогда ведь статья еще была за мужеложство. Ольга от нас до замужества не вылезала, так что соседи думали, что мы с ней пара. Мать усиленно распространяла об этом слухи и называла ее будущей сношенькой при посторонних. Когда Ольга вышла замуж, все меня жалели, и думали что я однолюб, и на девок из-за Ольги больше не смотрю. Ну а потом статью отменили, и стало проще. В общем, у меня родители и Ольга – просто золотые. Не знаю, какая бы у меня без них жизнь была.

- Здорово. У меня отец вряд ли смирится, если узнает, что я гей. Мать не знаю, а батя с дядь Ваней меня убьют.

- Ну, убить не убьют, но что примут, сомневаюсь. Тут ты прав. Я с ними пообщался немного и вижу, что с толерантностью у них большие проблемы. Мои просто прошли через отказ родителей, и на своей шкуре испытали, что это такое. Поэтому и восприняли вполне адекватно, не у всех так. Некоторые стараются делать вид, что их ребенок ничего им не говорил, и они ничего не знают. Некоторые перестают считать своими детьми, как мой дед. Но в основном живут в неведении, что их дети не такие как все. И если ты не уверен в своих предках, то лучше не рассказывать им ничего. Ладно, давай не будем о грустном. Располагайся, потом покушаем и отдыхай. Сегодня у нас в планах ничегонеделанье. Можно

вечером немного по городу погулять, если хочешь. А завтра составим культурно-развлекательный и рабочий график. Чувствуй себя, как дома. – Георгий кивнул на одну из спален – думаю, обживешься, и тебе у нас понравится, так что надеюсь, что ты все же переедешь сюда после университета. Я был бы не против, делить с тобой квартиру. Одному в трех комнатах по вечерам не комфортно.

Данил пожал плечами:

– Не знаю, проживем – увидим. Может и перееду. Только если решусь, буду платить тебе за квартиру. Ну, как за съем.

– Договорились – Гоша, засмеявшись, похлопал Данила по плечу.

***

Первые дни практики в фирме друга Георгия, где сам Гоша был исполнительным директором, были для Данила настолько суматошными и загруженными, что ему некогда было думать о Дмитрие и его предательстве. Родственник как будто специально подговорил сотрудников загрузить Даню информацией и работой.

Днем работа, а вечером походы по Питеру.

Данила поражало, как выглядит питерская молодежь. Парни в стильных полупальто и кашне, с маникюром и прическами, уложенными у стилистов, казались ему все гееми. У них в городе такого бы точно за педика приняли. Здесь же, длинные, или милированные волосы были в порядке вещей, шелковые и цветные рубашки – норма. Фенички, цепочки и браслеты на запястьях – не редкость, не говоря уже о серьгах в ушах.

В их провинциальном городе подражали столичной моде, но это в основном малолетки – школьники, да и то – единицы. За проколотое ухо, конечно, не гнобили, но подколов, не оберешься. В фирме работали в основном молодые. Дресскода не было, и Данька во все глаза смотрел на модных парней. В отделе маркетинга их было четверо, не считая самого Данила. Один из них, особенно выделялся. И не только эпатажными вещами, но и манерным поведением. Нет, он не вел себя, как женщина, но в его движениях, манере растягивать слова, было что-то вызывающие и Данила так и тянуло смотреть на него. Парень не скрывал, что он гей, рассказывая сослуживцам, как он ходил в клуб и какие там все пидовки, ни одного нормального мужика. При этом начинал подкалывать и шутить над остальными ребятами. Они шпыняли его в ответ, но беззлобно, со смехом. И Данил не мог поверить, что те спокойно воспринимают ориентацию сослуживца. Ему казалось, что они здесь все геи. Он начинал подозревать, что его родственничек собрал команду себе подобных. Но уже на второй день работы, убедился, что это не так, глядя, как ребята флиртуют с девчонками из других отделов. Да и сам Георгий Борисович подтвердил, что гей только Алекс, но гомофобов он бы в фирме не потерпел.

Трое парней тоже были колоритной внешности: Рашид, симпатичный, накачанный крепыш, любивший носить обтягивающие джинсы и водолазки. Марк – высокий, с длинными обесцвеченными до платинового оттенка волосами, напоминал эльфа из «Властелина колец». Анатолий, или как его все называли – Анатоль, носил очки в тонкой золоченой оправе, классические черные брюки и черную шелковую рубашку. Прическа представляла у него коротко стриженный затылок и длинную мелированную челку. В общем, все ребята, как из журнала. Но Алекс среди них, словно

магнит. И ловя на себе взгляды Данила, он манерничал еще больше. Скореефаниваться с новым сотрудником коллектив не спешил – приглядывались.

В конце рабочей недели к уткнувшемуся в монитор Даньке подошел Алексей, на которого минуту назад он пялился, рассматривая поставленные художественным дыбом волосы, зеленого цвета.

– Слушай, Даниил, или как там тебя, тебе не говорили, что тарашиться на людей не культурно? Или вы там в своем Мухосранске культуре не обучены?

Кровь прилила к лицу, но не от стыда, а от злости. Данька облокотившись на спинку кресла с ухмылочкой, смерил зарвавшегося парня взглядом:

– Ну, в нашем же Мухосранске не увидишь плешивых елок на ножках, вот и ловлю момент, чтобы потом таким же бескультурным друзьям рассказать о питерской моде.

Парни, слышавшие разговор, засмеялись.

– Алекс, кончай выделываться. Давно ли сам-то с Урала? Не слушай его Данил, это он так, цену себе набивает – подошел к ним Рашид.

– Я семь лет уже в Питере, так что почти коренной. И когда, между прочим, приехал, то не пялился на людей, как баран на новые ворота.

– Не свисти, пялился, еще и как. А на тебя грех не пялиться. На твою маскировку даже детишки оборачиваются. Тебе гирлянду на шею и в круг, вместо елочки.

– Ну, если ты будешь дедушкой Морозом, то я согласен побыть твоей ёлочкой. Да хоть снегурочкой! – Алекс сделал вид, что хочет прижаться к смеющемуся парню.

Тот его развернул за плечи от себя и легонько пнул коленкой под зад:

– Иди, работай давай, Снегурочка зеленая.

Уже у своего стола, Алексей обернулся к Данилу:

– Вечером по пиву, Даниил. За дружбу народов, так сказать. Или тебя папик не отпустит?

– Какой папик? – удивился Данил.

– Ой, вот только не надо здесь лепить, что Гоша тебе дядя. Мы не дураки, сразу все просекли, да мальчишки? – Алекс повернулся за подтверждением своих слов к застывшим парням.

– Ну, ты и придурок – покачал головой Марк.

Данил, шокированный таким заявлением, непроизвольно присвистнул и

покрутил пальцем у виска. Слов возмущения у него просто не нашлось.

Видя его реакцию и изумленное лицо, Алекс разочаровано вздохнул

- Правда что ли родственник? Ну, блин!

- Идиот ты Лекс. Готовь бабло на пивцо - Рашид кинул в печального Алексея ластик, попав им ему прямо в лоб - Данил, надеюсь, ты не откажешься от посиделок за знакомство?

Данька не отказался.

*****

На третий день моего лежания в больнице, Машка привезла мне вещи и вечером мы смотались до Звездого за машиной. Камера лежала на полу, под сиденьем. Мне казалось, что я бросил ее на него, и все это время я переживал, что кто-нибудь, увидев коробку, вытащит ее из машины. Но все обошлось. Записи на кассете не оказалось. По-видимому, Данька все стер, перед тем как упаковать камеру обратно в коробку. Жаль. Я бы оставил наши с ним кривляющиеся рожи и поцелуи. А может, и вообще всю запись.

В груди ныло и ныло. Тоска и апатия. Такой депрессии у меня не было никогда. Проблемы со здоровьем тоже давали знать. Давление скакало, и от резких перепадов у меня полопались капилляры в глазах. Сразу вспомнился практикант. Избитый и с красными глазенками.

Валерьяч материл меня по телефону, на чем стоит свет, узнав, что я загораю в больничке. Материл за то, что за здоровьем своим не слежу. Он, оказывается, умотал в Москву, обустривать новое жилище.

Маша приезжала каждый день. Я выходил, брал передачку, молча курил на лестничной клетке между этажами в окно, вполуха слушая ее болтовню. Курить, нужно было бросать, но я смолил по полторы пачки в сутки. В сутки - потому что полночи торчал в больничном туалете, куря. Снотворные вырубали с часу ночи до четырех утра. А в четыре, меня словно черти толкали, и уснуть я больше не мог. Днем ходил, как вареный, по процедурам.

Даньке я звонил каждый день, но телефон так и был выключен. После Рождества в больницу пришли девчонки маркетологи. От них я узнал, что на практику Данил не вышел. Он позвонил Зинаиде Макаровне, сказал, что нашел другое место, извинился и все.

В больнице я пролежал две недели, и вот сегодня вышел с больничного.

Отвлекаюсь работой, благо накопилось ее до фига. Но не думать о Даниле не могу. Не получается. Как не получается общаться с Машей. Да и не только с ней.

Меня словно перемкнуло. Я никого не хочу видеть, и ни с кем не хочу говорить.

И люди, словно чувствуют - не лезут ко мне. Генерал еще не вернулся из Москвы. Его зам со мной даже парой слов не обмолвился. На планерке передал бумаги на проверку и все. Юрьич хотел со мной поболтать, но я отговорился занятостью. Он звонил мне в больницу и даже

раз приходил, но дальше пары дежурных фраз, типа: «Как тебя угораздило?» и «Когда выпишут?» разговор не пошел. Вот и сегодня, увидев мою хмурую морду и услышав мое «Юрьич, потом. Сейчас некогда» – он только головой покачал.

После работы я долго сидел за рулем, возле проходной. Просто сидел и курил. Домой не хотелось. Не знаю зачем, но я поехал к Данькиному дому. Опять долго сидел в машине и курил. Потом стоял на улице, смотрел на окна. Не заметил, как пачка из-под сигарет оказалась пуста.

И тогда я решился.

– Кто там? – голос Татьяны по домофону.

– Дмитрий Александрович. Мне бы Данила.

Домофон щелкнул.

– Проходите.

****

Вышел я от них с ощущением, что меня наполнили горьким отваром до самого горла. Залили насильно и его не сглотнуть, не выплюнуть. Эта горечь как яд, растеклась по всему организму.

Глотка, сердце, руки, ноги – все залито ядом, с тяжестью свинца. Данька уехал в Питер. И собирается остаться там жить. Нашел себе уже друзей, ему там очень нравится, он доволен.

Я кое-как допил чай и дослушал родителей Данила о том, как ему там хорошо. Телефон они мне его не дали. Данные скайпа тоже. Решили спросить сначала у сына. Он их просил никому не давать его номер и скайп. Но на счет меня они скажут Даньке, и наверняка он сам со мной свяжется.

Сажу в машину, ноги вдруг начинают трястись, да так, что я наваливаюсь на них, но удержать не могу.

После приступа слабость и сильная головная боль. Еще долго отхожу, опустив сиденье до положения «лёжа».

Потом вызываю такси. Сам я до дома не доеду, трясучка прошла, но ноги ватные до сих пор.

Бросаю машину возле Данькиного дома.

В такси вспоминаю, что заявление мы с Машкой так и не подали, и решаю, что завтра самое время.

*****Глава 40

Регистрацию назначили на начало апреля. Радости в Машкиных глазах я не увидел.

Она вообще после моей выписки из больницы какая-то тихая и неразговорчивая.

Вышли из ЗАГСа и молча, разъехались по своим работам.словно чужие. Так, наверное, обычно люди выходят из этого учреждения с документами о разводе.

Мне ее жалко. И она, наверное, единственный человек, который меня действительно любит. Не считая, матери. Родится ребенок и тоже будет меня любить. Что еще нужно для счастья? Чтобы я тоже любил? Буду. Всю любовь отдам сыну или дочке. Все наладится. Все будет как прежде, даже лучше. У меня будет семья. Я познаю счастье отцовства. А Даня.... Дай Бог

ему счастья и ограды от всех проблем. Он правильно сделал, что уехал отсюда. Пусть проживет жизнь, которую я не смог прожить. Так, как хочет, не оглядываясь и не боясь.

Нужно брать себя в руки и заботиться о семье.

***

Генерал приехал в конце января. За эти полмесяца мы с мужиками даже не собрались ни разу. И вообще было какое-то затишье на работе и дома. Словно мое настроение передалось всем.

Зато Валерий в день своего приезда чуть ли не вприпрыжку летал по всему комбинату и светился как новогодняя елка. С его приездом наш дружный и сплоченный мужской коллектив из начальственного состава, воспарял духом и засуетился, организовывая сауну.

За весь день у нас с генералом не получалось остаться наедине. Я его избегал, чувствуя, как его прямо подмывает отчитать меня – непутевого.

Но в конце рабочего дня он все же ввалился ко мне в кабинет и первым делом согнал меня с моего кресла.

– Кайф! У меня ноги гудят. Набегался. Сейчас еще в сауну и вообще жизнь прекрасна!

– Да, сауна не помешает. Только я на счет девочек пас – я действительно вдруг ощутил, что посиделки с мужиками и пропарка моих мозгов, мне просто необходимы.

– А чего так? Машка же, наверное, тебе не дает, как раньше. Срок всё же уже не маленький. Наоборот, должен сейчас по бабам. Или всё, завязал с поганым прошлым и ударился в семейные ценности?

– Да нет. Просто не хочу сегодня. Нажраться хочу. В сиську. До поросычьего визга. Нажрусь и на завтра у тебя возьму день без содержания.

– Да я тебе не только день дам, а в отпуск выгоню. Ты посмотри на себя. Черт знает, на кого похож стал. Осунулся, похудел. Смотреть страшно. А пить тебе, наверное, нельзя, с твоим-то давлением.

– Можно. Все можно.

– Ну, хозяин-барин. Пей, раз хочется. Иногда бывает, что водка – лучшее лекарство. Саныч, что у тебя случилось? Ты же сам не свой с тех пор, как Машка твоя залетела.

– Старею, наверное.

– Ну-ну. Ладно, не говори, если не хочешь. А на счет девочек, сегодня без них, чисто мужской компанией. У меня разговор к вам есть.

– Что-то не нравится мне это. Колись, что за разговор?

– Дай сигарету. Я сигары с собой не прихватил.

– Валерий, ты меня пугаешь.

Генерал долго мял сигарету пальцами, а закурив, еще с минуту молчал. Я начинал догадываться, о чем пойдет речь и мне это не нравилось. Ой, как не нравилось.

- Мы с Людмилой Борисовной разойтись решили. Чего соседями жить? В Москву переехать хочу. Встретил я там кое-кого. Влюбился, как пацан. Ты не подумай, она не из этих, не из моделек. Взрослая, состоятельная женщина. Тридцать семь лет. Сын, как моя Ольга, тоже за границей учится.

Я молчал. Хотя хотелось заорать.

- То, что я перееду, не значит, что я перестану быть генералом.

- Ты прекрасно знаешь, что мы не сработаемся с Батько. Поставь кого-нибудь из сыновей.

- Думаешь, я не хотел? Володька к немцам собрался перебираться. У его Анны родители уже давно там, и их переманивают. Не сейчас, конечно, но через полгодика уже точно уедут. У Кольки сам знаешь, хватка не та. Если только Настю его поставить. В их доме она всегда мужиком была.

- А кроме Батько кандидатур больше нет?

- Ты сам знаешь, не могу я его снять. Тем более если уеду. Да и жаловаться на него по работе, грех. Обязанности он свои выполняет отлично. А то, что субординацию держит с народом, так на работу комбината это не влияет.

Я усмехнулся. Не влияет, как же. Но незаменимых людей как говорится - нет. Наберет свою команду, как только весь наш зоопарк разбежится.

- Когда уезжаешь?

Генерал встал из-за стола и подошел к окну. По тому, как он уставился в него, повернувшись ко мне спиной и засунув руки в карманы брюк, я понял - скоро. Совсем скоро.

- Как только подобью здесь все дела.

- Неделя, две? Сколько у меня времени на поиск новой работы?

Валерьяч резко обернулся.

- Не майся херней! Работай, как работал.

- Ты же знаешь, что не получится. Сергей Валерьевич, я думаю, что половина нашего начальства разбежится. Остальную половину Батько сам со временем выживет. Ты далеко, а он здесь. Это ты первое время, может, и будешь туда-сюда мотаться, но потом, попомни мои слова - найдется куча неотложных дел, и отчеты ты принимать станешь только через интернет и телефон. А в итоге, вообще продашь наш провинциальный комбинатик и

откроешь на эти деньги в столице какую-нибудь фирмочку. Так что, работу мне нужно искать уже сейчас.

-Чего тебе ее искать? Тебя хоть куда, с руками и ногами возьмут.

- Ага. Свои теплые и нагретые места уступят. Ну да ладно, прорвемся.

Валерьяч виновато развел руками:

- Прости.

Напиться захотелось еще больше. В одиночестве, но я пересилил свое желание уйти и пошел в сауну со всеми.

Заявление генерала повергло мужиков в шок. Пьянка получилась похоронной. Работу искать помимо меня собрались: завгар, начальник компрессорной и оптовик. Остальные промолчали. Я пил убойными дозами, но желанное опьянение не приходило. Генерал чувствовал себя предателем, пытался оправдаться. В итоге не выдержал гнетущего молчания и засобиравшись домой.

Мы с Юрьчем зарулили в какой-то дешевый бар. Антоныч хотел пойти с нами, но мы, не сговариваясь, сбросили его с хвоста. Не знаю почему. Была какая -то скрытая тяга остаться вдвоем.

Меня, наконец, накрыло. И я сам не знаю как, и главное зачем, вдруг ляпнул:

- Он уехал. Все уезжают. Никто не хочет жить в провинции. Все валят отсюда.

- Ты про Валерьяча? Его можно понять. Влюбился в столичную штучку, а она разве поедет сюда.

- Нет, - помотал я головой - не о Валерьяче. О Даниле.

- О том практиканте? Я видел, что с тобой что-то не то. Еще до больницы. Ты какой-то гонимый стал, как будто постоянно на взводе. Потом этот твой криз гипертонический. Все дело в нем? В практиканте?

- В нем, заразе. Встрял я Юрьич. По самое не хочу в дерьме завяз. И как выплыть оттуда - ума не приложу. А тут еще работа до кучи. Правильно говорят, если уж пошла черная полоса, так конца края ее не видно.

- Рассказывай.

- А что рассказывать? Наврал я тебе тогда, не просто он мне понравился. Люблю я его заразу. Сил нет, как люблю. И он, вроде, как меня тоже.

- Ты же говорил, что он не гей.

- Тоже - наврал. Покрывал.

- Понятно. Ладно, я не в обиде. О таких вещах не распространяются, я это прекрасно понимаю. Но, если у вас все чики-пуки, любовь и все такое, в чем проблема-то тогда?

- Во мне. Женюсь я. Машка беременна и я отцом скоро стану. Данька узнал и уехал. Сбежал в Питер. А я вот остался.

Юрьич долго молчал и смотрел прямо на меня.

- Знаешь, я даже не знаю, что тебе сказать. Вроде, все правильно. Ребенок, жена и это все так, как надо. Как должно быть. А гейство - не нормально, и лучше, чтобы никто об этом не знал. Только вот я смотрю на тебя, и мне страшно. У тебя глаза, как у моего племяша - тогда.

*****Глава 41

Практика Данила подходила к концу. Еще две недельки, и домой.

После того, как мать спросила, можно ли дать его номер телефона Дмитрию Александровичу, Данька совсем себе места не находил. Не думать о Саньче - не получалось. Никакие походы по Питеру, никакие клубы, по которым таскал его Алекс, не могли заглушить с каждым днем все больше нарастающую тоску. Его тянуло домой, тянуло к нему.

Алексу он рассказал, по какой причине он здесь и его поразила реакция парня.

Излив свои чувства, Данька не услышал от Лекса сочувствия, напротив, тот смотрел на него, как на дурака:

- И ты из-за этого поднял такой кипишь? Какое предательство, какой обман? Даня, очнись!

Ты знал, что он женат?

- Знал.

- Он обещал тебе, что бросит ее?

- Нет.

-Ты спрашивал у него про детей? Интересовался, есть они у него?

- Я знал, что нет.

- Но ты спрашивал, хочет ли он их?

- Не спрашивал. Но он мог бы мне сказать!

- Ну, сказал бы, что бы ты сделал?

- Не знаю. Наверное, ушел бы.

- Вот поэтому он тебе и не сказал. Из твоего рассказа ясно, что мужик тебя действительно любит. Даня, я сам из Магнитки, и знаю, что такое жить в таком городе. Что ты от него хочешь? Он всю жизнь так прожил. Да больше половины так живут. Сам-то ты, шибко смелый? Собираешься родакам рассказать, что ты дяденек предпочитаешь девушкам?

Данька покачал опущенной головой.

- То-то. Ну, женат, ну ребенок. А ты что, рассчитывал с ним вместе жить и запалиться перед всеми?

- Да нет.

- Ну, тогда не вижу проблемы. Ты посмотри вокруг. Много ли таких, как мы, могут похвастаться, что живут семьями? Даже здесь, в столице, где с этим намного проще. Ты видел наши тусовки. Скажи честно, нравятся?

- Ну, сходить чисто развлечься. Всю жизнь по ним бегать я бы не хотел. Не мое.

- Вот то-то. Я когда сюда ехал, молодой и красивый, лелеял голубую мечту - вот приеду, и как закручу любовь! Найду себе парня, будем снимать квартиру вместе, будем жить долго и счастливо. Такой шанс выпадает единицам. У остальных же, вся жизнь просто "веселуха". Я бы рад был встретить твоего безопасника. Почувствовать себя хоть кому-то нужным, пускай он и шел бы после меня к семье. Би, я, конечно, не люблю, сволочи в основном попадались, но есть же наверное исключения. Тем более, как я понял Дмитрий твой, самый настоящий педик, замаскированный под натурала.

- Как ты не понимаешь, это же не правильно, жить с женщиной, которую не любишь, прикрываться ею! А теперь еще и ребенком! Выбрал семью - пусть значит живет. Тем более, Маша нас видела.

- А жизнь, она вообще редко правильной бывает. Нет совсем прямых дорожек, где-то, да поворот все равно будет. И что она видела? Как два мужика выходят из подъезда? Если бы ты не повел себя, как последний придурок, вряд ли бы она что-то поняла.

- У него будет ребенок, это во-первых, во-вторых, он мне ничего об этом не сказал, а значит я для него никто. С близкими людьми такими вещами делятся.

- Идиот ты, Данька. Если бы ты ему был безразличен, он бы за тобой не рванул, а перед женой на цырлах бы бегал. А так, он сам себя выдал перед женушкой, побежав за тобой. Так что вся маскировка насмарку. А раз к твоим приходил, и телефон просил, наверняка у них там не все гладко. Может он вообще от нее ушел.

- Тогда это уж совсем не знаю что! Бросить беременную!

- Боже!!!!!! С кем я связался! Идеалист хренов! Да мало что ли натуралов своих баб беременных бросают? Очнись, Данечка! Редко какой натуральный мужик прожил всю жизнь с женой и ни разу от нее не гульнул. Половину женщин нашей страны, да и не только нашей, разведенные или вышедшие замуж по второму разу. Если твои предки прожили вместе всю жизнь, браво им за это, но это еще не значит, что твой отец никогда не ходил налево. Больше чем уверен – ходил, только так, чтобы не знал никто. А если и не ходил, то все равно хотел сходить. Но это я так, за жизнь отвлекся. В общем, одиноких мам – пруд пруди. Эта, как её, Маша?

Данька кивнул.

- Так вот, эта Маша, не первая и не последняя. Если ты говоришь, что вы зависали постоянно на этой хате и он не заморачивался даже по поводу не ночевки дома, значит, она прекрасно знала, что он гуляет. Так что сама дура. Мужик не ночует дома, пропадает каждый вечер неизвестно где, а она слепая? А с кем он ей рога ставит, с девкой или парнем, это уже другой вопрос. Главное, что ее все устраивало.

- Если она нас выследила, то значит, не устраивало.

- Вдвойне дура. Чего добилась? Он рванул за тобой, вместо того, чтобы к ней подмазываться. Значит, после этого последуют разборки и выясняловки, и не факт, что в ее пользу. Так что Данечка, приедешь в свой Мухосранск, хватай безопасника за жабры и мирись. Если он все же разошелся со своей Машей, то уговори его переехать сюда. Здесь вам будет проще. Снимите хату и заживете дружной семьей. А если нет, то смирись, и прими все как есть. Останется с женой и порвет с тобой окончательно, вернешься в Питер. Продолжит отношения за спиной жены, которую, как я понимаю, все устраивает, если она его не бросила сама после вашего концерта, встречайся.

После этого разговора Данька искал оправдания Дмитрию, и ловя себя на этом, распалял в душе обиду и злость.

Гоша видя, что парень места себе не находит, как-то сказал ему:

- Позвони. Поговори, легче будет.

Данька повертел телефон в руках, а потом отбросил его.

- Нет. Не будет.

****

Я был в отпуске, взял на всю катушку. Генерал укатил, и Бойко, как только я положил ему на стол заявление, нашел мне замену. Ждал, когда я выйду из отпуска и официально сдам дела приемнику, поставив его исполняющим обязанности.

Юрьич искал работу получше, поэтому заявление писать не спешил, игнорируя намеки Батько. Почему он взъелся так на нас двоих, было не

понятно. Но и с остальным составом было дело времени. Снимать после отъезда шефа всю команду сразу, он не решался. Ждал, когда сами все уйдут.

Вместо того, чтобы искать работу, я валялся на диване. Жрал раз в день, смолил беспрестанно, игнорируя нотации Машки на то, что дверь в квартире «не закрывается». С дивана – в подъезд, с подъезда – на диван». Я бы, наверное, и не брился, но привык утром чистить зубы и Машка в это время, впихивала в руку станок. Она терпеть не могла небритых.

Отпуск подходил к концу, когда Маша слегла с температурой. В конце февраля ударили морозы, и начался повальный грипп. Она свалилась как-то сразу – вот только вроде уехала здоровая на работу, а приехала с недомоганием, вялая. А ночью стало совсем плохо.

Я испугался. Вся отчужденность за последнее время улетучилась тут же. Ее увезли в больницу, и я до утра места себе не находил, сидя в припаркованной у больницы машине.

Утром мне сказали, что температуру сбили, но есть угроза преждевременных родов. К ней не пустили и ей ко мне выйти не разрешили.

А на следующее утро я узнал, что у нас не будет ребёнка.

Она сидела бледная с темными кругами под глазами. Одна в палате. Сидела на койке и качалась из стороны в сторону.

– Они сказали, что такое бывает. У меня резус отрицательный, несовместимость с кровью малышки. А тут еще инфекция.

Дочка. Вот и все. У меня ничего не осталось. Ни любви, ни ребенка. Только Маша. Маша, которой я принес столько горя.

Я молчал. Смотрел на нее, качающуюся, заплаканную, и не знал, что сказать. Хотелось обнять, прижать к себе, но я не мог сдвинуться с места. Просто стоял рядом с кроватью.

Она взяла мою руку, прижала к своей щеке, горячей и мокрой, и быстро-быстро начала говорить:

– Я сама виновата. Сама виновата во всем. Мне говорили в гинекологии, что с моим резусом могут быть осложнения, что нужно беречься. А я даже вены резала, плакала каждый день. Вот она и не выдержала, доченька моя. И про тебя я все знала, видела какой ты ходишь после больницы. Всем плохо из-за меня. Я смотрела ту съемку на камере, все ждала, когда ты спросишь о ней. Это ведь я ее стерла. А ты не спрашивал. Молчал, молчал. Только ходил, как приведение. Не видел вокруг себя ничего. Я люблю тебя, Димочка, и ненавижу. Ненавижу за то, что ты такой. Ты мне всю жизнь сломал, Димочка, всю жизнь сломал. Я теперь мужиков всегда ненавижу, особенно голубых. Но ты не переживай, не переживай за меня. Да и с чего вдруг ты будешь переживать, ты по нему убиваешься, я же вижу. Иди, иди к нему. Доченьки нашей больше нет, так что иди. – Последние слова она уже кричала, отпихивая меня от себя.

Перед глазами все плыло, я их потер и понял, что плачу.

***

Данил проснулся от собственного крика. Он не помнил, что ему снилось, но что-то плохое и страшное. Сердце колотилось, в ушах стоял шум.

- Даня, ты чего? - Гоша прибежал из своей комнаты и обеспокоенно смотрел на него.

Значит, орал он знатно, раз даже Георгия разбудил

- Сон. Не помню про что. Что-то плохое. Как будто кто-то умер.

- Так дорогой мой, сегодня мы с тобой к одной женщине ходим. Она экстрасенс. Надо бы тебе с ней пообщаться.

- Я не верю во всю эту чушь.

- Ну не веришь, и не верь. Но съездить, мы все равно к ней съездим.

***

Данька ожидал увидеть пожилую женщину, всякие шары и прочую экстрасенсорную хрень.

Но их встретила молодая девушка, не на много старше его. Провела на кухню, налила душистый травяной чай и болтала с Георгием, как со старым знакомым.

Потом вдруг встала позади Даньки и положила ему руки на голову.

- Тебе нужно ехать. Сегодня, иначе будет поздно. Он уже стоит спиной к этой жизни.

- Кто? - удивился Данил - О чем вы?

- Высокий, черноволосый. Лица не вижу, только спину. Близкий тебе человек.

Данила словно током передернуло, по лицу прошла дрожь. И вдруг вспомнился сон: « Из подъезда выносят гроб, и он пытается заглянуть в него, но толпа его оттесняет. Он не видит, кто лежит в гробу, но почему-то знает, что Дима»

Данька с силой провел руками по лицу, наваждение спало.

- Ерунда какая-то.

***

Георгий, как только они вышли от Светланы, скомандовал:

-Звони!

- И что я ему скажу? Я видел плохой сон, и здесь тебе смерть нагадали? Да он меня засмеет.

- Над такими вещами не смеются. И смерть еще не нагадали. Светлана же сказала, что он стоит к жизни спиной, а не уходит из нее. И что тебе нужно ехать к нему.

Данька все еще не верил во всю эту ересь, но телефон все же, достал. По памяти набрал номер Дмитрия. Абонент был отключен.

- Поехали за вещами. Надеюсь, что билеты на самолет есть. Документы по практике, я тебе перешлю. Что ты теряешь, в конце концов? Практика уже почти закончена, все равно бы улетел через пару недель. Зато решишь, наконец, свои любовные дела, и если что, уже со спокойной душой переедешь сюда жить.

Билеты были. Через пять часов, Данил летел в свой город.

А Гоша звонил Светлане.

- Спасибо тебе Светик. А то я видеть не мог, как Данька себя изводит. Сто раз уже пожалел, что утянул его с собой. Теперь-то точно, хоть поговорят.

- Гош, я правду сказала. Я действительно его видела. Ты ведь мне описания не говорил, а Данил не поправил. Значит это точно он.

- И что, действительно умрет?

- Я не сказала, что умрет. Я не знаю. Но очень близко к смерти.

*****Глава 42

Если Бог действительно есть, и если он отец нам всем, то откуда в нем столько жестокости?

Почему он наказывает не тех, кого надо? Почему забирает невинных? Ведь это я - полное дерьмо, живущий, как последний мудака, приносящий окружающим только боль. Это моя жизнь - тяжелая ноша, которая сгибает тяжестью лжи, страхом быть уличенным. Вечным напряжением, притворством, неудовлетворенностью. Так почему не я, а она, которой ты даже родиться не дал? Почему, Господи, ты не забрал меня? Зачем тебе это? Зачем ты вообще дал мне родиться, если я не могу жить, как хочу. Зачем ты сделал меня таким?

Я смотрел из машины на падающий снег, было ощущение пустоты. Больной пустоты. Такой, которая затягивает в себя, как воронка, от которой хочется удавиться.

Я уже минут двадцать стоял у материного дома. Очень захотелось ее увидеть. А приехав, не мог найти сил выйти из машины. Смотрел на трубу, из которой тянуло прозрачным дымом, на новый забор, которого не было еще три месяца назад. Как же давно я не был дома.

Мать, наверное, сейчас суетится у печки, и не слышит, как подъехала моя машина.

Стешка - кавказская овчарка лениво вышла из будки, потянувшись, глянула безразлично на машину, справила нужду и так же лениво залезла

назад в будку. Сонное царство.

И все это такое родное, и в тоже время далекое. Словно я не провел в этом доме пол своей жизни.

Где, вообще тот дом, где было бы все родным? Наверное, на Звездого. Там было тепло и уютно, рядом с ним. В съемной, чужой квартире мне было хорошо. Хорошо там, где рядом со мной он. И я все просрал. Разрушил все, что мог разрушить. Свою жизнь, Данькину, Машину. И из-за меня жизнь моей дочери даже не началась.

И сейчас я приехал к единственному родному мне человеку, чью жизнь я, может быть, тоже разрушил. Она жила мной, а что я могу дать взамен? Она хотела для меня всего: семьи, хорошей жены, хорошей работы, желала, чтобы я был любим и любил. Ждала внуков. Ни одна ее мечта не сбылась. Зря она меня растила, зря терпела ради меня все от отца. Что я могу ей дать? Ничего, кроме разочарования в сыне.

Я не хочу, чтобы она все узнала от Маши. Лучше я сам.

***

Я обнял ее. Она стояла, прижавшись к моей груди, и все гладила меня по спине.

- Как же я соскучилась, сына. А ты чего один? Маша-то где? И не позвонил, не предупредил, у меня и угостить-то нечем.

- Mam, мне поговорить с тобой надо.

- Что случилось?- отрывается от меня и смотрит внимательно, с нарастающим беспокойством.

- Господи, ты сам на себя не похож. А похудел-то как! Она что, тебя бросила?

- Я не знаю, как все тебе рассказать. Я не знаю, мам, что мне делать.

- Рассказывай!- В лице испуг. Ждет плохого.

Как же больно мне это говорить.

- Маша потеряла сегодня ночью ребенка. Почти на седьмом месяце. Из-за меня.

- Господи, горе-то какое! -рука прикрывает рот, извечный жест при таких новостях -Ты ничего не говорил мне о ребенке - она садится на диван и смотрит на меня с осуждением

- Прости, что не сказал. Как-то тянул все, вот дотянул. -вижу каждую морщинку на ее лице, на ее руках. Все как будто не со мной, со стороны.

Мамка дергает меня, усаживая рядом с собой, и обнимает, гладит по голове, как маленького. Как в детстве, когда от чумки у меня умер щенок. Какая глупость в голову лезет.

- Сынок, это конечно беда, я понимаю, какого сейчас вам. Особенно ей. Но дай Бог, у вас будут еще дети. Я уверена, что будут. Она молодая, сильная девочка. Все будет хорошо. Так, что ты натворил? Из-за чего все это случилось? Надеюсь, ты не такой, как твой папаша? Ты ее не бил?

Я помотал головой. В горле все пересохло. Как мне ей сказать? Как она все воспримет?

- Я всю жизнь тебе врал, мам. Вообще всем врал. Боялся признаться даже тебе. И сейчас боюсь, не знаю, как ты это воспримешь.

Мать смотрела на меня непонимающе. Вся словно подобралась, руки сцепила в замок.

- В чем признаться? Ты что, в криминал залез?

- Мам, я гей. И Маша об этом узнала.

- Ты - кто?!

- Пидор, мам. Мужик, который любит не женщин, а парней. Да ты прекрасно знаешь, кто такие пидоры.

- Не мели чушь. Какой ты гей! Не выдумывай.

- Это правда, мам. Я изменял Маше с парнем. Она нас видела. Я врал ей, что люблю ее. Прикрывался ею, чтобы никто не догадался. Мне всегда нравились парни, а не девчонки.

Взгляд матери - не верящий, растерянный, не понимающий. Я, наверное, запомню его на всю жизнь. Как взгляд Даньки у подъезда. Как взгляд Маши, когда она оттолкнула меня в палате.

- Это все наша власть виновата. Вседозволенность, извращения. Раньше не было такого. Только в тюрьмах. А сейчас кругом, куда не глянь, распушенность и разврат. Убить тебя мало за такие фокусы! Сроду не ожидала от тебя такой мерзости! Проси у Машки на коленях прощения, хоть и не знаю, как такое можно простить.

- Мам! Это не фокусы! Я гей, я таким родился. Ты меня таким родила!

- Я таким тебя не рожала! Нахватался всякой дряни по телевизору! - она встала и подошла к умывальнику. Мыла руки с мылом долго, словно хотела отмыть их от грязи.

- Мам, сядь, выслушай меня, пожалуйста, и пойми.

- И слушать не хочу про эти мерзости!

Я все же усадил ее снова на диван. У нее губы тряслись, глаза покраснели.

- Помнишь, мне было тринадцать, и вы с отцом всю ночь меня проищкали, а наутро нашли в бане? Вы еще тогда подумали, что я обколотый. Отец меня догола раздел и ищкал проколы? Я тогда не обколотым был, а таблеток нажрался. Сдохнуть хотел. Я с двенадцати лет начал понимать, что такой, понимаешь мама? А в тринадцать точно знал, что я пидор. И ненавишел себя, отца, тебя, за то, что таким вот родился. Ненавишел всех за то, что они были нормальными, а я нет. Вспомни то время, каким я агрессивным стал. Я жить тогда не хотел, а сдохнуть не получилось. Потом я нашел у отца пистолет, но не смог. Струсил нажать на курок, до сих пор об этом жалею. Надо было еще тогда все закончить. Но мне было страшно, и я тогда нашел оправдание своей трусости – тебя. Я решил, что буду жить ради тебя, как ты с отцом ради меня. И научился притворяться и врать. А сейчас вот влюбился в Даньку. И просрал. Все просрал, всю свою жизнь.

Мать ревела навзрыд, вздохлеб.

- У нас не было в семье уродов, у отца тоже. Такими не рождаются, такими становятся. Это все мы с отцом виноваты. Он был чересчур жестким, тебе просто любви отцовской не хватало. А я тебя разбаловала. Все позволяла. И улица тоже свою роль сыграла.

- Мама! Да причем все это! Я таким родился! Родился, понимаешь! – я на нее кричал. Кричал на мать.

- Не понимаю! Как такое можно понять? Это извращение, мерзость! Выкинь это из головы и заведи, наконец, семью!

- Не могу, мам. Не могу, я пытался и вот что из этого вышло! Я потерял Даньку, ребенка, сделал несчастной Машу.

- Господи, за что мне все это! За что ты меня наказал, Господи! – было тошно смотреть на рыдающую мать, как в детстве. Я попытался ее обнять, но она оттолкнула.

- Уйди! Я на тебя всю жизнь положила, ты моей гордостью был. И что теперь? Сын извращенец? Что я Виктору скажу? Как я ему скажу, что мой сын гомик?

- А причем здесь Виктр? Да срать я хотел на твоего Виктора, он мне что, авторитет?

- Я с отцом ничего хорошего не видела, хочешь, чтобы я и на старость лет одна осталась?

Я всю жизнь на тебя угробила, все терпела, лишь бы у тебя все было. Дотерпелась, дождалась благодарности на старости лет.

- А что изменилось, мам? Не говори Виктору ничего, это вообще не его дело. И у тебя есть я, если что, я тебя к себе заберу. Не останешься ты одна.

- Нет, сынок, я с тобой жить не буду. Боже упаси. Я не рожала

извращенца. Вот только не зря говорят, материнская любовь бывает во вред. Пороть тебя надо было, и не было бы этого всего. Уходи. Не хочу тебя видеть, и знать о твоей развратной жизни ничего не хочу. Уходи – Она встала, умылась и вышла во двор.

А я стоял и не верил. Не мог поверить, что единственный человек, который, я думал, поймет меня, роднее которого нет – отказался от меня.

Я тоже умылся, чтобы не разреветься. Открыл подпол и спустился вниз. Я проверял после смерти отца, пистолет все так же был закопан в подполье, а саперская лопатка все так же воткнута в этом месте.

Мать сидела в бане и ревела навзрыд. Я зашел и обнял ее, прижался к ее макушке. Она тяжело вздохнула и высвободилась из моих рук.

– Уходи Дима. Лучше бы ты мне ничего не говорил. Уходи.

– Прости меня мам. За все прости – я все-таки не сдержался, слезы навернулись на глаза и я чуть ли не бегом бросился к машине.

За дверью бани осталась причитающая мать.

Квартиру я все еще снимал. В нее я и поехал. Не знаю, почему именно там мне хотелось, чтобы все закончилось. Хозяевам я, конечно же, подложу свинью, но мне уже плевать на все. Пусто и безразлично.

*****Глава 43

Домой Данька прилетел уже вечером. Мать с отцом, не ожидавшие его появления, переполошились, что он поругался с Георгием. Успокоив их, что все нормально, и он просто вернулся пораньше и Георгий вышлет ему все бумаги по практике, Данил первым делом вставил свою старую симку в телефон.

Сообщения и оповещения о не отвеченных вызовах приходили одно за другим.

Он искал смску только от одного абонента.

Нашел:

«Прости. Люблю тебя»

Прислана третьего января. Почти два месяца назад, сразу после случившегося.

В открытом ящике стола лежал брошенный ключ от съемной квартиры.

Скорее всего, квартиру Дмитрий сдал хозяевам и те наверняка сменили замок, но Данька поддавшись внезапному импульсу, сунул ключ в карман.

Где конкретно живет безопасник, Данил не знал. Знал, на какой улице и все.

– Ну, и где мне тебя искать? – вслух спросил он у себя, и вздрогнул, когда в руке завибрировал телефон.

Звонили с неопознанного номера, Данька нажал на прием.

- Данил, это ты? – мужской незнакомый голос.

- Я – растерялся Данька.

- Ну, слава Богу. А то девчонки сказали, что ты симку сменил и новый номер никому не дал. Ты в Питере?

Данилу стало казаться, что он слышал уже где-то этот голос, но не мог вспомнить где. Он подумал, что звонят из университета, и не знал, что ответить. Если скажет, что вернулся из Петербурга, то получается, что он бросил практику и не какие подтверждения о ее окончании, присланные Георгием, не спасут от неприятностей. Поэтому он молчал и только дышал в трубку, не зная, что говорить.

- Ты там уснул что ли? Даня, отзовись, ау...

- А с кем я разговариваю? Извините, но мне не знаком этот номер.

- Конечно, не знаком, я тебе не звонил ни разу. Олег Юрьевич, завгар, помнишь такого?

- Д-да – Данька даже присел от неожиданности – Что-то случилось? – сердце забухало тяжело, сжимаясь от плохого предчувствия.

- Дань, поговорить надо. О Саныче. Он случаем не к тебе в Питер умотал? А то мы здесь его обыскались.

- Я дома. Я сегодня прилетел. А откуда вы знаете про Питер? – Данил запаниковал. Он начал понимать, что завгар знает о них с безопасником. И раз на работе его стали искать через него – через Данила, значит, знают все.

- Раз ты дома, я сейчас подъеду. Разговор есть. Я помню, где ты живешь. Выйдешь?

- Хорошо.

Данька отключил телефон и быстро одевшись, выскочил на улицу. Его трясло. Вывод, что, скорее всего Маша рассказала всем о них, и Саныч пытался с ним связаться, предупредить – напрашивался сам собой. Поэтому он и к родителям приходил. Если на работе разразился скандал, то страшно даже представить, что пришлось пережить безопаснику.

Данил мерил шагами заснеженный тротуар, не в силах остановиться.

Минут через десять во двор заехала машина завгара, которую Данька видел на стоянке Хладокомбината ни один раз.

Юрьич открыл дверь с пассажирской стороны:

- Садись.

Данька сел. Чего он ждал от этого общения, он и сам не знал.

- Дань, я знаю про вас с Саньчем, и у меня к тебе разговор.

- Все узнали? Маша рассказала? - Данька теребил ремень безопасности, то натягивая его, то отпуская. Завгар вынул ремень из его рук и пристегнул.

- Нет. Саньч сам мне все рассказал. И кроме меня никто не знает. Здесь такое дело, Маша потеряла ребенка. Саньч не сказал никому о несчастье. Просто генералу Димка зачем-то понадобился, и, не дозвонившись до него, он позвонил Маше. Так и узнал. Потом позвонил мне, с просьбой съездить к Димке домой, поддержать. Но его нет дома, или не открывает. В общем я не могу его найти.

Данька слушал завгара, и до него с трудом доходило, что он ему говорит. В ушах стоял гул, и в этом гуле лишь одна фраза: «Маша потеряла ребенка»

Но следующие слова Олега Юрьевича выдернули его из этого вакуума.

- Я боюсь за него. Как бы не сделал чего с собой. Он последнее время сам не свой ходил. Все навалилось сразу на мужика. Твой отъезд, больница, увольнение, а теперь еще и это.

- Какая больница? Увольнение? - Данил ошарашено смотрел на завгара, не в силах переварить информацию.

- Он в больницу попал после того, как Маша вас запалила, с приступом. Потом вышел, узнал, что ты укатил, совсем стал как чумной. Ну и с работы пришлось уйти, генерал в Москву свинтил и на свое место этого мудака, своего зама, поставил. Я в тот день с Саньчем разговаривал, тогда он мне все и рассказал про вас, про Машу. На него страшно смотреть было, я его таким никогда не видел. А представь, что с ним сейчас творится? Я еще надеялся, что он в Питер к тебе рванул.

- Поехали! Быстрее поехали! Значит, она правду все сказала!

- Кто, и что сказала?

- Экстрасенс. Она сказала, что он спиной к жизни стоит, уйти хочет, я и прилетел поэтому. Гони на Звездого, если он не там, то я не знаю что делать.

- Урод! Вот урод, он же обещал! Я так и знал, видел ведь тогда. Блядь! - Юрьич рванул машину с места так, что Даньку вжало в сиденье.

***

Я помылся, побрился. Переодеваться не стал. Ну, там рубаху чистую... Как в старинку перед смертью старики одевали. Хотя, зачем брился? Кто там будет на мое бритье смотреть? Смешно, какие глупости только в голову не лезут. Попил чаю. И решил, что портить кухню людям не буду. Сделаю это в ванной. В душевой кабинке, предварительно включив

душ, чтобы кровь смыло. Записку писать не стал. Зачем? Глупости все эти прощания. Просить прощение у людей перед смертью, чтобы они потом чувствовали себя ответственными и виноватыми за мое решение? Это не честно по отношению к ним. В своем не желании жить, виноват только я сам. Я просто устал. И пусть это будет слабостью, пусть такой выход – трусость, эгоизм по отношению к близким, но я хочу этого. Хочу, чтобы все кончилось. Хочу не думать, не чувствовать, не бороться. Хочу покоя и тишины. Темноты и облегчения. Так будет лучше для всех.

Я открыл коробку с Макаровым. Отец аккуратно все хранил. Патроны, ветошь, паклю, смазку и щетку для чистки. Полный набор. Последний раз я чистил и смазывал пистолет после его смерти. Больше его не доставал.

Разобрал, выложил все на кухонном полотенце и занялся чисткой.

Ну вот, щелчок, и магазин на месте. Все готово. Убрал с предохранителя, передернул затвор и положил пистолет на стол.

Вымыл руки от смазки, вытер насухо. Подошел к окну, закурил последнюю сигарету в своей жизни. Хорошо. Потянулся, чтобы открыть форточку и застыл:

У подъезда остановилась машина завгара, и из нее выскочил Данька и сам Юрьич.

Данька подбежал к моей тачке, заглянул зачем-то внутрь, а затем со всей дури заехал кулаком по капоту. Сигнализация тут же взвыла. Он поднял голову, и увидев меня в окне, кинулся к подъезду, завгар за ним.

Я настолько был ошарашен их появлением, что не мог в это поверить. Пистолет вылетел из головы, и я даже не попытался его убрать. Так и стоял у окна, тупо пялясь на машину Юрьича. Щелкнул замок и я повернулся на звук.

Завгар влетел первым, и, глянув на стол, со всего маху зарядил мне в челюсть. Я не успел очухаться от первого удара, как он, схватив меня за грудки, развернул от окна в сторону двери и вмазал еще. Я впечатался в Даньку, и мы завалились на пол.

Олег орал, что я сволочь, урод траханный и что-то еще. А я прижимался спиной к груди Данила, слизывал кровь с разбитых губ и улыбался, как debil.

Юрьич, увидев мою улыбку, сдулся и перестал орать. Присел рядом с нами на корточки, хватая меня за чуб и поднимая голову:

– Чё ты лыбишься, придурок? Дай посмотреть. Челюсть как, не сломана? Подвигай.

Я подвигал, и начал хохотать.

Данька молча сопел мне в затылок, прижимая меня к себе, а я смеялся и не мог остановиться.

– Как вы во время. Не успел даже докурить! Это что, Боженька вас сюда закинул?

Данил отпихнул меня от себя и встал. А я лежал на полу и ржал как идиот.

– Надо же, закурить вдруг захотелось. Судьба, наверное.

– Вот ты урод Саныч, ты же мне обещал, тогда в сауне. Говорил, что никогда такого не сделаешь. Сволочь ты, эгоист. Вставай, давай, хватит

ржать – Юрьич дернул меня за шкурку, пытаюсь поднять на ноги.

– Все, все я сам. Встаю.

Я поднялся и подошел к Даньке, стоящему у окна и мнущему не зажженную сигарету в руках. Они у него тряслись. Он смотрел на меня, нервно кусая губы и сдерживая, по-видимому, слезы.

Я притянул его к себе, прижал крепко, со всей силы, ощущая как его спина начала вздрагивать.

Юрьич, глянув на нас, закурил и пошел к двери.

– Позвони мне потом.

Дверь хлопнула, и мы остались одни.

Эпилог.

Решение переехать в Питер далось мне нелегко. В первую очередь из-за матери. Она позвонила мне сама, через неделю после моей неудавшейся попытки самоубийства. Попросила приехать. А потом долго плакала у меня на груди, когда я сказал, что скоро уеду насовсем. И никакие убеждения, что я буду приезжать, и она ко мне тоже, не действовали. За неделю, которую она не находила себе места, думая обо мне, она испугалась, что потеряет меня навсегда, и смирилась со всеми моими «извращениями». О Даньке, правда, слышать не хотела. Надеется, что я все же одумаюсь и женюсь, не на Маше, так еще на ком-нибудь.

Я не стал с ней спорить и переубеждать. Главное, что я ей открылся, и она знает. А уж надеяться, что эта дурь у меня пройдет, я не могу ей запретить.

Маша со мной разговаривать не стала, может оно и к лучшему. Приехал отец, забрал ее вещи и на этом все. Осталась только боль, от того, что все вот так вышло.

Как только Данил получит диплом, мы уедем. Надеюсь, у меня не будет проблемы с работой, Данькин родственничек, обещался помочь.

Квартиру пока продавать не буду, сдам. А там посмотрим.

Ключи от квартиры на Звездого я отдал хозяевам.

Данька врет родичам напропалую, что ночует у девчонки, хочет побыть с ней перед отъездом.

На просьбу родителей познакомить с «невестой», отнекивается, что скоро все равно уезжать. Так зачем их знакомить, если все равно придется расстаться с девушкой.

Ему нравится у меня дома. Он быстро освоился и даже начал наводить свои порядки. Представляю, что меня ждет в Питере.

Лежим на диване, валяем дурака. Я – безработный, а Данька, забивший на подготовку к экзаменам.

До них еще далеко, а вот я рядом. Нам хорошо. Нам пока хорошо вместе. Что будет дальше – не знаю, но мне становится дурно, когда я думаю, что мог и не закурить ту последнюю сигарету.

Конец.